PI 202
ФПСрI 28/1834 1
VIII F 12
5829/2
БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ
5834
БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ
5833

PI 202
1834

VIII F
58
БИ
МАТ
5
Б
МАТ

39.

БИБЛИОТЕКА
Инв. бр. 5829
МАТИЦЕ СРПСКЕ

5834

VIII
БИ
МАТ
5

Schwind del. Lehnhardt sc.

Оследало супружеске любови и вѣрности.

РІ 202 ФПСрІ 28/1834 1

ЗАБАВНИКЪ

за 1834 годину

сочинѣніе

Димитрія Давидовича

Секретара Княжескога

и члена ученога Краковскога

Дружства

У КРАГУЄВЦУ.

У Княжеско-Србской печатньи.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
Кн. бр. 5829

L. K. 56.

БИБЛИОТЕКА
Инв. бр. 5829
МАТИЦЕ СРПСКЕ

Нека грми, нека тутњи
Сва Европа, цѣо Свѣтъ,
Налазећи сласть у мутњи —
Я да пѣвамъ любве цвѣтъ!

Цвѣтъ любови мироточный —
Красны дѣва Србски рой;
И юнака непорочны
Развієный славомъ строй.

Да ій китимъ цвѣћемъ хвале,
Пролазећи крозъ њинъ станъ;
И честитамъ имъ безъ шале
Нову звѣзду — срећный данъ.

Нову звѣзду — благоденство,
Коємъ сада сную зидъ; —
Отвргнувши зла бѣшенство
И варварства грубый видъ.

Да честитамъ имъ путаню,
Пробіену на Парнасъ; —
Съ жельомъ, да имъ ноћу — даню
Расти на нѣм' духъ и гласъ.

Да найпосле бацывъ око
И на онай съ брда путъ,
Коимъ Витезъ нашъ и Соко
Добра тога проби судъ;

Я протрубимъ много лѣта
Виновнику свега тогъ;
Да му даде овогъ свѣта
Све, што жели, благій Богъ!

Паунъ Јанковићъ.

КАЛЕНДАРЪ

ЗА

1834 ГОД.

ПАСХАЛІЯ.

Кругъ сунца ове године є . . . . . 6.
Кругъ месеца, или златно число . . . . . 8.
Писмо пасхално . . . . . Ђ
Ново се лѣто починѣ у понедельникъ.
Месовѣе или фашанге траю, дана . . . . . 63.
Месне покладе быће Февруара . . . . . 25.
Сирне, или беле покладе, Марта . . . . . 4.
Четр'естъ Мученика, Марта . . . . . 9.
Воскресеніе Хрістово, Апріла . . . . . 22.
Спасовъ данъ, Мая . . . . . 31.
Дуови Юнія . . . . . 10.
Неделя свію Светы, Юнія . . . . . 17.
Петровъ постъ трае дана . . . . . 11.
Петровъ данъ пада у Петакъ.
Постъ Госпоинскій быва сваке године одъ 1. до 15.
Августа.
Постъ Божићный быва сваке године одъ 15. Ноем.
до 25. Декемвра.

ІАНУАРІЙ има 31 данъ.

	Пон.	1	Обрѣзаніе Господне.
	Вто.	2	Сілвестра Папы Р.
	Сре.	3	Малахіа и Гордіа.
	Чет.	4	Соборъ 70 Апостолъ.
☽	Пет.	5	Ѳеопемпта и Ѳеоны.
	Суб.	6	Богоявленіе Господ.
	Нед.	7	Іоанна Крестителя.
	Пон.	8	Георгіа и Емиліана.
	Вто.	9	Полѵевкта мучен.
	Сре.	10	Григоріа Еписк. Нис.
	Чет.	11	Ѳеодосіа преподобн.
♑	Пет.	12	Татіаны мученицы.
	Суб.	13	Ермѵла и Стратон.
	Нед.	14	Саввы Арх. Сербск.
	Пон.	15	Паѵла Ѳивейскаго.
	Вто.	16	Ап. Петра веригъ.
	Сре.	17	Антоніа великаго.
	Чет.	18	Аѳанасіа и Кѵрілла.
	Пет.	19	Макаріа Егѵптян.
☾	Суб.	20	Еѵѳѵміа великаго.
	Нед.	21	Максіма исповѣдн.
	Пон.	22	Тімоѳеа и Анастас.
	Вто.	23	Климента Епіс. Агк.
	Сре.	24	Преп. матере Ксен.
	Чет.	25	Григоріа Богослова.
	Пет.	26	Ксенофонта и друж.
	Суб.	27	Іоан. Злат. мощ. пр.
♒	Нед.	28	Ефрема Сѵріна.
	Пон.	29	Прен. мщ. Ігнатіа.
	Вто.	30	Велик. Іерархов.
	Сре.	31	Кѵра и Іоанна.

☽

Прва четверть настає 5-га у 1. с. 13 мін. после подне; съ ладнимъ временомъ, снегомъ и ледомъ.

♑

Пунъ месецъ (уштапъ) быће 12-га, у 5 сат. 31 мін. после подне; са снегомъ и кишомъ.

☾

Последня четверть наступа 20-га, у 7 сат. 40 мін. после подне; изъ почетка мутно кишовито време.

♒

Новъ месецъ (мена) пада 28-га, у 4 с. 41 мін. пре подне, изъ почетка отоплява се, потомъ снегъ и ладноћа.

ФЕВРУАРІЙ има 28 дана.

	Чет.	1	Трѵфона мученика.
	Пет.	2	Срѣтеніе Господне.
☽	Суб.	3	Сѵмеона Богопріим.
	Нед.	4	Ісідора Пілусіотска.
	Пон.	5	Агаѳіи мученицы.
	Вто.	6	Вукола Епіс. Смѵрн.
	Сре.	7	Парѳеніа Еп. Лампс.
	Чет.	8	Ѳеод. Страт. и Зах.
	Пет.	9	Нікифора мученика.
	Суб.	10	Харалампіа мучен.
	Нед.	11	Власіа священном.
	Пон.	12	Мелетіа Пат. Ант.
	Вто.	13	Мартініан. и Сим. С.
	Сре.	14	Аѵксентіа препод.
	Чет.	15	Онисіма апостола.
	Пет.	16	Памфіла мученика.
	Суб.	17	Ѳеодора Тѵрона.
	Нед.	18	Льва Папы Римск.
☾	Пон.	19	Архіппа апостола.
	Вто.	20	Льва Епіск. Катан.
	Сре.	21	Тімоѳеа преподоб.
	Чет.	22	Обрѣтеніе мщ. Еѵт.
	Пет.	23	Поликарп. Еп. Смѵр.
	Суб.	24	Обр. гл. Іоанна крес.
	Нед.	25	Тарасіа Патр. Конс.
	Пон.	26	Порфѵріа Епіс. Газ.
	Вто.	27	Прокопіа Декапол.
	Сре.	28	Васіліа Спостника.

Прва четверть биће 3га, у 9 с. 30 мін. после подне; до преко половине весма ладно, потомъ кишовито.

Пунъ месецъ (уштапъ) пада 11га у 10 с. 31 мін. пре подне, са непостоянимъ влажно ладнимъ временомъ.

Последня четверть настає 19га, у 2 с. 56 мін. после подне, са непогоднимъ, ладнимъ временомъ.

Новъ месецъ (младина, мена) биће 26га, у 4 с. 32 мін. после подне, време као у прећашньой четверти.

МАРТЪ има 31 данъ.

	Чет.	1	Евдокіи преподобм.
	Пет.	2	Θеодота Еп. Кирін.
	Суб.	3	Евтропіа мученика.
	Нед.	4	Герасіма преподоб.
☽	Пон.	5	Конона мученика.
	Вто.	6	Свят. 42 мученика.
	Сре.	7	Священном. въ Херс.
	Чет.	8	Θеофулакт. Еп. Нік.
	Пет.	9	40 Мучениковъ.
	Суб.	10	Кодрата и друг. его.
	Нед.	11	Софроніа Патріарх.
	Пон.	12	Преподоб. Θеофана.
	Вто.	13	Прен. мщ. Нікифора.
	Сре.	14	Венедікта препод.
	Чет.	15	Агапіа мученика.
	Пет.	16	Савіна и Папы.
	Суб.	17	Алексіа чел. Божія.
	Нед.	18	Кирілл. Архіеп. Іер.
	Пон.	19	Хрисанθа и Даріи.
	Вто.	20	Во обители с. Саввы.
☾	Сре.	21	Іакова Епіскопа.
	Чет.	22	Василіа пресвитера.
	Пет.	23	Нікона преподоб.
	Суб.	24	Артеміа Еп. Θесс.
	Нед.	25	Благовѣщен. Бцы.
	Пон.	26	Соборъ Арх. Гавр.
	Вто.	27	Матроны матере.
	Сре.	28	Іларіон. и Стеф. чуд.
	Чет.	29	Марка Еп. и Кирілл.
	Пет.	30	Іоанн. Лѣствичника.
	Суб.	31	Ипатіа Епіс. Гаггр.

☽

Прва четверть наступа 5га, у 7 с. 22 мін. пре подне; ютромъ и вечеромъ ладно, преко данъ понайвише лепо и топло.

Пунъ месецъ (уштапъ) пада 13га, у 5 с. 27 мін. пре подне; време ка' у прошастой четверти.

☾

Последня четверть бьиће 21. у 6 с. 45 мін. пре подне; са умерено ладнимъ временомъ.

Новъ месецъ (мена) пада 28га, у 1 с. 30 мін. пре подне, зима попушта, време се чисти.

АПРІЛІЙ има 30 дана.

	Нед.	1	Преп. Маріи Егѵит.
	Пон.	2	Тіта чудотворца.
☽	Вто.	3	Нікити исповѣдн.
	Сре.	4	Іосифа и Георг. Мал.
	Чет.	5	Ѳеодула и Агаѳопо.
	Пет.	6	Ефтихіа Арх. Кпл.
	Суб.	7	Георгіа Еп. Меліт.
	Нед.	8	Апост. Іродіона.
	Пон.	9	Ефпсѵхіа мученика.
	Вто.	10	Терент. муч. и др.
	Сре.	11	Антѵпы Еп. Пер. Ас.
	Чет.	12	Васіліа Еп. Паріиск.
	Пет.	13	Артемона Священ.
	Суб.	14	Мартіна папы Рим.
	Нед.	15	Аріст. Пуда и Троф.
	Пон.	16	Агапіи, Ирины и Хіо.
	Вто.	17	Сѵмеона Персідска.
	Сре.	18	Іоанна учен. Гр. Дек.
☾	Чет.	19	Іоанна ветхопещ.
	Пет.	20	Препо. отц. Ѳеодор.
	Суб.	21	Іаннуар. и Алексан.
	Нед.	22	Воскресен. хрісг.
	Пон.	23	Воскр. Пон. и С. Геор.
	Вто.	24	Воскресен. Втор.
	Сре.	25	Ефаггеліста Марка.
●	Чет.	26	Свящм. Васіліа Е. А.
	Пет.	27	Сѵмеона сред. Госп.
	Суб.	28	Іасона и Сосіпатра.
	Нед.	29	Святыхъ 9 мучен.
	Пон.	30	Іакова брата Іоанна.

☽

Прва четверть настаѥ 3 га, у 7 с. 14 мін. после подне; са меканимъ временомъ.

Пуномесечіѥ (уштапъ) быће 11га, у 9 с. 5 мін. после подне; изъ почетка мразеви и ладноћа, а на краю лепо и топло.

☾

Последня четверть настаѥ 19га, у 6 с. 32 мін. после подне; починѣ са весма топлимъ а свршуѥ са ладнимъ временомъ.

●

Новъ месецъ (мена) пада 26га, у 9 с. 21 мін. пре подне; испрва лепо, после ладно време.

МАЇЙ има 31 данъ.

	Вто.	1	Пророка Іереміи.
	Сре.	2	Аѳанасіа Пат. Алек.
☽	Чет.	3	Тімоѳеа и Лаѵры.
	Пет.	4	Препдмучц. Пелагіи.
	Суб.	5	Ірины мученицы.
	Нед.	6	Іова Многострадал.
	Пон.	7	Акакіа мученика.
	Вто.	8	Іоан. Еѵаг. и Арсен.
	Сре.	9	Исаіи и пр. мщ. с. Нік.
	Чет.	10	Ап. Сімона Зилота.
	Пет.	11	Мокіа и Меѳ. Еп. Мор.
	Суб.	12	Епіфаніа и Германа.
	Нед.	13	Глѵкеріи мученицы.
	Пон.	14	Ісідора мученика.
	Вто.	15	Пахоміа великаго.
	Сре.	16	Ѳеодора освященна.
	Чет.	17	Андроніка Апост.
	Пет.	18	Ѳеодота мученика.
☾	Суб.	19	Сщм. Патрік. Е. Пр.
	Нед.	20	Ѳалалеа мученика.
	Пон.	21	Констант. и Єлены.
	Вто.	22	Васіліска мучен.
	Сре.	23	Міхаила Еп. Сѵнад.
	Чет.	24	Сѵмеона на дивнѣй.
●	Пет.	25	III. обр. глав. Пред.
	Суб.	26	Карпа Апостола.
	Нед.	27	Свящм. Ѳерапонта.
	Пон.	28	Нікити Еп. Халк.
	Вто.	29	Муч. Ѳеодос. дѣвы.
	Сре.	30	Ісаакіа обит. Далм.
	Чет.	31	Вознесеніе Хріст.

Прва четверть настає 3га, у 8 с. 57 мін. пре подне; са ладнимъ непріятнимъ временомъ.

Пунъ месецъ (уштапъ) пада 11га, у 0 с. 37 мін. после подне; са топлимъ пріятнимъ временомъ.

Последня четврть биће 19. р 2 с. 29 мін. пре подне; са мутнимъ поладнимъ временомъ.

Новъ месецъ (мена) пада 25 у 5 с. 0 мін. после подне; време као у пређашньой четврти.

ІУНІЙ има 30 дана.

	Пет.	1	Іустіна муч. філос.
☽	Суб.	2	Нікифора П. Конст.
	Нед.	3	Лукілліана мучен.
	Пон.	4	Митрофана Патр.
	Вто.	5	Дороѳеа Еп. Тѵрска.
	Сре.	6	Висаріона чудотвор.
	Чет.	7	Ѳеодота Еп. Агк.
○	Пет.	8	Ѳеодора стратил.
	Суб.	9	Кѵрілла Архіеп. Ал.
	Нед.	10	Сошест. св. Духа.
	Пон.	11	Духовный Пон.
	Вто.	12	Онуфріа великаго.
	Сре.	13	Мученицы Акѵліны.
	Чет.	14	Елісеа прор. и Меѳ.
	Пет.	15	Амоса пр. и К. Лазар.
	Суб.	16	Тѵхона Амаѳунс.
☾	Нед.	17	Мануила и Савела.
	Пон.	18	Леонтіа мученика.
	Вто.	19	Іуды брата Господ.
	Сре.	20	Меѳодіа Епіс. Пат.
	Чет.	21	Іуліана муч. Тарсій.
	Пет.	22	Еѵсевіа Еп. Самосад.
	Суб.	23	Агрѵпіны мученицы.
●	Нед.	24	Рождество Іоан. Кр.
	Пон.	25	Феѵроніи мученицы.
	Вто.	26	Давіда Селунскаго.
	Сре.	27	Сампсона странно.
	Чет.	28	Кѵра и Іоанна безср.
	Пет.	29	Ап. Петра и Паѵла.
	Суб.	30	Соборъ 12 апостолъ.

☽

Прва четверть настає 2. у 0 с. 14 мін. пре подне; са лепимъ топлимъ временомъ.

○

Пунъ месецъ (уштапъ) быће 9га, у 2 с. 12 мін. пре подне; погода времена као у прошастой.

☾

Последня четверть настає 17га, у 7 с. 52 мін. пре подне; са врућиномъ и грмлявиномъ.

●

Новъ месецъ (мена) пада 24га у 1 с. 34 мін. пре подне; време као у прошастой четверти.

ІУЛІЙ има 31 данъ.

☽	Нед.	1	Космы и Даміана.
	Пон.	2	Положеніе ризы Бцы.
	Вто.	3	Vакінѳа мученика.
	Сре.	4	Андреа Крит. Архіп.
	Чет.	5	Аѳанасіа Аѳонскаго.
	Пет.	6	Сісоа великаго.
	Суб.	7	Ѳомы и Акакіа.
	Нед.	8	Прокопіа великомч.
🌖	Пон.	9	Пагкратіа Еп. Тavр.
	Вто.	10	45 муч. въ Нікон. Ар.
	Сре.	11	Еvфиміи мученицы.
	Чет.	12	Прокла и Іларіа.
	Пет.	13	Соборъ арх. Гавріи.
	Суб.	14	Акvлы апостола.
	Нед.	15	Кирvка и Іулітты.
☾	Пон.	16	Аѳинногена свящмч.
	Вто.	17	Маріны великмчц.
	Сре.	18	Vакінѳа и Еміліан.
	Чет.	19	Макріны сест. в. В.
	Пет.	20	Пророка Иліи.
	Суб.	21	Сvмеона и Іоанна.
	Нед.	22	Маріи Магдалины.
🌗	Пон.	23	Трофіма и Ѳеофіла.
	Вто.	24	Хрістіны мучениц.
	Сре.	25	Успеніе свят. Анны.
	Чет.	26	Ермолаа священмуч.
	Пет.	27	Пантелеимон. вел.
	Суб.	28	Прохора и Ніканора.
	Нед.	29	Каллініка мученика.
	Пон.	30	Сілы и Аггел. Десп.
🌒	Вто.	31	Еvдокіма праведна.

☽

Прва четврть биће 1га, у 4 с. 55 мін. после подне; са мутнимъ поладнимъ временомъ.

🌖

Пунъ месецъ (уштапъ) настає 9га, у 2 с. 8 мін. после подне; са кишовитимъ ладнимъ временомъ.

☾

Последня четврть биће 16. у 0 с. 9 мін. после подне; испрва кишовито, после лепо.

🌗

Новъ месецъ (мена) пада 23га. у 11 с. 57 мін. пре подне; са чистимъ топлимъ временомъ.

🌒

Прва четврть пада 31га, у 10 с. 12 мін. пре подне; обећава чисто време, врућине.

АVГУСТЪ има 31 данъ.

	Сре.	1	Происхож. чести. †
	Чет.	2	Мощи св. Стефана.
	Пет.	3	Ісаакіа и Фаvста.
	Суб.	4	7 Отроковъ во Ефес.
	Нед.	5	Еvсvгніа мученика.
	Пон.	6	Преображ. Христ.
	Вто.	7	Домет. Пулхеріи Ц.
☽	Сре.	8	Еміліана Еп. Кvзіч.
	Чет.	9	Матѳіа апостола.
	Пет.	10	Лаvрентіа архідіак.
	Суб.	11	Еvпла муч. и діакон.
	Нед.	12	Фотіа и Анікиты.
	Пон.	13	Максіма исповѣдн.
☾	Вто.	14	Міхеа пророка.
	Сре.	15	Успеніе Богород.
	Чет.	16	Святаго убруса.
	Пет.	17	Мvрона мученика.
	Суб.	18	Флора и Лаvра муч.
	Нед.	19	Андреа Стратил.
	Пон.	20	Самуила пророка.
	Вто.	21	Ѳаддеа апостола.
♎	Сре.	22	Агаѳоника мученик.
	Чет.	23	Луппа мученика.
	Пет.	24	Еvтvха священмуч.
	Суб.	25	Варѳол. ап. и Тіта.
	Нед.	26	Адріана и Наталіи.
	Пон.	27	Ніімена преподобн.
	Вто.	28	Моvсеа Муріна.
	Сре.	29	Усѣкн. Іоан. крест.
☽	Чет.	30	Алексан. и Іоан. Па.
	Пет.	31	Чест. пояса Богор.

☾

Пуиъ месецъ (уштапъ) пада 8га, у 0 с. 20 мін. пре подне; са чистимъ жаркимъ временомъ.

☾

Последня четврть настає 14. у 5 с. 7 мін. после подне; време као у прошастой.

●

Новъ месецъ (мена) пада 22га, у 0 с, 46 мін. пре подне; са пріятнимъ краснимъ временомъ.

☽

Прва четврть настає 30га, у 3 с. 53. мін. пре подне, са есенимъ временомъ.

СЕПТЕМВРІЙ има 30 дана.

	Суб.	1	Сумеона и Марѳы.
	Нед.	2	Маманта и Іоан. П.
	Пон.	3	Анѳіма и Ѳеоктіст.
	Вто.	4	Вавулы Еп. и Моис.
	Сре.	5	Захаріи пр. и Елісав.
♈	Чет.	6	Евдоксіа мученика.
	Пет.	7	Созонта мученика.
	Суб.	8	**Рождество Богород.**
	Нед.	9	Іоакіма и Анны.
	Пон.	10	Минодоры и Митр.
	Вто.	11	Ѳеодоры Александр.
	Сре.	12	Автонома священм.
♌	Чет.	13	Корниліа сотника.
	Пет.	14	**Воздвиж. чест ✝**
	Суб.	15	Нікиты великомуч.
	Нед.	16	Евфиміи великомуч.
	Пон.	17	Софіи и чадъ ея.
	Вто.	18	Евменіа Еп. Гортин.
	Сре.	19	Трофіма и Савватіа.
♎	Чет.	20	Евстаѳіа великмуч.
	Пет.	21	Кодрата апостола.
	Суб.	22	Фоки и прор. Іоны.
	Нед.	23	Зачатіе Іоанна крес.
	Пон.	24	Ѳекл. и Сим. К. Серб.
	Вто.	25	Евфросиніи Препод.
	Сре.	26	Престав. Евраг. Іоан.
	Чет.	27	Каллістрата муч.
♑	Пет.	28	Харітона Препод.
	Суб.	29	Кіріака отшелн.
	Нед.	30	Григоріа в. Арменіи.

Пунъ месецъ (уштапъ) пада 6га, у 9 с. 52 мін пре подне; испрва поладно, после опетъ лепо.

Последня четверть настає 13га, у 0 с. 13 мін. пре подне; са мутнимъ кишовитимъ временомъ.

Новъ месецъ (мена) пада 20га, у 3 с. 59 мін. после подне; са непріятнимъ временомъ.

Прва четверть настає 28. у 8 с. 47. мін. после подне; са ладнимъ временомъ.

ОКТОВРІЙ има 31 данъ.

	Пон.	1	Покровъ Богород.
	Вто.	2	Кѵпріана и Іустіны.
	Сре.	3	Діонѵсіа Ареопаг.
	Чет.	4	Іероѳ. и Стеф. Щил.
☽	Пет.	5	Харітіны мученицъ.
	Суб.	6	Ѳомы апостола.
	Нед.	7	Сергіа и Вакха.
	Пон.	8	Пелагіи и Тарасіи.
	Вто.	9	Іаков. Ап. и Стеф. Д.
	Сре.	10	Ев.лампіа мученика.
☾	Чет.	11	Філіппа апостола.
	Пет.	12	Прова Тараха муч.
	Суб.	13	Карпа и Папѵлы.
	Нед.	14	Параскеѵы Преп.
	Пон.	15	Евѳіміа и Лукіана.
	Вто.	16	Логгіна мученика.
	Сре.	17	Осіи пророка.
	Чет.	18	Луки Ев.аггеліста.
	Пет.	19	Іоиля пророка.
●	Суб.	20	Артеміа великомуч.
	Нед.	21	Іларіона преподоб.
	Пон.	22	Аверкіа Епіс. Іерап.
	Вто.	23	Іакова брата Госпо.
	Сре.	24	Ареѳы мученика.
	Чет.	25	Маркіана и Март.
	Пет.	26	Димитріа великмч.
	Суб.	27	Нестора мученика.
☽	Нед.	28	Терентіа, Арсеніа А.
	Пон.	29	Анастасіи мученицъ.
	Вто.	30	Зинов. и Милут. К.
	Сре.	31	Стахѵа, и Ампліа.

☽

Пунъ месецъ (уштапъ) пада 5га, у 6 с. 42 мін. после подне; са ведримъ пріятнимъ єсеньимъ временомъ.

☾

Последня четверть настає 11га, у 10 с. 40 мін. пре подне; изъ почетка лепо, а на концу ладно време.

●

Новъ месецъ (мена) пада 20. у 9 с. 44. мін. пре подне; ютромъ ладно, а после подне чисто и топло.

☽

Перва четврть настає 28га у 11 с. 45 мін. пре подне; испрва киша, потомъ се мрзне.

НОЕМВРІЙ има 30 дана.

	Чет.	1	Косми и Даміана.
	Пет.	2	Акиндіна и Пигасіа.
	Суб.	3	Акепсімы и Іосифа.
☽	Нед.	4	Прп. Іоанікіа Вел.
	Пон.	5	Галактіона и Епист.
	Вто.	6	Павла Архіеп. К.
	Сре.	7	33 Мучен. въ Меліт.
	Чет.	8	Міхаила Архістр.
	Пет.	9	Онисифора и Порф.
	Суб.	10	Ераста и Олимпа.
☾	Нед.	11	Мины, и Стеф. Деч.
	Пон.	12	Іоанна милостиваго.
	Вто.	13	Іоанна Златоуста.
	Сре.	14	Філіппа апос. и Пок.
	Чет.	15	Гуріа, постъ р. Хр.
	Пет.	16	Матѳеа Евангелст.
	Суб.	17	Григоріа Епіскопа.
	Нед.	18	Платона и Романа.
◐	Пон.	19	Авдіа пророка.
	Вто.	20	Григоріа Декапол.
	Сре.	21	Входъ Богородицы.
	Чет.	22	Філимона апостола.
	Пет.	23	Амфілох. Еп. Іконій.
	Суб.	24	Екатеріны великм.
	Нед.	25	Климента Папы Р.
☽	Пон.	26	Алипіа Преподобн.
	Вто.	27	Іакова Персянина.
	Сре.	28	Стефана Новаго.
	Чет.	29	Парамона мученика.
	Пет.	30	Андреа первозванна.

☽

Пунъ месецъ (уштапъ) пада 4га, у 4 с. 17 мін. пре подне; чисто, ютромъ ладно, даню топло време.

☾

Последня четверть настає 11га, у 0 с. 22 мін. пре подне; време као у предидуѣей четверти.

●

Новъ месецъ (мена) пада 19. у 4 с. 37 мін. пре подне; прети ладнимъ мутнимъ временомъ, и кишомъ.

☽

Прва четврть настає 26га, у 0 с. 1 мін. пре подне; са мутнимъ снежнимъ облацыма.

ДЕКЕМВРІЙ има 31 данъ.

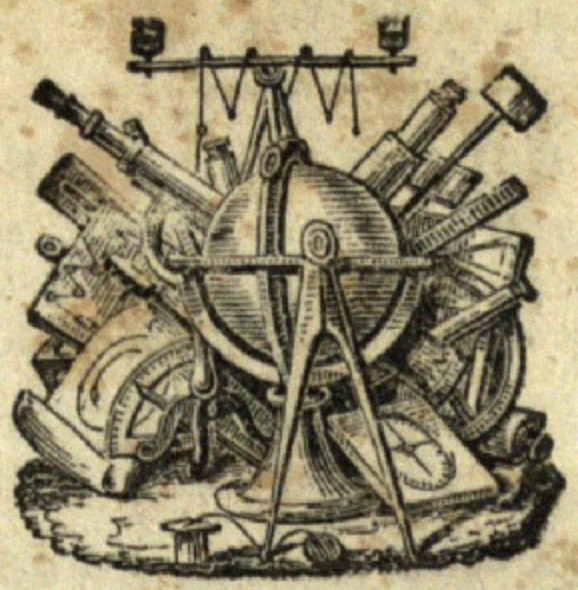
	Суб.	1	Наума пророка.
	Нед.	2	Аввакума и Уроша.
☽	Пон.	3	Софоніа пророка.
	Вто.	4	Варвары великомуч.
	Сре.	5	Саввы освященнаго.
	Чет.	6	Ніколаа Арх. Мур.
	Пет.	7	Амвросіа Епіс. Мед.
	Суб.	8	Патапіа Преподоб.
	Нед.	9	Зачатіе Богородиц.
☾	Пон.	10	Ермогена и Іоан. Д.
	Вто.	11	Данінла Столпника.
	Сре.	12	Спурідона Еп. Тріт.
	Чет.	13	Евстрат. и Асен.
	Пет.	14	Өурса, Левкіа и Філ.
	Суб.	15	Елевөеріа священм.
	Нед.	16	Аггеа пророка.
	Пон.	17	Данінла пророка.
●	Вто.	18	Севастіана мучен.
	Сре.	19	Воніфатіа мучен.
	Чет.	20	Ігнатіа Богоносца.
	Пет.	21	Іуліанін мученицы.
	Суб.	22	Анастасіи великом.
	Нед.	23	10 мучен. въ Критѣ.
	Пон.	24	Евгеніи мучен.
	Вто.	25	Рождество Хріст.
☽	Сре.	26	Соборъ Богород.
	Чет.	27	Стефана Архід.
	Пет.	28	Дву тму мученикъ.
	Суб.	29	14 тысящъ младенц.
	Нед.	30	Анусіи мученицы.
	Пон.	31	Меланіи Преподоб.

Пунъ се месецъ указує 3. у 2 с. 52 мін. после подне; са снегомъ и мразомъ.

Последня четврть настає 10 у 6 с. 17 мін. пре подне, са зимнимъ ладнимъ временомъ.

Новъ месецъ (мена) пада 18 у 11 с. 12 мін. после подне; испрва мутно после киша.

Прва четверть настає 26. у 9 с. 53 мін. пре подне; са среднѣ ладнимъ кишнимъ временомъ.



АСТРОНОМИЧЕСКО ПРЕДСКАЗАНІЄ

НА ЛѢТО ХРІСТ. 1834.

О ЗИМИ.

Зима се започела іоштъ пређашнѣ године 1833, 10-га Декемвр: кадъ є сунце у знакъ Козерога ступило, найкраћій данъ и найдужу ноћь причинило. Зима ће быти прилично ладна, выше сува него влажна, време ће се одвећь мењати.

О ПРОЛЕЋУ.

Пролеће настає 9-гъ Марта, кадъ сунце у знакъ Овна ступи, и данъ и ноћь изравни. Пролеће є ове године суво, ладно, и сурово; мразеви и ладноћа до 9 Іунія.

О ЛЕТУ.

Лето се починѣ 10-гъ Іюнія, кадъ сунце у созвездіє Рака ступи, найдужій данъ, найкраћу ноћь причини. Осимъ свію прочи планета, Марсово є лето найтопліє: страшне препеке: бунари усишу: мале воде.

О ЄСЕНИ.

Єсень настає 11-гъ Септемвр. кадъ сунце у созвездіє вѣси (тераѕія) доће, и по други путъ данъ и ноћь изједначи. И Єсенъ ће быти понайвыше сува. Пре 30-гъ Ноемвр. тешко ће снега быти, и премда ће се у Октомврію кадъ што и мрзнути, Ноемврій ће зато опетъ топалъ быти.

О ЛЕТНИМЪ УСЕВИМА.

Єчамъ. зобъ, вариво треба на яке землѣ, прою рано посияти. Куделя ће слабо родити. Ланъ ће быти маленъ и танакъ, алъ добаръ. Мало сена и отаве.

О ЄСЕНЬИМЪ УСЕВИМА,

Съ єсеньимъ усевима не треба поитити; єръ ће зима доцне настати. Наполица и ражъ родиће добро, пшеница среднѣ. — Воћа ће бити мало, више крушака него ябука; трешаня, шљива и ораа врло мало; жира мало, и то ситно.

О ВИНОДЂЛІЮ.

Вино ће ове године быти поглавито; єръ ће права и совершена єсень быти.

О ПОМРАЧЕНІЯМА СУНЦА И МЕСЕЦА.

Ове године быће четири помрачения; на сунцу 26 Мая, 18 Ноємврія; на месецу 9. Юнія и 4. Декемврія, одъ кои ће кодъ насъ само ово последнѣ видимо быти. Почетакъ є 4. Дек. у 4 сата 28 мін. у ютру. Среда у 3 с. 37 мін. край помраченія у 7 сати 26 мін. у ютру. Величина є 8 палцева, 6 мін. и видиће се у свой Европи.

ПАМЕТОДОСТОЙНИ ДАНИ,

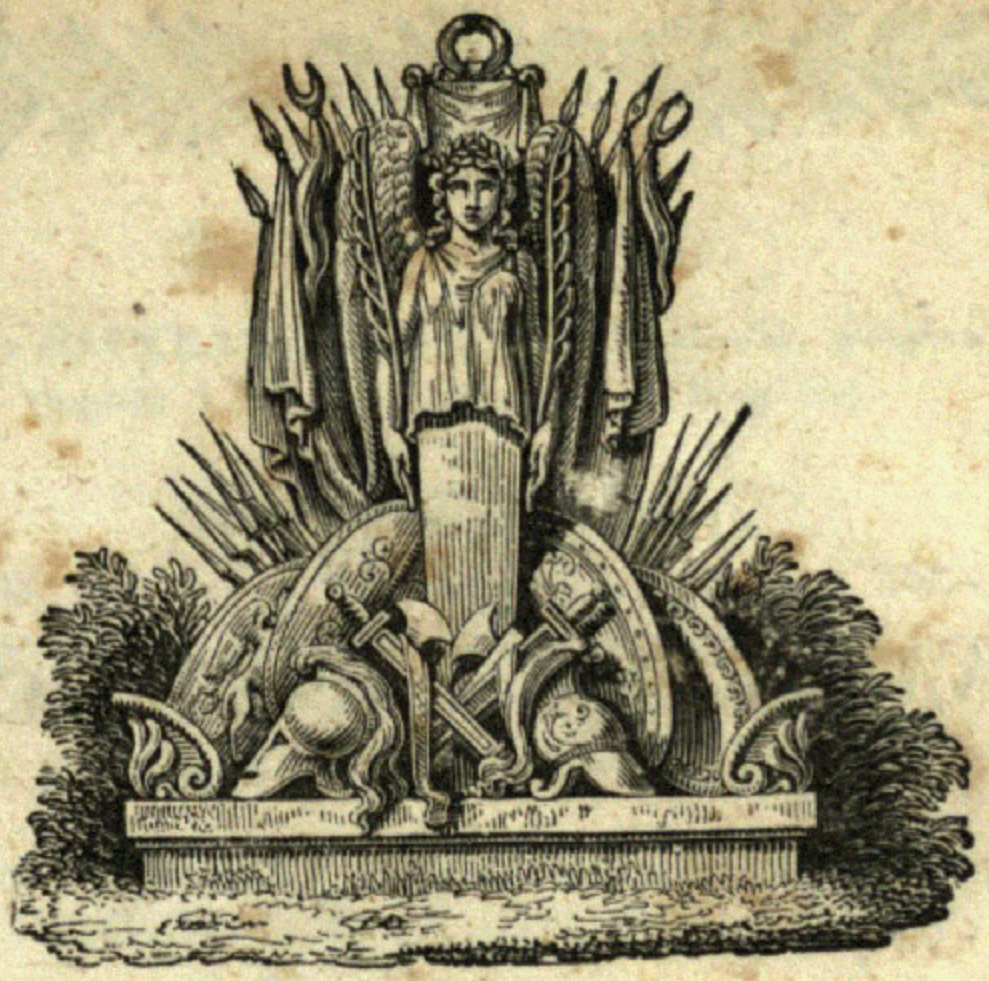
кое Сербія, кромѣ осталы недѣльны и празничны дана, сваке године обштенародно слави:

1.) Данъ цвѣтій сваке године, у кои є 1215-те године Князъ Милошъ Обреновићъ противу Солиман-Паше усто, и садашњему стању Србіе основъ положіо.

2.) Данъ 22-гій мѣсеца Ноємвра, у кои є Султанскій Хатишерифъ одъ 1833. године у Крагуєваць донешенъ.

3.) Данъ 30-тый мѣсеца Ноємвра, или данъ Св. Првозваногъ Андреє, у кои є Султанскій Хатишерифъ одъ 1830. године Народу Србскому на Врачару читанъ, а князъ Милошъ бератъ наслѣдствености Княжескогъ достоинства съ оца на сина приміо, Султанскомъ ерваніомъ огрнутъ быо, и после у цркви Бѣоградской одъ Митрополита Антима светимъ міромъ помазанъ.

4.) Тодорова Субота, као данъ роћенія Княза МИЛОША.



РОДОСЛОВІЄ СУЛТАНОВО.

Свепресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Императоръ Отоманскій, Краль Лѣпотнѣйшій Мекскій и Мединскій, Защититель Светогъ Єрусалима, Краль и Императоръ пространны областій, населѣны у европейскимъ и асіатскимъ странама и на бѣломъ и црномъ мору, Свѣтѣйшій, Державнѣйшій и великій Императоръ, Султанъ, Ханъ и Падиша, двадесетдеветый владѣтель одъ племена Османова, двадесетшестый великій Султанъ, и двадесетпрвый Калифъ, Султанъ синъ Султана, и Краль синъ Кралѣва, Султанъ **МАХМУДЪ-ХАНЪ ДРУГІЙ**, синъ Султана Абдулъ-Хамидъ-Хана, роѣенъ 20. Юлія 1783, а ступіо на престолъ 28. Юлія 1808. године.

СИНОВИ:

Султанъ Абдулъ-Мецидъ, роѣенъ 28. Априла 1823 године.
Султанъ Абдулъ-Азисъ, роѣенъ 8. Февруара 1830 године.

КЋЕРИ:

Салиха-Султана, роѣена 16. Юнія 1811.
Хадире-Султана, роѣена 5. Септемвра 1825.
Адиле-Султана, роѣена 21. Маія 1826.

ОСТАЛИ ГЛАВНИ

ВЛАДЪТЕЛЬИ ЕВРОПЕЙСКІИ.

А. ЦАРЕВИ.

1. РУССІЯ.

НИКОЛАЙ (ПАВЛОВИЋЪ) 1., Императоръ Сверусійскій, и пр. Покровитель Сербіє, рођенъ 2. Юлія, 1796; послѣдовао старіемъ брату Александру 1- на престолу Русійскомъ 1825. год. — Обытава у С. Петербургу.

2. АВСТРІЯ.

ФРАНЦЪ (ЮЗЕФЪ КАРЛЪ) 1., Императоръ Аустрійскій и пр. рођенъ у Флоренцу 31. Јануарія, 1768; слѣдовао Оцу своме Леополду II. на престолу Аустрійскомъ, 1. Марта, 1792- год. — Обытава у Бечу.

Б. КРАЛЂЕВИ.

1. ФРАНЦУСКА.

ЛУДВІГЪ ФІЛІППЪ 1., краль Францускій, Херцогъ Орлеанскій, рођенъ 6. Октомвр. 1773, ступіо на престолъ 9. Августа, 1830. год. — Обытава у Паризу.

2. ВЕЛИКА БРІТАННІЯ.

ВІЛХЕЛМЪ IV., краль Енглезскій, а такођеръ и Хановеранскій, рођенъ 21. Авг. 1765, почео владати 28. Јунія, 1830 — Обытава у Лондову.

3. ПРАЙСКА.

ФРІДРІХЪ ВІЛХЕЛМЪ III. Краль Прайскій, роѣенъ 3. Августа. 1770; влада одъ године 1797. — Обытава у Берлину.

4. ШПАНІЯ.

ІЗАБЕЛА II., Кральица Шпанска, роѣена године 1831; влада подъ намѣстничествомъ своє матєре Христине, удовице покойногъ Фердінанда VII. одъ месеца Августа 1833. — Обытава у Мадриду.

5. ШВЕДСКА И НОРВЕГІЯ.

КАРЛЪ ІОАННЪ XIV., Краль Шведскій и Норвегскій, роѣенъ 26 Януарія, 1764; влада одъ 5. Февр. 1818. год. — Обытава у Штокхолму.

6. ДАНІЯ.

ФРІДРІХЪ VI., Краль Данскій, роѣенъ 28. Януарія, 1765; ступіо на престолъ године 1808. — Обытава у Копенхагену.

7. ПОРТУГАЛІЯ.

ДОННА МАРІЯ. II., Кральица Португалска, влада подъ намѣстничествомъ своґъ оца Донъ Петра, бывшегъ цара Бразилскогъ, одъ године 1833. — Обытава у Лиссабону.

8. САРДІНІЯ.

КАРЛЪ АЛБЕРТЪ, краль Сардінскій, роѣенъ 1798. године, ступіо на престолъ 1831. — Обытава у Турину.

9. НЕАПОЛИТАНСКА И СІЦІЛІЯ.

ФЕРДІНАНДЪ II., краль Неаполитанскій, роѣенъ 12. Януарія 1810, ступіо на престолъ 8. Новємвр. 1830. — Обытава у Неаполю.

10. БАВАРІЯ.

КАРЛЪ ЛУДВІГЪ АВГУСТЪ, краль Баварскій, роѣенъ 25. Августа, 1786. — Обытава у Мынхену.

11. ВЫРТЕМБЕРГЪ.

ФРІДРІХЪ ВІЛХЕЛМЪ II., роѣенъ 27. Септемврія, године 1781, ступіо на престолъ кралѣвства Выртенбергскогъ 1816. год. — Обытава у Штуттгарду.

12. САКСОНІЯ.

АНТОНЪ КЛЕМЕНСЪ, краль Саксонскій, рођ. 17. Декембр. 1755. влада одъ год. 1827. — Обытава у Дрезди.

13. ХОЛЛАНДІЯ.

ВІЛХЕЛМЪ 1., краль Холландскій, Прінцъ Оранскій, рођенъ 24. Августа, 1772; почео владати 1813. године. — Обытава у Хаагу.

14. БЕЛГІЯ.

ЛЕОПОЛДЪ 1., краль Белгійскй, Прінцъ Кобургскій, изабранъ за краля 1831. године. — Обытава у Брыслу.

15. ГРЕЦІЯ.

ОТТО, Краль Грчкій, Князъ Баварскій, рођ. 1817. влада одъ 1833.

РОДОСЛОВІЄ КНЯЗА МИЛОША.

МИЛОШЪ ТЕОДОРОВИЋЪ ОБРЕНОВИЋЪ ПРВЫЙ, владѣтельствуюћій Князъ Србскій; рођенъ у селу Добриньи у Нахіи Ужичкой, на Ѳеодорову суботу одъ прилике 1784 године; предузео правленіє Сербіє мѣсеца Априла 1815 године; признанъ торжественымъ актима народнымъ одъ 1817 и 1827 године за Княза; а потврђенъ за наслѣдственогъ Княза съ оца на сина бератомъ Султана Махмуда Другогъ одъ 3. Августа 1830 (7. Ребюлъ-Евеля 1246 по турскомъ календару): и 30. Ноємвра исте године огрнутъ у Бѣограду Султанскомъ херваніомъ одъ везира Бѣоградскогъ Хусеинъ-Паше и царскогъ, на то посланогъ, комисара Лебипъ-Ефендіє; а получіо рескриптомъ Н. В. Императора Николая Првогъ одъ 18. Ноємвра крстъ свете Анне првогъ степена, украшенъ Императорскомъ круномъ.

СУПРУГА.

Любица Милошева Обреновићева, княгиня Србска, рођена у селу Царевићима у Нахіи Рудничкой, одъ прилике у среди месеца Септемвра 1788 године, одъ племена Вукомановића.

СИНОВИ НЬИНИ:

Миланъ, наслѣдникъ княжескогъ достоинства, рођенъ у Крагуєвцу 7. Октомвра 1819 године.

Міяило, рођенъ у Крагуєвцу 4 Септемвра 1823 године.

...ОТЕКА МАТИЦЕ ОР... У НОВОМ САДУ

КЋЕРИ НЬИНЕ:

Петрія, рођена у касаби Брусницы у Нахіи Рудничкой, 24. Іуніа 1808 године, удата за Теодора Х. Баића у Земуну.
Савка (Єлисавета), рођена у селу Шаранима 16. Марта 1814 године, удата за Іована Николића, Рудњајскогъ у Банату.

БРАЋА КНЯЖЕСКА, НЬИНЕ СУПРУГЕ И ДЋЦА.

Іованъ Теодоровићъ Обреновићъ, губернагоръ Нахія: Руднички и Пожешке, рођенъ 1787 године.
Круна, супруга Іована Обреновића, рођена у селу Бершићима Нахіє Рудничке одъ прилике 1798.
Савка (Єлисавета), кћи ньина, рођена у Брусницы 19. Септембра 1828.
Єфремъ Теодоровићь Обреновићъ, губернаторъ Бѣоградскій, рођенъ на Теодорову суботу 1790.
Томанія Антоніева, супруга Єфрема Обреновића, рођена у Ядру одъ прилике 1800.
Милошъ, синъ ньинъ, рођенъ у Шабцу 13. Ноємвра 1829.

КЋЕРИ НЬИНЕ:

Єлена и Симка, близнакинѣ, рођене 24. Априла 1818.
Анка, рођена 20. Марта 1821.
Єкатерина, рођена 27. Юлія 1826.
Стана, рођена 12. Марта 1828.

СПИСАКЪ

ЧИНОВНИКА СРБСКИ У СЕРБІИ.

У Суду Народномъ Србскомъ у Крагуєвцу.

Членови: — Милета Радойковићъ. Милосавъ Здравковићъ. Лазаръ Теодоровићъ. стоянъ Симићъ. Ђорђе Протићъ. Ранко Майсторовићъ. Янићіє Ђурићъ, Кавалѣръ Рускога Ордена — Свете Анне 2. степена. Милосавъ. Перуничићъ. Тодоръ Бояниħъ. —

Секретаръ. Лазо Зубанъ.

Писари: — Іованъ Миленковићъ. Ђорђе Чанићъ. Іованъ Сарановацъ. Александеръ Загорица. Іованъ Николићъ. Глигоріє Іовановићъ.

Практиканти: — Трифунъ Васићъ. Петаръ Теодоровићъ. Константинъ Плякићъ.

У Канцеларіи Княжеской.

Аврамъ Петронієвићъ, представникъ княжескій, и кавалѣръ крста Св. Владимира четвртогъ степена. Алексіє Симићъ, секретаръ по части особиты порученія. Димитріє Давидовићъ, секретаръ иностранны дѣла, и членъ ученогъ друштва Краковскогъ. Стефанъ Радичевићъ, секретаръ и директоръ канцеларіє. Іованъ Гавриловићъ, секретаръ. Євтиміє Угричићъ, концыписта. Паунъ Янковићъ, концыписта. Глигоріє Павишевићъ, регистраторъ и протоколиста. Юсуфъ Ефендія, писаръ Турскій. Сима Протићъ, дежурный; и Петаръ Батановићъ, практикантъ.

У депутаціи Србской у Цариграду:

Іованъ Антићъ, членъ. Александеръ Петропуло, членъ и драгоманъ. Тодоръ Петровићъ, драгоманскій практикантъ. Іованъ Сотирикосъ, докторъ медицыне, и лѣкаръ.

У Агенціи у Букаресту.

Димитріє Ивановићъ Мустаковъ, агентъ.

Курѣри: — Богданъ Ђорђевићъ: Лазаръ Инце; Пекета Илићъ; Петаръ Анђелковићъ; Кирилъ Анђелковићъ.

У Финанціи народной и княжеской.

Яковъ Якшићъ, главный казначей. Павле Станишићъ, подручникъ казначеєвъ.

У Двору Княжескомъ:

Воспитатель сынова княжески: — Атанасіє Теодоровићъ, докторъ философіє, членъ философическогъ факултета Пештанскогъ, Мађарскій Адвокатъ.

Лѣкари: Доктори медицыне: — Димитріє Вартіадесъ, Никола Логотетій, и Іованъ Карабина. Сава Ивановићъ, хирургъ гвардейскій.

Домостроителъи.

У двору Крагуєвачкомъ: — Сима Паштрмацъ и Арсеніє Андреићъ. Іованъ Николићъ и Новица Ивановићъ, надзирателъи куйне, и подрума, сѣна, єчма и дрва.

У двору Пожаревачкомъ: — Стефанъ Євтићъ, главный домостроитель и членъ Суда Нахіє Пожаревачке. Іованъ Бошнякъ, надзиратель сѣна, єчма и дрва. Миливоє, надзиратель куйне и подрума.

У двору Топчидерскомъ: — Живко Міяиловићъ, членъ Суда Бѣоградскогъ. Николче Ћиромана, скелеція Остружничкій.

У мошіяма у Влашкой: — Марко Х. Стоиловъ, надзиратель мошіє Херешта. Стефанъ Пазарацъ, надзиратель мошіє Поляне. Стефанъ Н. писаръ у Пояни.

Служителъи Княжескога лица: — 1. Аврамъ Стойковићъ, главный чибукція. 2. Димитріє Симићъ, кавеція. 3. Станоє Ивановићъ, берберинъ.

У гарди княжеской пѣшачкой: — Міяилъ Павловъ, капетанъ. — Оберъ-Официри: — Єфремъ Ганићъ; Илія Вукичевићъ; Тома Катићъ; Милошъ Тайсићъ; Вуле Вукомановићъ; и Іовица Николаєвићъ. Унтеръ-Официра: 15. Добошара 14. Просты гардиста: 148.

У гарди пѣшачкой наслѣдниковой: Оберъ-Офицыри: — Станойло Петровићъ; Василіє Илићъ; и Стефанъ Милошевићъ .Унтеръ-Официра 12. Добошара 16. Просты гардиста 120.

У кавалерійскомъ ескадрону регуларномъ: Началникъ: Константинъ Хранославлѣвићъ, бывшій у руской служби, имающій златный крстъ воєногъ достоинства за польску войну и сребрну медалю за турску войну одъ 1828 и 1829. Оберъ-Офицыри: Миланъ Туцаковићъ; Янко Михайловићъ; и Матія Радойковићъ. Унтеръ-Офицыра 10. Просты коньика 108.

У гарди княжеской пѣшачкой нерегуларной: Пандура 30,

У гарди княжеской коньичкой нерегуларной, или у момцыма: Булюкъ-Баше: Настасъ Ђорђевићъ; и Антоніє Пећанинъ. Просты коньика: 50.

У банди княжеской: Іованъ Шлезингеръ, капелмайстеръ. Василіє Міяиловићъ, подручникъ. Бандиста: 33.

Землѣмѣрацъ княжескій Адолфъ Форнаро. Максимъ Вуковићъ, Туфекцибаша.

У консулату Бѣоградскомъ: Пантелій Х. Стоиловъ, Консулъ. Манойло Соларъ, Секретаръ. Алекса Настасовићъ, магазіонеръ. Міяйло Константиновићъ, Писаръ.

На Савскимъ и Дунавскимъ скелама: Митровачкой: Боя Катићъ. Шабачкой: Іованъ Остоићъ. Оструженичкой: Николче Ћиромана. Вишничкой: Лука Гарашанинъ. Смедеревской: Петрушъ Илићъ. Дубравичкой: Стефанъ Илићъ. Рамской: Никола Крачунъ. На Праовской: Лазаръ Павловићъ. Кладовской и Брзской: Міятъ Петровићъ.

Мензилціє (поштмайстори) Ђорђе Марковићъ, у Бѣограду, Гроцкой и Паланцы. Єфремъ Н. у Баточинии Ягодини. Атанаско Н. у Крагуєвцу. Іованъ Дугалићъ у Пожаревцу.

У Нахіяма.

У Н. Крагуєвачкой:

У Суду. Членови: — Милутинъ Ђорђевићъ; Стойко Стояновићъ; Манойло Янковићъ, писаръ. Практиканти: Младенъ Стойковићъ, Крста Георгієвићъ, Димитріє Михаиловићъ.

У капетаніяма Н. Крагуєвачке:

Капетани: — Петаръ Никићъ, Гружанскій. Живоинъ Іоксимовићъ, Ясеничкій. Миһа Радивоєвићъ, подручникъ. Марко Радосављевићъ. подручникъ. Ранко Матићъ, подручникъ.

Писари капетанскіи. — Іованъ Х. Тривковићъ, Гружанскій. Милощъ Савићъ, Лепеничкій. Іоксимъ Ђорђевићъ, Ясеничкій.

У Нахіи Ягодинской.

У Суду. — Аранђелъ Милосављевићъ, членъ. Велисавъ Станойловићъ, членъ. Стефанъ Араницкій, писаръ. Практиканти: Никола Куюнцићъ, Сима Станойловићъ.

Капетани: — Димитріє Ђорђевићъ, Беличкій. Миленко Радойковићъ, Темнићскій. Живко Шокорацъ, Левачкій. Радомиръ Іовановићъ, подручникъ. Анђелко Петровићъ, подручникъ. Марко Милетићъ, подручникъ. Писари. Міятъ Остоићъ, Сава Ивановићъ.

У Нахіи Ћупрійской.

У Суду. — Стаматъ Мигрићъ, членъ. Георгіє Николићъ, членъ. Павле Булићъ, писаръ. Практиканти: Петаръ Илићъ, Стойко Мигрићъ.

Капетанъ. — Петаръ Ђорђевићъ. Миланъ Іовановићъ, подручникъ.

У Нахіи Пожаревачкой.

У Суду. — Стефанъ Євтићъ, членъ, у исто време и главный надзиратель двора Пожаревачкогъ. Членови: Недељко Ђоковићъ, Аврамъ Гашпаровићъ. Стеванъ Богоєвићъ, писаръ. Практиканти: Марко Павловићъ, Алекса Іовановићъ.

Капетани. — Іоксимъ Милосављевићъ, Пожаревачкій. Коца Марковићъ, Рамскій. Міяило Ђорђевићъ, Жвиждскій. Павле Богдановићъ, Речкій. Іованъ Поповићъ, Омольскій. Степанъ Катићъ, Пећскій. Коца Марковићъ, Млавскій. Сте-

фанъ Стефановићъ, Кап: у Милановцу. Петаръ Милосављевићъ, подручникъ Пожаревачкій. Радосавъ Тіомировићъ, подручникъ Рамскій. Милићъ Стоичевићъ, подручникъ Жвиждскій. Живко Рашићъ, подручникъ Речкій. Іованъ Илићъ, подручникъ Омольскій. Іованъ Стоиловићъ, подручникъ Пећскій. Петаръ Ћирковићъ, подручникъ Млавскій.

Писари капетанія. — Іованъ Живановићъ, Пожаревачкій. Ђорђе Вучковићъ, Рамскій. Іованъ Буюклићъ, Жвиждскій. Янко Павловићъ. Речкій. Алекса Іовановићъ, Омольскій. Євремъ Обрадовићъ, Пећскій. Алекса Младеновићъ, у Милановцу.

У Нахіи Смедеревской

У Суду. — Членови: Сава Љотићъ. Сима Банковићъ. Петаръ Вулићевићъ. Практиканти: Антоніє Стояновићъ. Димитріє Антонієвићъ

Капетанъ. — Подунавскій: Іованче Спасићъ. Таса Марићъ, подручникъ. Стефанъ Георгієвићъ, писаръ.

Капетанъ: — Ясеничкій: Сима Радойковићъ. Петаръ Стефановићъ, подруч. Ђорђе Петровићъ, писаръ.

У Нахіи Београдской.

Губернаторъ, Н. Сіятелство, Г. Єфремъ Обреновићъ.
Рая Дамяновићъ, писаръ губернаторовъ.

У Суду. — Членови: Максимъ Ранковићъ. Живко Михайловићъ. Никола Константиновићъ. Лазаръ Арсенієвићъ, Секретаръ. Писари: Глигоріє Филиповићъ; Димитріє Исаиловићъ. Практиканти: Іованъ Миловановићъ, Марко Милинковићъ, Милошъ Стойковићъ.

Капетани: — Лазаръ Ивановићъ, Космай: и Подунавскій. Никола Катићъ, Турискій. Павле Іовановићъ, Посавскій. Богданъ Радосављевићъ, Колубарскій. Голубъ Петровићъ, подручникъ Подунавскій. Радованъ Илићъ, подруч: Космайскій. Филипъ Поповићъ, подруч. Турискій. Димитріє Пантелићъ, подруч. Посавскій. Лазаръ Аксентієвићъ, подруч. Колубарскій. Сава Радосављевићъ, помоћникъ и подруч. Подунавскій. Димитріє Катићъ, писаръ Подунавскій Живанъ Ранковићъ, писаръ Турискій. Панта Петровићъ, писаръ Посавскій. Яковъ Лекићъ, писаръ Космайскій. Яковъ Алексићъ, писаръ Колубарскій.

У Нахіи Шабачкой.

У Суду. — Членови: Станко Юришић, предсѣдатель. Лука Рељић. Нешко Адамовић. Писари: Міяило Кристић. Гаврило Бошњакъ. Практиканти: Маринко Радовановић. Радоица Милановић.

Капетани. — Вуле Глигоровић, Мачванскій. Ђука Марковић, Посавскій. Марко Лазаревић, Тамнавскій. Стефанъ Магазиновић, Поцерскій.

Подручницы Капетанія. — Живанъ Гератовић, Мачванскій. Іованъ Милосављевић, Тамнавскій. Іованъ Милановић, Посавскій. Вучета Груић, Поцерскій.

Писари капетанія: Никола Антонієвић, Мачванскій. Павле Пешић, Посавскій. Милованъ Кустурић, Поцерскій.

Ядаръ и Рађевина.

Капетани: — Ђурађъ Яковљевић, Ядранскій. Тодоръ Солдатовић, Рађевачкій.

Писари Капетанія. — Іованъ Вуић, Ядранскій. Живанъ Антонієвић, Рађевачкій.

У Нахіи Валѣвской.

У Суду. — Членови. Єфремъ Ненадовић, предсѣдатель Суда и надзиратель Н. Іовица Милутиновић. Гаія Дабић. Миња Янчић.

Писаръ. — Іосифъ Обрадовићъ.

Практиканти. — Милованъ Драић. Александеръ Ненадовић. Танасіє Ненадовић. Василіє Іовановић.

Капетани. — Павле Даниловић, Посавскій. Анто Іовановић, Подгорскій. Никола Ракић, Колубарскій. Павле Симеуновић, Тамнавскій.

Подручницы капетанія. — Симо Загић, Посавскій. Леонтія Янковић, Тамнавскій. Лука Грбовић, Колубарскій. Никола Пиргић, Подгорскій. Ілія Филимановић, булюбаша у Валѣву.

Писари капетанія. — Петаръ Стефановић, Подгорскій. Павле Гудовић, Тамнавскій, Велимиръ Ракић, Колубарскій. Іованъ Маринковић, Посавскій.

У Нахіи Соколской.

У Суду. — Членови: Пано Радовић, капетанъ. Миња Арсенієвић.

Писаръ. — Димитріе Предићь.
Практикантъ. — Димитріе Панићь.

Капетанъ. — Петаръ Васићь, Соколскій.
Подручницы. — Теодосіе Обрадовићь. Георгіе Янковићь.
Писаръ — Танасіе Васићь.

Нахіа Ужичка и Старовлашка.

У Суду. — Членови: Стефанъ Радуловићь. Стефанъ Вишнићь. Єремія Дешићь.
Писаръ. — Стефанъ Грдићь.
Практикантъ. — Обренъ Радуловићь.

Капетани. — Іованъ Мићићь, Сердаръ Руянскій. Павле Штуле, Црногорскій. Ђоко Іовановићь, Старовлашкій. Сима Яковићь, Старовлашкій. Петроніе Перишићь, Старовлашкій.
Подручницы капетанія. — Тома Радовићь, Руянске. Никола Новаковићь, Черногорске.

У Нахіи Рудничкой:

Нѣгово Сіятелство Г. Іованъ Обреновићъ, Губернаторъ Нахіе Рудничке, Пожешке и Ново-Пазарске.
Мильцо Трифуновићъ писаръ Губернаторовъ..
У Суду. — Членови: Атанацко Міяиловићъ. Илія Поповићъ. Василіе Пауновићъ, писаръ. Сретенъ Матієвићъ, Іованъ Елесиевићъ, практиканти.
Капетани. — Сима Ацемовићъ, Моравскій. Петроніе Андреићъ, Црногорскій. Марко Ракићъ, Качерскій. Іованъ Лужанинъ, подручникъ Моравскій. Милинко Георгіевићъ, подруч. Црногорскій. Периша Ракићъ, подруч. Загорскій. Практиканти: ІованъИлићъ, Міяило Милисавлевићь. Димитріе Міяиловићъ, писаръ Црногорскій. Стаменко Милошевићъ, Качерскій писаръ.

Нахія Пожешка и Ново-Пазарска.

Н. Сіятельство Г. Іованъ Обреновићъ, Губернаторъ.
Благор. Г. Василіе Симићъ, писаръ Губернаторовъ.
У Суду. — Членови: Филипъ Тайсићъ, предсѣдатель. Антоніе Симоновићъ. Милета Батићъ. Стефанъ Лапчевићъ. Василіе Іовановићъ, Писаръ. Антоніе Ригићъ, помоћникъ писарскій. Коста Антоніевићъ, помоћникъ писарскій.

Капетани. — Стефанъ Ерићъ, Трнавскій. Милованъ Нелькoвићъ, Драгачевскій. Петаръ Лазаревићъ, Подибарскій. Симеонъ Прокићъ, Трстеничкій. Савва Станоєвићъ, Новоселскій. Никола Чивалацъ, Студеничкій. Филипъ Прибаковићъ, Іошаничкій. Спасоє Яковлѣвићъ, подруч. Драгачевскій. Марко Вуювићъ, подруч. Подибарскій. Павле Петровићъ подруч. Трнавскій. Писари К: Милета Поповићъ, Драгачевскій. Стефанъ Крупежовићъ. Подибарскій. Тимотіє Живановићъ, Студеничкій. Аксентіє Пецићъ, Новоселскій.

У Нахіи Крушевачкой.

У Суду. — Членови: Милосавъ Бралынацъ, предсѣдатель. Вучко Мутавцићъ. Дмитаръ Илићъ. Лонгинъ Кишвалубацъ, писаръ. Практиканти: Антоніє Топаловићъ, Сава Гоцићъ. Михаилъ Іовановићъ, Кнезъ чаршіє.

Капетани: — Илія Павићъ, Моравскій. Глишо Прћиловацъ, подручникъ. Милоє Василієвићъ, писаръ капетанскій. Ђоко Степановићъ, главный Булюбаша на стражи Србову. Стойко Породинскій, глав: Булюбаша на Вукани. Манѣ булюбаше 2. Пандура Капетаніє Моравске 8.

Веселинъ Ђумовићъ, Капетанъ: Крушевачкій. Михаилъ Томићъ Подручникъ. Рако Петровићъ, писаръ Капетанскій. Пандури Кап- Крушевачке 8. Мина Илићъ, Булюбаша на стражи Мандеву. Манѣ Булюбаше 2.

Ілія Богосавлѣвићъ, Капетанъ Жупскій. Живко Капларовићъ, подручникъ. Симо Пршићъ, Писаръ Капетанскій.

У Нахіи Параћинской.

У Суду. — Членови: Стоянъ Іовановићъ. Рая Петковићъ. Іованъ Трифуновићъ. Писари: Григоріє Новаковићъ, Илія Стефановићъ, Илія Миловановићъ.

Капетани. — Іово Вельковићъ, Параћинскій. Стоянъ Петровићъ, подручникъ. Милойко Іовановићъ, подручникъ. Любисавъ Стояновићъ, писаръ. Анто Шљивићъ, Булюбаша и Порешлія. Писари: Несторъ Живковићъ. Мито Радойковићъ.

У Нахіи Баньской.

У Суду. — Членови: Милинко Смильковићъ. Радосавъ Тричковићъ. Илія Ђорђевићъ, Писаръ судейскій. Неша, практикантъ.

Капетани. — Голубъ Томићъ, Баньскій. Іованъ Бошковићъ, Сврльичкій. Радойко Соторъ, подручникъ Сврльичкій. Марко Поповићъ, писаръ Баньскій. Паунъ Милойковићъ, писаръ Сврльичкій.

У Нахіи Тимочкой.

У Суду. — Членови. Радосавъ Іовановићъ. Риста Ранђеловићъ. Младенъ Вукомановићъ, писаръ.

Капетани. — Тоша Ђорђевићъ, Тимочкій. Стефанъ Недељковићъ, Заглавскій. Писари: Іованъ Анцићъ, Тимочкій. Лазаръ Максимовићъ, Заглавскій.

У Нахіи Заєчарской.

У Суду. — Членови. Милета Милосављевићъ, Станоє Марковићъ. Станко Поповићъ, писаръ.

Капетани. — Милутинъ Петровићъ, Заєчарскій. Єремія Здравковићъ, Вражогрньскій. Миленко Давидовићъ, Заєчарскій подручникъ. Мика Михайловићъ, подручникъ. Радоє Марковићъ, писаръ Вражогрньскій.

У Нахіи Неготинской.

Сердаръ Нахійскій: — Стефанъ Стояновићъ. Міяило Ђорђевићъ, писаръ Сердарскій.

У Суду. — Членови: Илія Марковићъ. Ђура Марковићъ. Тодоръ Владовићъ.

Писари. — Благоє Атанасієвићъ. Стефанъ Радмиловићъ.

Капетани. — Марко Петровићъ, Неготинскій. Ђорђе Атанасієвићъ, Ключкій. Стоянъ Пауновићъ, подручникъ капетаніє Неготинске.

Чиновницы полиція Србскій.

У Крагуєвцу: Ђорђе Бесарићъ. Ягодини: Илія Николићъ, и Радованъ Ђорићъ, главный шумаръ нахійскій. Ясики: Симеонъ Шукићъ. Свилаєнцу: Стефанъ Станковићъ. Пожаревцу: Стоянъ Миленковићъ. Смедереву: Тодоръ Янићієвићъ. Паланки: Іованъ Дренякъ. Коларима: Стоилко Николаєвићъ.

У Бѣограду: Цвѣтко Раіовићъ, Директоръ полиціє и кавалѣръ рускогъ ордена Св. Владимира четвертогъ степена. Илія Чарапићъ, членъ полиціє. Петаръ Поповићъ и Радо-

ванъ Катанићь, полицаи. Павле Зорнићъ, писаръ Полиције. Шабцу: Стефанъ Гавриловићь и Марко Пантелићь. Ваљеву: Євта Васићь. Убу: Радованъ Ивковићь. Пажу: Митаръ Миљйловићъ. Брусницы: Милія Димитријевићъ. Пожеги: Наунъ Големовићъ, и Вукосавъ Арсенијевићъ, шумаръ Ужичкій и Старовлашкій. Карановцу: Лазаръ Поповићъ. Чачку: Гаврило Тешићъ. Крушевцу: Миленко Радовановићъ. Параћину: Стоянъ Вельковићъ. Ражню: Неша Н. Алексинцу: Манойло Іокићъ. Гургусовцу: Димо Милойковъ. Зајечару: Вуча Вишњевићъ. Неготину: Янко Атанасијевићъ. Кладову: Димитріє Илијевићъ.

У болницама Нахійскимъ. Вартоломей Куниберть, докторъ медицыне, и вароши Бѣоградске физикусъ. Глигоріє Рыбаковъ, у болницы Пожаревачкой. Ђорђе Новаковићъ, у болницы Баньской.

Чиновницы по части особиты порученія. Вучићъ Перишићъ. Симеонъ Милутиновићъ. Матія Христићъ. Анта Степановићъ.

У Типографіи Србской у Крагујевцу,

1. У Печатныи.

Директоръ: Адолфъ Берманнъ, Имаюћій Кралѣвско-Прайску велику златну Медалю.

Словослагательи. Петаръ Кара-Марковићъ. Спиридонъ Радосављевићъ. Неделько Одабашићъ. Коста Марковићъ. Димитріє Живковићъ. Панто Іовановићъ. Георгіє Іовановићъ.

Печатательи: Іанићіє Вуловићъ. Стефанъ Ивановићъ. Матей Марковићъ. Урошъ Радовановићъ. Іованъ Вуянићъ. Павле Милосављевићъ.

2. У Словоливницы.

Факторъ. Антонъ Дешлеръ.

Словорезацъ. Готтфрідъ Шреппелъ.

Ливчицы: Коста Іовановићъ. Танасіє Савићъ. Настасъ Іовановићъ. Аксентіє Живићъ. Илія Миловановићъ. Настасъ Николићъ. Стеванъ Іовановићъ. Стоянъ Живићъ. Любомиръ Іовановићъ.

Вышша Школа Србска у Крагуєвцу.

Димитрій Исаиловић, вышше Школе Учитель и Директоръ.

Учителъи у Сербіи.

У Крагуєвцу: Илія Мандић, учитель друге класе. Ђорђе Евгенієвић, учитель прве класе. — У Баньи: Яковъ Миливоєвић, — У Шаторньи: Міяйло Котуровић учитель — У Врбицы: Раденко Марковић, — У Жабари: Илія Новаковић, — У Крчмари: Міяило Гавриловић, — У Ягодини: Димитріє Іовановић, — У Драгоцвети: Богић Томић, — У Белой Цркви Павле Міяйловић, — У Свилайницы: Захарія Завишић, — У Пожаревцу: Максимъ Поповић, и Милія Марковић, — У Ореовицы: Лазаръ Николић, — У Добриньи: Ђорђе Живковић, — У Смольинцы: Іованъ Ђукић, — У Курячицы: Благоє Радошевић, — У Кличевцу: Милошъ Рогожирскій, — У Велико-Градишту: Миляило Пантелић, — У Среднѣву: Иліа Станисавлѣвић, — У Рашанцу: Андрей Стефановић, — У Смедереву: Стоянъ Поповић, Дяконъ и учитель; и Іованъ Костић, — У Паланцы: Стоядинъ Петровић, — У Београду: Тома Соларъ, Михайлъ Ресничанивъ, и Коста Зако, — У Парцанима: Димитріє Николић, — У Влашкой: Миланъ Стефановић, — У Мирієву: Глигоріе Несторовић, — У Рогачи: Живота Лазаревић, — У Шабцу: Ђорђе Сѳтимієвић, и Сава Поповић, — У Богатићу: Радованъ Пантелић, — У Шеварицама: Петаръ Шоркић, — У Накучанима: Игнятъ Василѣвић, — У Свилеови: Ристо Поповић, — У Ориду: Стефанъ Драгутиновић. — У Яловику: Іованъ Бранковић, — У Яребицама: Аврамъ Петровић, — У Белой Цркви: Никола Илић, — У Подгорицы: Алекса Стойковић, — У Валѣву: Георгіє Гавриловић, — У Убу: Павле Марковић, — У Палежу: Димитріє Неговано-

вићъ, — У Пожеги: Милутинъ Будимлићъ, — У Брденицы: Єфто Косировићъ, — У Миоковцу: Ђорђе Радомировићъ, — У Такову: Павле Недовићъ, — У Брусницы: Милія Дмитровићъ, — У Чачку: Теодоръ Живковићъ, — У Карановцу: Михаилъ Гашпаровићъ, — У Крушевцу: Софроніє Соларевићъ, — У Тимоку: Никола Петровићъ.

Вышше Србско духовенство у Сербіи.

Архіереи:

Петаръ (Іовановићъ), Митрополитъ Србскій, посвећенъ 6. Декемвра 1833. године у Цариграду одъ вселенскогъ Патріарха Константія.

Никифоръ (Максимовићъ), Епископъ Ужичкій, посвећенъ 20. Августа 1831. године у Цариграду одъ Митрополита Мелетія.

Герасимъ (Ђорђевићъ), Епископъ Шабачкій, посвећенъ 13. Октомвра 1831. године одъ Митрополита Мелетія и Антима, и Епископа Никифора.

Архимандрити: Доситей, Архимандритъ Мон. Горняка. — Неофитъ Марковићъ, Архиманд мон. Боговаће. — Мойсей Іовановићъ, Архиманд. М. Раче. — Николай Поповићъ, Архиманд, у Моравцы. — Софроніє Архимандр. М. Свет. Саве. — Василіє Поповићъ, Протосингелъ Епис. — Герасимъ Н. Протодіаконъ.

Протопресвитери у епархіи Митрополитской;

У Крагуєвцу: Іованъ Стефановићъ. — Левачкій, и Беличкій, Милоє Вукашиновићъ — Темнићкій, Стоянъ Милићевићъ изъ Варварина. — У Медвеђи: Богосавъ Здравковићъ. — У Пожаревцу: Єлисіє Марковићъ. — У Смольинцу: Вићентіє Протићъ. — У Кладуровцу: Димитріє Илићъ. — У Смедереву: Теофанъ Станковићъ. — У Глиборцу: Цветко Поповићъ. — Дражанскій: Никола Остоићъ. — У Баћевцу: Илія Влайковићъ. — У Шабцу: Симеонъ И-

лићъ. — У Поцерю: Іованъ Павловићъ. — У Мачви: Милованъ Берићъ. — У Тамнави: Янко Протићъ. — У Ядру: Марко Стефановићъ. — У Белой Цркви: Филипъ Максимовићъ. — У Совляку: Степанъ Протићъ. — У Палежу: Мирко Михаиловићъ. — У Колубари: Петаръ Саићъ. — У горньой Буковицы: Давидъ Поповићъ. — У Буковицы: Н. С. Марко Іовановићъ. — У Милићевцу: Филипъ Радуловићъ. — У Любовићи: Марко Смиляниħъ. — У Субѣлу: Никола Обрадовићъ. — У Чечину: Михаилъ Іовановићъ. — У Гроцкой: Манойло Дамяновићъ. У Моравцы: Сава Николаєвићъ. — У Морави: Симеонъ Поповићъ. — У Крушевцу: Милованъ Протићъ. — У Кожетину: Сава Петровићъ — У Іошаницы: Миша Вельковићъ. — У Баньи: Павле Марковићъ. — У Сврльику: Величко Н. — Загорскій: Сава Іовановићъ. — У Гургусовцу: Дано Милойковићъ. — У Неготину: Паунъ Раєвићь. — У Кладовцу: Дмитрашко Стойковићъ. —

Игумани: — Теодосіє Настасієвиħъ, ман. Враћевшнице. — Іосифъ Вукмировићъ, ман. Николѣ. — Євстратіє Костићъ, ман. Іошанице. — Гавра Мильковићъ, ман. Калениħа. — Никаноръ Кнежевиħъ, ман. Раванице. — Исаія Стойшићъ, ман. Манасіє. — Митрофанъ Симићъ, ман. Витановпа. — Виħентіє Антонієвиħъ, ман. Горняка. — Мелетіє Гавриловићъ, ман. Райновца. — Паисіє Н. ман. Раковице. — Софроніє Міятовићъ, ман. Чокешине. — Серафимъ Марковићъ, ман. Радовашнице. — Серафимъ Н. ман. Петковице. — Мелетіє Филиповиħъ, ман. Троноше. — Софроніє Н. ман. Рибнице — Іосифъ Н. ман. Докмира, — Єремія Н. ман. Грабовца. — Яниħіє Баралиħъ, ман. Годовика. — Саватіє Лѣмечичъ, ман. Клисуре. — Ісаія Поповиħъ, у ман. Никольи — Іосифъ Милошевиħъ, ман. Вуяна. — Данило Поповиħъ. ман. Троице — Матія Поповиħъ, ман. Сретенія. — Амвросіє, ман. свете Петке. — Серафимъ Н. ман. Суводола. — Ісаакъ Милиħъ, ман. Букова.

Намѣстницы: — Обрадъ Георгієвиħъ, нам. и пар. Тополскій. Пантелія Янковиħъ, нам. и пар. Рабровскій. Теодосіє Іовановиħъ, Палайначкій. Василій Павловиħъ, Ацибеговачкій. Коста Н. М. Благовѣщенія.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

Имена заслужены, но неслужећи, и пенсіонираны Срба.

Рускій Полковникъ Стефанъ Живковићь, у Пултави.
Михаилъ Германъ, у Букуресту.
Мата Ненадовићь, у Бранковини.
Илія Марковићь, у Шабцу.
Милосавъ Лаповацъ, у Лапову.
Митаръ Іосифовићь, у Петки.
Петаръ Н. у Свиньи.
Симеонъ Янковићь, у Чачку.
Радосавъ Єлечанинъ, у Н. Пожешкой.
Протошресв. Ягодинскій, Милоє Вукашиновићь;
Получаваю пенсію изъ Народне казне.
Докторъ медицыне и лѣкаръ Бѣоградскій, Вартоломей Куниберть, получава пенсію изъ собствене княжеске казне.

ЗАБАВНИКЪ

ЗА

1834 ГОДИНУ.

Допуштасе, да се може печатати, съ тимъ примѣчаніемъ, да се, после печатаня, шестъ екземплара ове књиге на расположеніе Ценсуре дадy.

У Крагуевцу 1. Октомврія 1833.

Княжеска Канцеларія.

ОДРЖАНО СЛОВО.

Рускій Царъ Иванъ често се преоблачіо, и ишао є по народу своме, да бы найбезбѣднійме начиномъ дознао, како народъ о правленію нѣговомъ мисли. Єданъ путъ пође самъ, проодатисе око' Москве, и уђе у село єдно, и претвараюћисе, да є са свимъ уморанъ, потражи гостолюбія. Но одѣло нѣгово было є са свимъ издрпано, и зато нико га не прими. Разсрдившійсе на тврдосрдіе овы злы жителя, пође већь да излази изъ села, кадъ опази, да іоштъ у єдной кући ніе быо, она є была и найманя и найсиромашнія, сламомъ покривена.

Царъ приступи къ истой кући, и куцне полагано на врата; у истый ма отвори ій селянинъ, и запыта га, шта оће. „Уморанъ самь, одговори му Царъ,

тако, да немогу далѣ маћи, а и одъ глади готово да изданемъ, не бы ли ме могао за ноћасъ примити у кућу, да преноћимъ!“ — „Зашто не? рекне му Селянинъ брже болѣ, зашто не? — и узевши га за руку, — но неће Ти быти ноћиште найболѣ, налазишъ ме у великой сметньи. Жену су ми почели стезати порођайни болови, и яоканѣ нѣно неће Ти дати одпочивати на миру; но зато опетъ оди амо, нећешъ поне быти на мразу, и имаћемо што мало и повечерати, подѣлићемо, што имамо.“

Изговоривши ове рѣчи, Селянинъ уведе га у собицу єдну, пуну ситне дѣчице. У єдной колѣвцы лежау двоє, и спавау у велике. Малено єдно дѣвойче одъ три године спаваше такође на рогозницы (асури) поредъ браће своє; две старіє сестре, єдна одъ шестъ, а друга одъ седамъ година, моляусе Богу плачући, да бы се смиловао, благословити имъ майку, не бы ли се срећно породила у другой соби, изъ коє се яокъ и уздисаи чути могау. „Пребуди, рекне Селянинъ Цару овде, а я идемъ тражити што за вечеру.“ То рекши, изиће.

Мало за тимъ уће опетъ у собу, донесе му меда, црна лѣба, и яйца, и рекне му: „То Ти є све, што имамъ; вечерай съ моимъ кћерима, а я идемъ гледати жену мою.“ — „Добро дѣло, одговори му Царъ, коє мени указуєшъ, овако гостолюбно примаюћи ме, мора ће ти служити срећи; Богъ ће наградити, о томе

се и не сумнямъ, Твою милостиню.“ — „О драгій мой! привати Селянинъ, молисе само Богу, да се жена моя срећно породи, то є све, што желимъ.“ — „Тако Ты си срећанъ?“ упыта га Царъ. — „Како не бы быо срећанъ? одговори овай съ задовольствомъ; имамъ петеро дѣце, коя напредую, не може болѣ бы-ти, имамъ жену, кою любимъ, и оца и майку, кои за мномъ гину и коє я высокопочитуємъ, а радъ мой доволянъ є къ одржанію свію насъ.“ — „Пакъ заръ и отацъ и майка Твоя съ Тобомъ пребываю?“ упыта га Царъ далѣ. — „И они да, одговори Селянинъ, ево ій у другой соби кодъ своє снае.„ — „Но ова колиба, настави Царъ, врло є малена за васъ све?“ — „Ніє, одговори онъ, но довольно є велика по томе, што све насъ може да удоми.“

По томъ Селянинъ уђе къ жени своіой, и после єдногъ сата изнесе, савъ пливаюћи у радости, сына новодобієна у своmъ наручію и предъ госта, и рекне му: „Ево хвала Богу! ово ми є шесто, коє ми милость нѣгова дає. Богъ да ми га поживи заєдно съ осталыма! видишъ, како є великъ и здравъ.“ Царъ превати дѣте, и нѣжно гледећи у нѣга, рекне Оцу: „Я се разумѣвамъ мало у толкованю образа людски, образъ сына Твога показує ми се, да є срећанъ, да се обкладимо, онъ ће быти великимъ човекомъ.“ Селянинъ се насмѣши на ове рѣчи. У истый ма и две мале кћери приближесе, да полюбе

новорођенога, по когъ баба дође, да га прими и врати майцы. И обе кћери уђу за ньимъ.

Селянинъ сагнесе, и простре рогозницу єдну на землью, и понуди госта, да легне. И самъ легне, зарче, и заспи найспокойніє. Малый жижакъ распростираше слабый свѣтъ по собицы, Царъ се дигне мало, погледи око' себе, и почне съ умилѣніємъ сматрати селяка и спаваюћа три дѣтета. Дубока тишина царствоваше у собицы. „О да красна спокойства! помисли у себи, како мирно спава човекъ простъ и добродѣтелянъ на рогозницы овой! Гризенія совѣсти, подозрѣнія, и властолюбиви планови не узнемирую нѣговога спокойства. Спаванѣ нѣгово сладко є, зашто є спаванѣ безазлености.“ Оваква разсмотренія забавляласу Цара сву драгу ноћь.

Како зора заплави, Селянинъ се пробуди, и Царъ опростисе съ ньиме. „Я идемъ, рекне му, у Москву' тамо се познаємъ съ єднымъ благодѣтельнымъ човекомъ, и оћу да му говоримъ, и увѣренъ самь, да ћу га наговорити, да буде кумъ новорођеноме Твоме сыну. Тако обећай ми се, да ћешъ ме чекати съ крштенѣмъ сына, докле дођемъ съ кумомъ; после три сата найдалѣ вратићусе амо.“ Селянинъ ніє полагао толико цѣне у ово обећанѣ, но, као изъ учтивости, соизволи желанію нѣгову. Со тимъ се опросте, и Царъ отиде.

Међу тимъ три обећана сата протеку, и Селя-

нинъ, видећи, да гостъ не долази съ кумомъ, стане спремати се съ фамиліомъ своіомъ, да носи сына у цркву, да га крсти. Но, текъ што ктѣде да изиђе изъ куће, а онъ чуе великій шумъ коня и кола. Провири крозъ прозоръ, и види улицу, пуну конюника и великолѣпны колесница. Позна гарду царску, и позове и фамилію свою, да иду видити Цара, кадъ проће; изиђу и стану предъ врати кућице своє. Више кола проћу, а колесница Царева стане спроћу колибе доброгъ Селянина. Садъ виде, гди гарда почне растеривати гомилу селяна, кои су дошли, да виде свога государа. Отворесе врата колесинце, и Царъ сиће, опази свогъ домаћина и угостителя, и рекне му: „Обећао самъ Ти кума, ево ме долазимъ, да испунимъ задано слово. Дай ми сына твога новороћенога, и айде за мномъ у цркву.“ При овымъ рѣчма укочи Селянинъ зачудившійсе очи своє у Цара, и забленутъ стане сматрати великолѣпно одѣло Цара, и драго каменѣ, коимъ є обасутъ био, и сяйну пратню, коя га є окружавала. У овако великолѣпномъ появлѣнію не могаше да позна бѣдногъ оногъ госта свога, кои є прошлу ноћь съ ньимъ на рогозницы провео. Царъ се увесели мало овомъ неизвѣстностю Селянина и удивлѣніемъ нѣговымъ, а за тимъ рекне му: „Юче си Ты испуніо обвезательства, коя налажу законъ и човечество, а данасъ Ти я долазимъ, да испунимъ најслађу дужность владѣтеля, награђивати добродѣтель.

Оставићу Те и у напредакъ у томъ станю, коє Ты волишъ и почитуєшъ, и когъ безазлености и спокойству завидимъ; но даћу Ти све, у чему оскудицу трпишъ. Имаћешъ довольно стада, и лѣпи воћняка, и колибу, у коіой ћешъ удобно моћи дочекивати госте. Найпосле я ћу се старати о сыну, когъ самь прошлу ноћь видіо рођена; валяда се опоминћшъ, да самь Ти предсказао, да ће быти великимъ човекомъ.“ При овымъ рѣчма Селянинъ, мѣсто свакогъ одговора, пораженъ признательности, и окупанъ у сузама, донесе новорођеника свога, и положи га предъ ноге Царске. Царъ, разнѣженъ, узме дѣте, и однесе га самъ у цркву, и буде му кумъ. Но, не хотећи лишити га млека майке своє, врати га опетъ у колибу, явивши, да ће га опетъ узети, кадъ га одъ сисе одбію.

Царъ одржи задано слово вѣрно. Воспита кумче своє, у своемъ двору, и произведе га у чинъ; а на доброга Селянина и фамилію нѣгову изліе благодѣянія своя.

И СУДІЯ И ЧОВЕКЪ.

Правосудіє мора выше пута да се противи милосердію, чувствованію, кое облагорођава нашу природу, кое є, може быти, найкрасніе одъ свію други, уливены одъ свевышнѣгъ Творца у срце човечіе, и кое се назвати може єднымъ одъ првы задановенія существа божественога! Тако коликогъ почитанія мора быти достоянъ у очима нашимъ судія, кои у єдаиъ путъ и свою дужность испунює, и сострадательность къ бѣдномъ човечеству задоволява, слажући у себи и судію и човека, дѣло врло тешко, ком' се єдва и надати можемо! Такавъ заслужує раскошне похвале и одъ самы мудраца, и споменике одъ свію людій!

Валдеилъ, трговацъ Паризскій, — нећемо правогъ имена да му кажемо — штетує млого у трговини своіой. Надаосе, да ће га разумъ нѣговъ, нѣгова радимость, и добро нѣгово владанѣ спасти одъ неповольностій, кое разстроєніе дѣла на трговца навлачи; о-

сланяосе найпосле и на обећаня, коя су му више людій просипали, да ће му притећи у помоћь. Вѣровао є сирома и пріятельима и чувствительности людій. Но на скоро види, да ніє све онако, као што люди говоре и обећаваю; у єданъ путъ нађесе оставлѣнымъ ћудльивоме и слѣпоме тврдосрдію людій, коима є по несрећи дужанъ био. Врло мало има людій, кои познаю дражесть разнѣженія, и кои се опоминю, да бы требало, да име Христянина саставе съ именомъ човека! Често, не сматраюћи ни на собствене свое користи, слушаю они, само вѣроломна наговараня сплетака и злопамтенѣ. Зато по већой части и пропаденія трговаца (банкрутираня) произлазе више изъ нечовеколюбія повѣрителя (кредитора), него изъ злы намѣренія и неспособности дужника.

Честный Валдеилъ ніє ктео да се ползує унизительнымъ и готово увѣкъ безстыднымъ средствама, коя законъ допушта; но пламтіо є жельомъ, да испуни своя обвезательства, и ніє хтѣо да се бори са зломъ своіомъ срећомъ. Но и буде казнѣнъ за свою упорность у томе; єданъ одъ повѣрителя нѣговы, неумытніи одъ други, стане гонити га са бѣсниломъ, и оружати противъ нѣга сву строгость правосудія. Єданъ одъ чиновника судейски доће къ Валдеилу, и изнесе му заповѣсть, да га мора затворити. Фамилія нѣгова, узнавши то, стане велегласно кукати; жена нѣгова, имаюћи іоштъ на сиси безазлено существо, и три дру-

га дѣтета почну плакати и врискати; та оће да изгубе супруга и оца, кои имъ є єдина подпора био, и когъ нису могли довольно налюбитисе! Клекну предъ чиновникомъ на колѣна, и стану му ноге сузама оминвати, а за тимъ одлете у наручія несрећнога, кога онай оће да води у затворъ; „та болѣ Вамъ є, Господине! викну сви у гласъ, сто пута Вамъ є болѣ, окуйте насъ, и бацыте у наймрачнію тамницу, само супругъ мой и нашъ отацъ нека буде слободанъ!“

Но и овако тронительне молитве нису могле быти послушане; чиновникъ судейскій ніе смѣо отворити срца свога овомъ позорію жалости; дужность правосудія єстъ, быти и безъ очію и ушію, и чиновницы нѣговы мораю да уступе власти и непреклонимости закона. Бѣдна фамилія Валденлова усилисе осуєтити страшно магновеніє ньиногъ издѣйствованія, и рекне, да изреченіє судейско ніе по свимъ прописима написано; и зато заиште, да отиде къ судіи, кои суди о достойности оваквы пресуда. Чиновникъ судейскій допусти то. И тако Валденлъ, окруженъ плачућомъ своіомъ фамиліомъ, доће къ судіи; жена и мати, и три дѣтета, сви у найвећемъ разстроєнію, падну предъ ньимъ на колѣна, стану га заклиняти и преклиняти, и називати га своимъ покровителѣмъ; опишу му сву бѣду, у кою бы пали, и страшно очаяніе, коє бы ій све обузело, кадъ бы имъ се супругъ и отацъ затворіо.

Судія прогледи заповѣсть издану, но по зрѣломъ разсмотренію нађе, да Валдеила ништа спасти не може.

И тако принуђени буду повиноватисе жалостивомъ изреченію. Смуђена фамилія усугуби уздисаня и стеняня своя. Судія уклонисе. Валдеилъ буде окованъ; шта є гледао предъ собомъ? жена и дѣца нѣгова оставлѣна свой сили найвеће жалости. — „Та нећемо васъ, овде сама оставити, викну све троє, нећемо Васъ оставити! и мы ћемо сви да помремо овде! нека Вама врате слободу, мы ћемо мѣсто Васъ овде быти! заръ нећемо насъ троє довольни быти немилосрдномъ Вашемъ повѣрителю?“ — Бѣдный Валдеилъ стане грлити часъ єдно, а часъ друго; погледи и слабо существо, коє є жена нѣгова у наручію држала, и коє се узвѣрило, као да и оно дѣляше свирѣпо положеніе ньино, погледи га, и утроба очина задркће и распарасе; стане га любити и сузама своимъ обливати, говорећи: „О Боже! Боже! скоро ће да остане сиротицомъ безъ оца!“ Усилисе, не бы л' и утѣшіо како фамилію, но нису му могла утѣшенія одъ срца ићи, знао є, да му никако ніе могућно, наћи нужну сумму новаца, коіомъ бы слободу получіо.

Куцне вечъ и часъ, у комъ странни мораю изъ тамница да одлазе; доћу, и яве супруги и дѣцы Валдеиловой, да треба, да се съ ньимъ разстану. „Та не можемо, не можемо никако одлазити одавде, вриснуони, заръ овогъ слабогъ услађенія у нашему страда-

ню да намъ не дате? . . Тако учините то варварство, . . и доћите, одвуцыте насъ изъ нћгова наручія, и задайте намъ смрть на нћговымъ прсима! . · волимо и смрть, него ли бѣдно существованіе, коє бы безъ нѣга морали сносити!“ Тамничаръ, непоколебимъ у тврдости, кою му занатъ нћговъ налаже, навальивао є єднако, да одлазе, и поће већъ, да ій нстергне изъ наручія Валдеилова, кои се топляше у сузама; кадъ етоти дођу, те яве, да Валдеилъ иде къ надзирателю тамнице, кои га къ себи зове. Сви на ново претрну, на ново се устраше и сбуне, боєћисе, да и горе што съ Валдеиломъ не буде; та заръ ніе већъ довольно было, што є лишенъ слободе? И они поћу за ньимъ, мучећисе уза свакій коракъ све то выше; уђу къ надзирателю; и Валдеилъ проговори крозъ плачъ: „Та заръ ніе неумолимый мой повћритель іоште задоволянъ? Шта оће іоште? Заръ оће іоште кои ударъ да ми даде? — „Вы сте слободни, викне му надзиратель тамнице громкимъ гласомъ, и отворите му врата“ рекне стражарима. — Каква премћна за честне оне душе, коє су већъ готове быле, изданути! — „О оче! — О супруже! . . окови Ваши скинути! . . О каквымъ чудомъ учинисе то?“ . . . Нико не зна, да имъ каже, како се то догодило; дугъ є исплаћенъ, толико само знализу имъ казати: и Валдеилъ буде пуштенъ.

Повративщисе већъ одъ обаянія, коимъ су были поражени, зажѐле дознати, ко є тай благодѣтель,

и рѣдкій човекъ, коме су одужени за овако сяйну услугу. Валдеилъ стане свакоякимъ начиномъ распытивати, ко бы био тай благодѣтель, но сви труди нѣгови остану суетни. То іоштъ да су могли пронаћи, пакъ бы са свимъ были срећни; признательность естъ чувствованіе пресладко добрымъ душама. Та пресладко е, изразити ю, и пресладко, обуватити колѣна благороднога човека, кои намъ жалость и скорбъ нашу утолява и къ концу приводи, и кои насъ оживотворава! Та нисмо ли таквомъ човеку и за само существованіе наше дужни? Шта е животъ, отрованъ горкостю и жалостю?

Исплаћенімъ дуга жестокоме ономъ повѣрителю судба Валдеилова мало е была ублажена; истина, да е онъ усугублявао силе, да дѣла своя у болый редъ постави, но никако не могаше у томъ успѣти, знатный заямъ само могао е то причинити; а гди да наће онаква благодѣтеля, као што е онай, кои га е пустіо изъ тамнице? Онакви благодѣтельи есу права чуда на свѣту. А естество е одвећъ скупо у раздаваню чувствительности и благодѣтельности.

Валдеилъ буде позванъ къ истомъ ономъ судіи, когъ е правосудность по нѣга онако жалостна была. Новъ стра оживи опетъ у фамиліи нѣговой, хотя да за слободу нѣгову веће нису имали боятисе: но то е дѣйство велики скорбій, кое насъ постизаваю; како насъ ове намуче, свагда насъ после тера неко стре-

пенѣ, никадъ не виђамо, но све злу срећу. Люди, ков є несрећа млого времена гонила, подобни су страшльивымъ путницьима, кои одма одъ стра преблѣде, како найманьій листакъ надъ ньима шушне. — Савъ дркћући уђе у домъ Судіи, кодъ кога є множество людій было; слуга єданъ притрчи, отвори му врата кабинета, и рекне му да уђе, а да ће господаръ нѣговъ одма доћи. Какве мисли не нанђу на Валдепла! и опетъ му се отвораше тамница предъ очима нѣговымъ.

Єдва се отворе врата кабинета, и Судія уђе. Рекне Валденлу да сѣдне, а слугама своимъ заповѣди, да изнђу, пакъ онда проговори Валденлу: „Я самъ се Господине! точно извѣстіо о Вама, и дознао самъ, да сте поштенъ човекъ, и добаръ отацъ, но жертва несрећны дѣла, и да Вы за честность Вашу и за мудро владанѣ ни найманѣгъ укора не заслужуете. Дайте ми точанъ списакъ Ваши средства, и Ваши штета, и описаніе свега Вашегъ станя; не сумнямсе, да ми ій нећете истинна дати. Валденлъ єдва дане душомъ, кадъ овако благе рѣчи Судіи саслуша, и даде му вѣрно описаніе свога станя, и дода, да є готовъ, поднети му све свое трговачке књиге на разсмотреніе. „Ахъ Господине! рекне му, заплакавшисе, кадъ бы се іошт на земльи нашао кои човекъ, и небесна душа, подобна оной, коя ме є избавила изъ тамнице, я бы заи ста побѣдіо сву мою несрећу, и иманѣ мое. . . Но, одкудъ ћу се надати, да ће ми Богъ послати таквогъ

благодѣтеля, кадъ ми до овога часа ніє дао ни те сладости, да познамъ онога, и да му обуватимъ колѣна! Увѣрени будите, да за вѣнацъ зала моіи сматрамъ, што га не знамъ, и што не могу да му изявимъ моє благодарности.“ . .

Судія смутисе на ове рѣчи, но и опетъ усилисе, навладати немиръ свой, и рекне му: „Човекъ, кои Васъ є избавлѣніємъ изъ тамнице обвезао, было є млого срећніи одъ Васъ . . . благодѣтельность є, вѣруйте, највеће веселѣ на свѣту! . . и я чувствуємъ, да бы мени безконечно задовольство было, да Вамъ у чему будемъ на ползу!“

Валденилъ укочіо быяше очи своє у Судію, и рекне му: „Ахъ Господине! . . могло бы се . . и Вы бы благоволили“... Садъ Судія немогаше выше у држатисе, сузе полете му низъ образе, и полети у наручіє Валденлово, пакъ му крозъ плачъ рекне: „Я бы было неблагодаранъ, кадъ бы выше одъ Васъ таіо, колико самъ Вамъ обвезанъ: я самъ Вамъ дужанъ за пренебесну срећу, то чувствуємъ! Я самъ онай, кои, испунивши дужности Судіє, поитао самъ задовольити и оне човечества, чувстительногъ човечества.“ — „Тако, врисне Валденилъ, плачемъ загушившійсе, и я нађо могъ благодѣтеля!“ — „И опетъ Вамъ кажемъ, одговори му Судія, Вы сте мени были благодѣтелѣмъ! Законъ є судіо противу Васъ, я самъ му се повиновао; но колико самъ весео што самъ после закона слѣдо-

вао и ономе, што човечество предписує? поитимъ у тамницу и платимъ Вашъ дугъ, ево и доказательства о томе; хтѣо самъ да ій изъ непознане руке получите, но ево ме, гди не мого противустати пламеномъ Вашемъ желанію, знати и видити благодѣтеля свога, и гди се не мого задржати одъ исповѣсти. . Та дозволѣно є, радоватисе явно и овымъ увеселѣніяма. О колико є задовольство човеку, вратити супруга супрузи, и оца дѣцы своіой! Тако судите сада сами, нисамъ ли я Вашъ дужникъ! и да бы се одужіо за увеселѣніє, причинѣно ми одъ Васъ, то ћу се постарати, да Васъ доведемъ у станѣ, како ћете повратити штету, и заборавити несрећу Вашу.“

Валдеилъ падне само предъ ньимъ, и незнадяше друго проговорити му но само оволико: „видите Господине! сузе моє.“ Ово мало и овако тронительны рѣчій, найглавніє израженіє чувствительности, доволне су быле нашемъ Судіи, образцу благодѣтельности, да ій чує, сагнесе, и дигне Валдеила, кои ніе хтѣо одъ ногу нѣговы да одступи. Судія већъ є быо у изумлѣнію, загрли Валдеила, и стане га любити: „Ахъ рекне! та ово су чувствованія! Ово є блаженство! Ко не зна задовольства, обвезати себи люде, онай заслужує, да буде оплаканъ! Оно су ти прави несрећни люди на свѣту.“

ВЕЛИКИЙ ЧОВЕКЪ.

Густавъ Адолфъ познао є іоштъ съ почетка своґъ владаня надъ Шведскомъ, да є за свакога владѣтеля, кои є радъ достойно сѣдити на престолу народа єдноґъ, нужно, да почесто силази са престола, и да се познаніе людій, найнужнія наука владѣтельима, не докучава другчіе, већъ пролазећи крозъ разне редове дружства човеческоґъ. А наймиліе было му є, помѣшатисе међу люде, непознане свѣту люде, кои простъ народъ составляю; међу ньима разсудльиво око има више, него игди на другоме мѣсту, прилику видити и сватити првобытный характеръ природе; међу ньима є ова найманѣ преображена, и найманѣ претоварена коекаквымъ уметцыма и дометцыма; међу ньима найпосле могу владѣтельи и видити и чути ону истину, коя се рѣдко показуе и изражава у дворовима, а Густавъ никадъ ніе жаліо труда, тражити ю и купити.

Поће єдномъ у ловъ, и занће подубоко у лугъ,

одвоисе и удальи одъ своіи дворяна, предавшійсе размишлѣнія̀ма о стварима коима треба Цареви и Кралѣви да се занимаю; никадъ ніє онъ заборавляо, художества владаня, увѣренъ будуѣи, да свакій занатъ изискує бриге и труда, а занатъ владѣтеля єстъ безъ сумнѣ и најпрвій и најтруднїи занатъ на свѣту. Густавъ опази изъ далека сеоце нѣко, и зажели отиѣи у нѣга: „дај да идемъ къ коме одъ моіи пріятеля — овако є Густавъ називао жителѣ сеоске. Но пре, него уѣе у сеоце, види два млада селяка, одъ коіи є єданъ орао са великомъ дѣятельностю, зној му є съ лица капляо, другій пакъ усиляваосе, задржати му руку. „То є безполезно, Астингу, рекне првый; заръ оѣешъ да ме лишишъ могъ увеселѣнія? Окани ме се, Богати Я имамъ доста снаге и за Тебе и за себе, иди те одпочини, заръ мислишъ, да се човекъ може уморити, за своръ Пріятеля радеѣи.“

Ова рѣчь троне уво наблюдаваюѣегъ Монарха; „Ахъ, помисли у себи, та овай човекъ зна, како валя любити, и другъ нѣговъ срећанъ є съ ньиме и пресрећанъ, онъ има правогъ Пріятеля; а Я, кои владамъ надъ оволикимъ народомъ, я да не могу, може быти, ни єднога наѣи, ни єдногъ єдиногъ.“ Ова помисао узмути га са свимъ. Приближисе къ селяку кои є орао, и рекне му: „Тако Ты любишъ друга Твогъ силно?“ — „О силно и пресилно Господине! одговори онай, и свымъ срцемъ моимъ.“ — „Пакъ кадъ бы онъ быо у

нужди, бил' му Ты дао све, што имашъ?“ — „Све? то бы млого было, нећу Вамъ лагати, дао бы му три четвртинѣ . . . и, кадъ бы му неодложно нужно было, и све, ништа не бы себи задржао; кадъ бы и то учиніо, заръ не остаю мени іоште мое руке, и заръ ми не остає веселѣ, да самъ Пріятелю моме добро учиніо, и да самъ га обвезао?“ Густавъ се све то више разнѣжи, слушаюћи овакве рѣчи, „ запыта селяка, како му є име? — „Остернъ одговори онъ. — „И задржи, рекне му Монархъ, иста чувствованія, и безъ закоснѣнія быћешъ за ньи награђенъ.“ — „О, одговори Остернъ, Я самъ већъ довольно награђенъ; вѣруйте ми Господине! да човеку ни у чему не има веће награде, већъ када зна, да є ономъ ползу принео, кога люби.“ Изговорившіи ове последнѣ рѣчи добрый Остернъ настави оранѣ, не познаваюћи, ко є, што съ ньимъ говори, Густавъ є често имао обычай, поскидати съ себе знаке, по коима бы се могао познати,

Остернъ є давно већъ заборавіо овай разговоръ и награду коя му є обећана; и рекне само другу своме Астингу: „Видишъ брате! како су варошани чудновати у своме пытаню; као да се чуде томе, што се люди любе; заръ не имаю и они приятеля? А овамо се говори, да су они тако срећни! Чини ми се, да су они манѣ срећни одъ насъ. Пакъ, као и шта є то за чудо, што я Тебе любимъ? Та чини ми се, да є то ствaрь

са свимъ природна! кадъ за Тебе радимъ, чини ми се, да две снаге имамъ.“

После два три дана ето ти непознаногъ нѣкогъ човека, гдн у кућу, Остернову, сламомъ покривену дође. — „Ніе л' Теби, упыта га, име Остернъ?“ — „Єстъ Господине! шта заповедате?“ — „Овай часъ треба, да идете са мномъ у Штокхолмъ!“ — „Каква посла имамъ я у Штокхолму?“ — „Одъ стране Кралѣве“... — „Одъ стране Кралѣве! Не имамъ чести, познаватисе съ Ньиме.. Вы се варате.“ — „Не, не, не варамсе, ели Теби име Остернъ?“ — „Пакъ заръ мислите, да Васъ я варамъ, безъ свакогъ противусловія, я самъ Остернъ, име ово остало ми є іоштъ одъ оца.. Но шта я имамъ съ Кралѣмъ? мени є доста, што га свакій данъ у моимъ молитвама предъ Богомъ споминѣмъ, и што га благосилямъ. Кадъ бы могао онъ само онолико срећанъ быти, колико му я желимъ! Онъ є добаръ господаръ! Увѣравамъ Васъ, после могъ пріятеля Астинга, Краля найвећма любимъ.“ — „Пакъ, кадъ га тако любишъ, а оно треба, овай часъ са мномъ да идешъ, ово є нѣгова заповѣть, кою Ти доносимъ.“

Остернъ смете се, и отрчи къ Астингу; овай, видећи га сметена, смутисе. — „Шта Ти є, друже? упыта га, Ты си нѣшто сметенъ?“ — „Не знашъ, мой Астингу каква ми се несрећа догодила? Краль“ ..— „Но, пакъ шта є?“ — „Краль є послао по мене, и зове ме къ себи, и морамъ се съ Тобомъ разстати;

нити знамъ, зашто ме зове, ни крозъ што. Испытивао самь себе и испытивао, да нисамь што скривіо, и не могу никакве кривице да нађемъ, за кою бы казань заслужіо ... Аха! паде ми на умъ, да ніє за єлена оногъ когъ самь пре нѣколико дана убіо у лугу? Да неће Краль, кои є свима нама отацъ, да ми учини што за онако малу погрѣшку? Та толико луга има, по комъ може наћи лова!“

Посланикъ Кралѣвъ не могаше већъ, да га дочека, да се врати одъ Астинга; єдва опази обоицу, гди иду, и рекне имъ: „Кралю не требате обоица, онъ оће, да му онай само дође, комъ є име Остернъ, а не другій.“ — „Но Я га не пуштамъ сама, одговори Астингъ, мы се никадъ не раздваямо; ако ће тамо кодъ Краля и зло быти, мы ћемо обоица зло оно дѣлити.“

Найпосле пођу оба пріятеля къ престолному граду; и Остернъ повтораваше свакій часъ; „шта ли самь милый Боже! учиніо, те ме Краль зове? Никадъ досадъ нисамь остао да не платимъ данка, колико самь дужанъ быо, та то поне знамъ, да по правди и нѣму єдна часть одъ наши прихода припада, онъ има толике трошкове тегльити. (Полако къ Астингу) видиђешъ, видити, ништа друго ніє, него проклетый онай єленъ, онъ ће намъ млого бриге задати; а знашъ, колико самь се затезао, да га не убіємъ, пакъ и опетъ ме ђаво нанесе, те га уби. Чисто самь предчувствовао, да ћу за то страдати.“

Дођу већъ у Штокхолмъ, до крайности узнемирени, каква ій судбина тамо очекує. Посланикъ отиде къ Кралю, и яви му да су дошли. Таки дође єданъ одъ дворяна, и зовне Остерна, да иде къ Кралю. По богатомъ нѣговомъ одѣлу оба пріятеля помисле, да ће то самъ Краль быти, и викну у гласъ: „Обоица смо крива Государу! обоица, опростите намъ, или, ако оћете да казните, казните обоицу и єдномъ и истомъ казнію. Ако насъ затворите у тамницу затвор'те насъ обоицу не раздваяйте насъ, за ову се милость молимо, молимо колѣноприклонно.“ Дворянинъ дигне ій, и насмѣявшисе ньиномъ простодушію, каже имъ, да онъ ніє Краль, већъ да долази, да одведе Остерна къ кралю у дворъ. Ове рѣчи породе у ньима новый стра, и нове свѣдочбе жалости у оба пріятеля. Остернъ обећасе Астингу да ће се кой часъ вратити, и да ће любовь и пріятельство нѣгово къ нѣму и непремѣнна и вѣковѣчна быти.

Густавъ удальившисе одъ дворяна своіи, дочека Остерна у своmъ кабинету. Текъ што га Остернъ угледа, а онъ се зачуди, и сбуни; позна да є Краль странный онай господинъ, кои се пре нѣколико дана и близу сеоца нѣгова къ нѣму сврatіо, и съ ньимъ разговарао. Краль є знао већъ, како се онъ смутіо быо, и за што се онолико бояо, да ніє кривъ; и запита га: „Тако шта си скривіо?“ Остернъ падне предъ ньимъ на колѣна, и одговори му: „Господине! . . Государу! . . . молимъ Вамъ се за опроштенѣ, никадъ нећу вы-

ше погрѣшити.“ И ту преповѣди са свомъ одкровеностю, шта се догодило съ онымъ єленомъ. И Густавъ му милостиво рекне: „Молимъ Те Остерну! немой у напредакъ да ратуєшъ съ моимъ єленима, остави мени то увеселѣніє, Ты и онако имашъ доста други увеселѣнія. Гинешъ ли іоштъ єднако за Твоимъ другомъ?“ — „Ахъ Государу! любићу га, и гинућу за ньимъ до последнѣгъ издисая могъ и до смрти моє.“ Ту яви Кралю, да се нису могли раздвоити, да є и Астингъ съ ньиме дошао, и да є и онъ у Штокхолму. „Остерну! рекне му Краль, и кралѣвима є исто онако, као и другимъ людма, нужно, да су миловани и люблѣни. До овога часа Я не имамъ никогъ око' себе до самы дворяна и ласкателя, а душа моя тежи и жедни за пріятелѣмъ; надамсе, да самь у Теби нашао ово благо, коє се не може исплатити, за мою чувствительность. Я не захтѣвамъ одъ Тебе, да будемъ претежніи одъ Твогъ друга; дай ми само друго мѣсто у Твомъ срцу; но само ово условіє полажемъ нашемъ пріятельству: пребиванѣ у двору нек' не преобрне Твоє чистосрдечіє! свагда ми говори истину онако, као што бы ю говоріо самомъ Астингу; и обећай ми, да ћешъ се подвргнути овомъ роду закона, кои Ти налажемъ?

Остернъ обувати колѣна Кралѣва, сузе разнѣженія течау му, и єдва знадяше говорити. „Ахъ Государу! . . Государу! . . любити Васъ . . и свомъ душомъ да Васъ любимъ, и опетъ не могу Вамъ испла-

тити толику доброту. . Но, при толикой Вашой благодѣтельности къ мени, незаборавите и Астинга.“

Съ радостію види Густавъ, гди Остернъ и при засіянію нове свѣтлости у очима нѣговымъ ніе заборавіо предмета првы своіи чувствованія; и постараосе и о судби Астинговой, но сву милость свою изливао є на Остерна. Одма заповѣди, те му учителъи дођу, и стану га воспитавати и учити; и кадгодъ є могао нѣколико магновенія уграбити одъ величества и одъ дѣла државны, свагда є ишао къ Остерну на разговоръ. „Ево ме, рекао бы му у тимъ магновеніяма, гди къ Теби Пріятелю долазимъ, куснути сласти, да самъ и Я човекъ, и предатисе на нѣкій начинъ увеселѣнію єднакости. Остани ми увѣкъ искреннымъ Остерномъ, и казуй ми, шта се говори за мномъ? укорава ли ко за што Густава? и ніе ли каквугодъ погрѣшку у чемъ учиніо? и по Твоимъ примѣчаніяма и по Твоме совѣту трудићусе поправитисе.

Овымъ начиномъ учіосе Монархъ заслужити любовь своіи поданика и удивлѣніе све Европе. Ово єдино средство, кое врло мало число нѣму равны познаю, поставило є Густава у число найвећій Кралѣва, коима се земля Шведска икадъ поносила.

Остернъ съ свое стране пакъ учиніосе достойнымъ искренности оваквога господара. У милости бывшій, и за безъ свакогъ высокогъ достоинства, никадъ ніе толико био заслѣплѣнъ, да ниско свое порекло забо-

рави, самъ га се свагда опоминяо явно. Никадъ се ніе дао, да га пустошне примамке двора заглуше, и пріятельство нѣгово къ Астингу умложавалосе одъ дана на данъ све то већма; непрестано му є говоріо: „Не праштай ми Пріятелю драгій! ни найманѣгъ заблуђенія; и, како бы опазіо, да бы се и найслабія промѣна у поступаню момъ мени прикучила, не штеди ме ни найманѣ, но оружайсе савъ коликій и безъ и найманѣгъ милосрдія противъ найманьи моіи погрѣшака, и видиѣешъ, да ћешъ ме и опетъ къ првомъ момъ поступаню повратити; и увѣренъ буди, да ћу Я и опетъ душу селяка Остерна имати.“ И заиста є Остернъ морао чистъ быти одъ свакогъ укора, по томе, што и сами дворяни нису завидили нѣговоме повышенію, и што су га и они сами почитовали.

Єданъ одъ министра Густавовы даде сяйнну часть, и Густавъ самъ украси ю своимъ присутствомъ, све благородство было є на ньой. После раскошне вечере слѣдовао є балъ. Све дружство буде обаяно младомъ нѣкомъ дѣвойкомъ, сви укоче очи у ню, сви се дивляу величественой изредности нѣна стаса, и лакости и у исто време скромности хода нѣна. Найпосле сбацы наличину (маску) са себе, и онда се топрвъ красота и дражести нѣне у свой своіой сили покажу, сви се заблену, и доћу у изумлѣніе. И заиста ніе природа никадъ ништа красніе створила, безазленость и смиреность на лицу у ходу разговору и дѣлима нѣнымъ

узвышавау ю надъ свимъ другарицама нѣнымъ. Самъ Краль буде выше одъ свію осталы гледателя пораженъ; онъ є веѣъ познавао сласти искренога пріятельства, садъ у єданъ ма обузме га и пламенъ любови. — „Остерну! Остерну! . . Шта види Я садъ? Єли ово божество, сишавше на землю, шта ли є? Сви хвале сяйность престола, но ево найвышега величества на свѣту! Шта є величина предъ красотомъ? Гледай, молимъ Те, гледай, те распытай, ко є, и шта є, и кога є чина. . . Но, шта реко, незанима ли она првый чинъ на свѣту?“

Остернъ поита, послужити Краля у намѣреніяма нѣговымъ. И дозна, да є овой любведостойной дѣвойцы име Аделаида; и, хотя да є одъ славнога рода, опетъ зато живила є на селу, и рѣдко є долазила у градъ. Родительи нѣни, кои су задржали све добродѣтельи стары Шведа, воспиталису ю далеко одъ развратности и мрежа дворски; она є была прекрасный цвѣтакъ, удалѣнъ одъ вѣтрова и буря.

Ово обясненіє распали страсть Монархову іоште веѣма. — „Тако Ти я проѣо, рекне Остерну, Я изгуби све моє спокойство. Алъ! Пріятельство не причинява оволику сметню чувствованія, ни оволика опустошенія . . Заръ є требало, и Густавъ да се подвргне любови? И ево ме, гди самь нѣнъ робъ, и робъ найпониженніи: вѣруй ми, да іой морамъ са свимъ уступити. Неѣу, истина, употреблявати рѣавы сред-

ства! Онолико красоте не треба да принадлежи другомъ, него самой добродѣтельи; и самъ Богъ нiє ме за то створiо Кралѣмъ, да грѣшимъ противъ правосудjя и честности. Ты кажешъ, да є она одъ господскогъ рода. Тако нећу увредити найвышега величества, кадъ бы се свезао съ ньомъ, као што честь и закони налажу . . . Я ћу поднети, Остерну мою руку Аделаиди. Потецы, и нађи фамилiю нѣну, и кажи iой понапредъ ово моє намѣренiє.“ — „И Я дѣлимъ Государу!, одговори Остернъ, Ваша чувствованія; заиста є Аделаида богиня красоте и умилятости; она є створена, да сѣдне поредъ Васъ на престолъ, она ће дати нову сяйность величеству.“ . . — „Тако послужи ме Остерну! у томъ съ ономъ ревностю, кою си ми у толико случаєва освѣдочiо. Сврши ми то дѣло, и неговори ми ни о каквымъ препонама. Но то само гледай, да се власть моя неумѣша у ову любовь; Све право моє оснивамъ само на найчистiимъ чувствованiяма, и на чувствованiяма найстрастнiимъ; любовь нек' изъ Твон уста излази, а не Государъ и владѣтель. Я пламтимъ за тимъ, да получимъ за жену обожења достойну Аделаиду; но волiо бы животъ изгубити за ньомъ, него да ю, получимъ властю моiомъ. Густавъ никадъ неће быти тираномъ, Я желимъ, и да будемъ краль и човекъ, човекъ, кога савъ свѣтъ да люби.“ . .

Повѣреныкъ Густановъ могао є заиста найвѣрнiимъ толкователѣмъ страсти свога государа быти;

онъ є истину исповѣдіо, рекши, да и онъ дѣли чувствованія нѣгова. Аделаида учинила є у душу нѣгову онакво впечатлѣніє кое се онъ свакоякимъ начиномъ трудіо одъ сама себе сакрити.

Поита къ родительима Аделаидинымъ. Онъ є имао све дарове, коима се човекъ може омилити другомъ; чувствительность нѣгова описана є была на найблагородніємъ и у исто време найплѣнительніемъ облику найживльимъ бояма; текъ што бы му се човекъ приближіо, а вечъ нисн могао очію съ нѣга скинути, и не омиловати га. Остеринъ говоріо є родительима о намѣренію свога государа са свимъ жаромъ и свымъ восторгомъ служителя, кои люби вѣрно и нѣжно свога Краля. Фамилія Аделаидина буде преиспунѣна радостю и признательностю; єдина Аделаида покаже, да се налази у нѣкой сметньи, различной одъ онога, што є любимацъ и повѣренікъ Кралѣвъ очекивао, да ће кодъ нѣ наћи; пораженъ буде одъ чуда. „Тако, шта да кажемъ Кралю? Упыта ю наипосле, овако ласкаво предложеніе Господично, извините, што искренно морамъ рећи, Вы га примате као неповольный гласъ. Помислите само, молимъ Васъ, великій Монархъ, Густавъ проси Васъ.“ Но Аделаида постане све сметенія, и не имаде снаге, одговорити му, и само држаше прекрасне свое очи укочене у Остерна, и погдикоя суза блисташесе у ньима. Родитељи нѣни, раздражени оваквымъ нѣнымъ поступкомъ, рекну іой,

да одлази изъ собе, и стану се трудити, наћи извинћ-нія погрћшки нћной предъ Остерномъ, говорећи, да ю є нечувена и изненадна она вћсть морала у изумлћніє поставити, а кромћ тога и неповћреніє къ своимъ дражестима, и стидльивостю, онолико природна нћномъ вћку и полу, и при самой помисли о браку порађающасе, моралесу говорау родитељи, завезати уста и сва чувствонанія Аделаидина. Но како се садъ показала красна очима Остерновымъ! Како су му се нћни погледи показали обаятельныма! Отиде одъ ньи съ душомъ, преиспунћномъ овымъ тронительнымъ позоріємъ.

Густавъ очекивао є съ найвећимъ нестрпћніємъ, да му Остернъ дође. Овай му даде точно извћстіє о своемъ посланію, и не задржисе млого при описиваню ладности, кою є Аделаида показивала, но выше при описиваню извинћнія, коя су родитељи нћни употреблявали, и дода, да є Аделаида воспитана у дубокомъ усамлћнію, и да се у нћму и научила оной стидльивости, коя затеже и найманя нћна израженія, а изгледъ среће, коя іой се подноси, морао ю зачудити. . . — „Ахъ, одговори му Краль, валяда іой нисамь Я поволянъ! . . Ніє довольно само, быти Кралћмъ . . . да ніє Аделаида чувствованіємъ къ другомъ коме предварена? . . О Остерну! и ко бы био тай срећный соперникъ?“ . . Остернъ стане избіяти му изъ главе овакве узбунительне мисли, и обећа му

се, да ће наставити своя посѣћенія кодъ Аделаиде, и да неће оладнити у своемъ настояваню; и да ће употребити сва средства, само да бы издѣйствовао, да се часъ пре бракъ онай свеже, кои бы обезбѣдіо срећу свога государа.

И одржао є рѣчь свою свето. Често се виђао съ фамиліомъ Аделаидиномъ, и съ Аделаидомъ самомъ. Но свакій бы путъ намргођеніи и замишлѣніи одъ нѣ враћаосе, и побояо бы се провидити дубльину своє душе, нашао бы у ньой чувствованія, коя є морао сматрати за осуђенія достойна и кривична, кадкада бы опазіо, да му се и очи сузама наводняваю.

Астингъ примѣти пораженіє нѣгово, и запыта га, одкудъ оно произлази. Остернъ бы на пытаня нѣгова ил' оћутао мрачно, или бы му само одговарао празнымъ израженіяма, коя нису могла ни повѣреніє ни любопытство задовольити. Та како бы могао и одкрити тайну, одъ коє бы се самъ онъ, тако рећи, стресао изяснити ю предъ самымъ собомъ.

И фамилія Аделаидина трудиласе, као и Астингъ, дознати причину непрестаногъ одбіяня кћери нѣне, коя никако ніє хтѣла да се изясни, исто онако, као што и Остернъ предъ другомъ своимъ ніє хтѣо да се исповѣди. Кадгодъ бы іой споминяли о бракосачетанію нѣномъ съ Кралѣмъ, кадгодъ бы іой представляли ползе, и сяйность, коє бы оно надъ домомъ ньинымъ излило, свагда бы уздисанѣ, сузе, и само сте-

нанѣ єдиный одговоръ Аделаидинъ на преставлѣнія ньина была. Найпосле и не могаше сиротица одржати овако раздирательногъ станя, смртно вененѣ почне потавнявати цвѣтъ красны нѣны дана, и вечъ почну родительи боятисе за животъ нѣнъ.

Густавъ међу тимъ ніе ни найманѣ черте изгубіо одъ своє нѣжности ни одъ нестрпѣнія, увѣнчати ю бракомъ, о коме є у срцу своме вечъ мисліо, како ће га найторжественіе прославити. Остернъ є живости желанія нѣговы противуполагао болесть Аделаидину; но Монархъ є вечъ толико био залюбљенъ, да стане боятисе и подозрѣвати. — „Остерну!, рекне му . . Она мене не люби, то довольно вечъ видимъ; и, ако и не знамъ управо све, што се лубови каса, опетъ ми се чини, да погађамъ истину: Аделаида морала є подлећи страсти, коя ю у потан пара. Да, да Пріятелю! другій є знао срцу нѣномъ угодити, другій царствує у нѣму а я . . Ко ће быти тако продрзльивъ, и толико неразсуданъ, те се усудіо, отети ю одъ своґъ Краля! О да ми га є само знати . . Шта, заръ дотле любовь да ме понизи? заръ дотле мѣня она характеръ людій? Заръ Густавъ, Густавъ овако да говори о неправди и о насилію? Заръ и последный одъ моіи поданика да не смѣ претежніи быти одъ мене у любови? Та Я самъ іой и непознанъ, како ћу и да будемъ другчіи, нег' познанъ, прывымъ нѣнымъ уздисаима; другій ю уграбіо пре мене! . . Остерну! Остерну! самъ

одъ себе се стидимъ и руменимъ. Жалостива ова страсть упропастиће ме; све што ме окружава, све ми є већъ несносно, на свакога, кои ми приступа, подозрѣвамъ веће, и на Тебе самогъ, на Тебе Пріятелю мой! подозрѣвамъ!“.. — „Государу! викне Остернъ, и Вы можете и помислити?“ . . . — „Остерну! Я већъ нисамь при себи? О колико є пріятельство веће одъ любови! пріятельству дужанъ самь Я, може бити, за добродѣтельи и за душу владѣтеля, а Аделаида . . она овако да ме понизи? Она да ме мучи, и да ме убія!“

Кадъ Остернъ самъ остане, а онъ се сгрози: „Шта веляше, государъ мой, и Пріятель мой подозрѣва на мене! . . . и подозрѣніе ово . . . Та морамъ му исповѣдити . . . подозрѣніе ово са свимъ є основано! Шта реко? Густавъ има соперника, и соперникъ овай ко є? човекъ, когъ є онъ извукао изъ найдубље таме и изъ праа, човекъ, когъ є онъ, тако рећи, створіо човекомъ, и кога є обасуо благодѣяніяма своимъ, и подигао до самога себе, примивши га у найискреніе дружелюбіе, и коме є првомъ и єдиномъ срце своє откріо, да люби, . . Я Пріятель нѣговъ, и я управ' да га варамъ, да га убіямъ! Колико самъ се трудіо, сама себе утомъ варати, но и зато самь кривъ! Да, Я любимъ, Я обожавамъ . . и пламтимъ за Аделаидомъ . . Ова любовь свалиће ме у гробъ! . . О зашт' не имамъ толико мужества, да прескочимъ у нѣга, нег'

постанемъ грѣшникомъ? а заръ нисамь веће досадъ тай? . . Но Я нисамь одкріо Аделаиди ове любовы коя ме овако мучи; Я ћу знати ћутити, и волимъ сто пута умрети . . . Я заръ да будемъ причина нѣногъ затезања, поћи за Краля? . . или да ме гордость моя не заслѣплява! . . Дай, и последнѣ моє силе да употребимъ, и да се противъ самогъ себе оружамъ, и собствене моє прси прободемъ . . о єдиной срећи Густавовой да настаємъ; о, кадъ бы му ю могао и животомъ моінмъ искупити! могао бы се поне тимъ тѣшити, што бы издануо у совѣсти, да самь испуніо свою дужность, да самь служіо своmъ Кралю, и да самь се жертвовао за своГъ Пріятеля.

И тако рѣшисе, употребити, сва средства, како бы само Густава срећнымъ учиніо. Отрчи къ Аделаиди, и затече ю готово на смрти; „Ахъ Господично! рекне іой, какво позоріє, ко є могао овако жалостну побуну произвести? како ће се Краль о томъ опечалити?“ — „А заръ не има никогъ выше, до Краля?“ одговори му она обаятелнымъ гласомъ, и погледа га окомъ, коє є іоштъ сву свою жестокость задржало. „Безъ сумнѣ, превати Остернъ рѣчь, сви они, кои су само срећу имали, видити прекрасну Аделайду быће тронути оваквымъ нѣнымъ положеніемъ! Коє срце не бы се заузело за Васъ Господично? И коє не бы дало свой животъ, само Вашъ да спасе?“ При овымъ рѣчма не могаше се удржати, да изъ дубльина не уз-

дане. — „Све є суєтно, настави Аделаида, не могу, не могу выше забављати надежда Кралѣвы. Станѣ, у коме се садъ налазимъ, допушта ми, те могу искрено говорити: я чувствуємъ сву цѣну свезе, коя ми се предлаже: и, одъ когъ ми драго рода была, испоповѣдамъ, да никада ни помислити нисамь могла, да ћу толике чести быти достойна; я почитуємъ и любимъ Густава, као мога государа и владѣтеля, но ел' довольно само достоинство монарха, да уліє чувствованія любве у срце . . . коє є другій. . Іоштъ пре Густава имала самь прилику познати господара . . овай ће до последнѣгъ издисая владати у момъ срцу!“ . . . — „Другогъ Господично?“ . . . — „Не терайте ме Господине! да Вамъ даємъ обяснѣніе, коє бы само повредило мою чувствительность, а може быти и мою гордость, будите задовольни съ моимъ повтореніємъ; я ћу скоро умрети, и у овой крайности мислила самь, да могу нѣколико рѣчій о себи проговорити! . . . а ово писмо показаће Вамъ све . . прочитайте га, кадъ отидете одавде. Будите увѣрени, да ме никадъ ніе сяйность престола заслѣплявала, я самь свагда слађу срећу тражила . . Небо неће, Аделайда срећна да буде, морамъ се повиновати тайнама нѣговымъ.“

Аделаида уграбила є времена, написати ово писмо, у одсутству родителя своіи. Остернъ изађе са свимъ сбунѣнъ, и нестрпѣльивъ, да га отвори и види, шта у нѣму стои; брже болѣ отвори га, и на-

ће у нѣму ово написано: „кадъ се извѣстите о моимъ чувствованіяма, онда се нећу я стидити моє исповѣсти; гробъ ће покрити срце ладно и угашено. Заръ сте Вы, Вы Остерну морали мене просити за другога? како нисте могли опазити царство, коє сте Вы освоили надъ врло слабомъ Аделаидомъ? како Вамъ нису погледи мои одкрили тайне душе моє? Я самь Васъ выше пута вићала и пре, него на жалостной оной части, на коіой самь толико была несрећна, те се краль мой у мене залюбіо. Я издишемъ, увѣрена, да ћете се и Вы едва смиловати на мене . . но неодрецыте ми сожаленія. Рѣшившисе, не примити предложенія нашегъ государа, може быти, да самь и Вама какве неповольности причинила, но смрть моя учиниће, те ћете слободни быти одъ свакога страа и одъ свію укора.

Остернъ и не дочита писма, и савъ се смути, и викне: „Тако мене люби Аделаида! а и незна, да я умиремъ за ньомъ! нити смѣмъ казати іой то, ни изданути пре, него бы она умрла! . . О да страшне судбе! . . я ньой смрть задаємъ! Ахъ Густаву! Густаву! оди, и прободи ми срце, не могу оволике жертве принети. . . Та идемъ, идемъ къ Аделаиди, идемъ исказата іой све . . све . . нека зна, да є моя любовь къ ньой тисућу пута већа одъ нѣне любови!“ . . И заиста полети къ ньой; но стане и опетъ: — „кудъ си нагао несрећниче? рекне у себи, кудъ си нагао най-

неблагодарніи човече на свѣту? заръ да изневѣришъ Твога государа . . Твога благодѣя . . и Твогъ пріятеля? . . каква є ова рѣчь, кою садъ изреко? . . Но Аделаида, Аделанда умире! . . она ме люби, а не зна, да и я ню любимъ! кадъ бы ю ова моя исповѣсть могла повратити!“ Изнемогне сирома, и падне на столицу, пакъ опетъ скочи. . . „Ово положеніе єстъ найсвирѣпіе на свѣту! не имамъ выше до єдиногъ средства, опростити га се, до овога“ . . . при овымъ рѣчма полети на мачъ свой, да се прободе, но рука нѣка задржи га, и викне му: „Шта є то? шта оћешъ?“ Рука и гласъ былису Астингови, когъ є по свой прилицы само небо послало нѣму у помоћь. Астингъ скрушисе, видећи пріятеля своѓъ у оваквомъ станю; и овай преповѣди му причину своѓъ очаянія, а онай стане га стишавати и тѣшити. — „Излишна брига, рекне найпосле Остернъ, оћу да бѣгамъ одъ Краля и изъ двора нѣгова; и идемъ закопатисе гди годъ у самоћи. . . О кадъ бы земля отворила предамномъ свою утробу пакъ кадъ бы ме одъ самога себе сакрила! . . Съ Богомъ Астингу! съ Богомъ! и на вѣки съ Богомъ! оплакуй и вѣчну паметь мою.“

Астингъ загрли га, и ороси своимъ сузама; а Остернъ нит' што чує, нити види. Стане се спремати къ бѣгству и после нѣколико дана буде готовъ. Но єданъ одъ служителя нѣговы изда га, и Краль буде извѣштенъ о непредвиђеномъ нѣговомъ бѣгству;

пошлѣ, да га зовну, и Остернъ буде принуђенъ, изићи му на очи. — „Шта є то? упыта га Краль, шта ће рећи ово нагло бѣганѣ Твоє? Шта си науміо?“ — „Ето то Государу! да Васъ опростимъ човека, кои ніе выше достоянъ Ваши благодѣянія, и кои ће Вамъ быти страшиломъ онаквымъ, какво є самъ себи и у своимъ очима. Ево чуйте садъ сва моя заблуђенія; чуйте излишность и чудовиштность моє непризнательности. Вы сте ме избавили одъ землѣдѣлія, Вы сте прескочили страшно оно разстояніе, коє є было између насъ двоице; Вы сте ми были све на свѣту Васъ самъ као Бога почитовао, Вы сте были мой пріятель . . . и я самъ изштетіо ово овако честно и овако срцу момъ драгоцѣно пріятельство! Бы ли могли вѣровати? Я самъ дрзнуо . . Я самъ Вашъ соперникъ . . Я самъ се залюбіо у Аделаиду, я ю обожавамъ.“ — „Тако, Ты Остерну! Ты толико неблагодаранъ?“ викне му Краль. — „Обаспите ме Государу! свимъ укорима на свѣту заслужуємъ ій; одузмите ми животъ, одъ Ваше руке нек' изданемъ!“ — „Одлази, одлази . . ниси достоянъ моє освете . . безстидниче, да бы безстидниче! . . И ты да грабишъ одъ мене руку существа! . . О несрећниче! О свирѣпый! и Ты си быо пріятель мой! Тако Боже! Кралѣви и не могу быти миловани ни люблѣни! коме и да отвори човекъ срце своє, кадъ овай варваринъ . . . тисућу пута выше трпимъ я одъ Тебе . . но, но ова штета

неће остати не казнѣна . . . Оћу, да казнь Твоя устраши . . . и я самь био само игра вѣроломства Твога? вѣроломства?“ — „Послушайте ме іоште Государу! іоште нисамь я мѣре преступлѣнія превршіо: Аделаида . . Аделанда не зна іоште, да ми є задала ову жалостну и кривичну любовь . . .“ Стражари (уђу) „уватите и свежите Остерна!“ — „Шта? Остерна?“ — „Остерна, да, Остерна, кои є уцвеліо почитаніе, коє є дужанъ Кралю своmъ давати, . . . кои є смртнымъ ударомъ поразіо срце моє . . бацыте га на дно у тамницу, нека у ньой издане.“ . . — „Но и Аделанда ће умрети, Государу!“ —

Ніе могућно, изразити колебанѣ и бѣснило Монарховo. Заповѣди, да съ Остерна поскидаю одѣло нѣгово, и да га обуку опетъ у оно, коє є носіо у првоме своме станю у селу. „Треба га, вели, опетъ вратити ђубрету, изъ когъ самь га извукао, нек' у нѣму води презрительный животъ! . . не, не, нећешъ умрети Остерну, не! . . Смрть є конацъ зала на свѣту; но Ты треба да осетишъ, шта то значи на зло употребити чувствительность монарха єдногъ. . . О варварине! Та Тебе самь найвећма любіо.“ При овой помисли Густавъ се сгрози савъ одъ бѣснила, никадъ донде нису га видили, да га є толикій гнѣвъ обузимао. Етоти Астинга, стража ніе ктела, да га пусти, а онъ искаше, да изиђе предъ Государа, и да клекне предъ ньимъ. — „Государу! викне онъ, помилуйте несрећнога Остерна! Та заръ ніе му довольно га-

зни? ніє л' лишенъ милости Вашегъ Величества?“.. — „Не говори ми, не говори выше о ономъ вѣроломнику! . . Твой долазакъ Астингу! већма ме раздражує . . одлази . .“ — „Тако неодрецыте ми Государу! єдне милости! последнѣ, за кою Вамъ се молимъ, заповѣдите, да отворе тамницу гди тає несрећникъ онай, и да и мене затворе съ њиме у нію, да и я дѣлимъ страшила судбе нѣгове! Онъ є мой другъ Государу!“ — Густавъ съ закрвавлѣнымъ очима приступи къ нѣму: „А заръ ніє и мой быо . . и мой . . то и єстъ оно, што ми срце пара! . . Суди о Астингу! суди, колико я страдамъ; принуђенъ самъ, мрзити на нѣга . . та садъ бы му срце пробоо . . Мене да изда? са мномъ да буде соперникъ? съ моіомъ слабостю да се титра?“ .. — „Увѣравамъ Васъ Государу! да Аделаида и не зна за нѣгову страсть, никада іой ніє слова проговоріо о њој.“..

Астингъ и не изрекне іошт ове рѣчи, а Кралю яве, да се млада нѣка дѣвойка, сва у сузама огрезла, растроєна, и издишући моли за милость, да се може представити нѣму. „Пусти те ю, нека дођє, рекне Густавъ, валяда є жена, коя мисли умилостивити ме? Та добро, и врло добро познаємъ вѣроломство тога пола!“ Но како се упропасти, кадъ види, ко пада предъ њимъ на колѣна! Аделаида, сама Аделаида. Извѣштена о жалостной судби Остерновой скочи, тако рећи изъ гроба, и науми, на колѣнима клечећи изявити болѣтицу свою и пролити сузе предъ Гу-

ставомъ. Онъ ю дигне и упыта: „Што сте дошли амо Господично?“ — „Єдино повѣреніе одговори она, повѣреніе къ милости и правосудію Вашемъ Государу! доводи ме овамо. Дознала самь, чемъ се никадъ нисамь надала. Была самь већъ на последнѣмъ концу, и опетъ самь се усилила, дићисе и доћи, да предъ ногама Вашегъ Величества изданемъ. Знамъ Государу да є Остернъ мене ради жертва“ . . — „И Вы сте іошть толико дрзски, и толико безобразни, и изићи ми на очи? чему се надате? шта мыслите Вы?“ — „Повратити Густава къ самомъ себи, и казати му истину, то мислимъ, зато самь дошла. Вы сте Государу створени, да праштате чувствительнымъ срцама; моє се предало вашемъ любимцу Остерну. Гласови, кои су се разносили о добродѣтельима нѣговымъ, о нѣговымъ добрымъ дѣлима, о одличномъ благоволѣнію, кога сте га Вы удостоявали, и коимъ сте га явно прјятелѣмъ Вашимъ проглашавали, ти гласови морали су произвести найживлѣ участіе къ нѣму. Излазивши кадкадъ изъ могъ усамлѣнія, имала самь прилику, виђати Остерна, кои то ніе ни примѣчавао. Одъ првога виђенія онъ є обладао моимъ срцемъ. Я самь се свакояко усиливала, утолити ову страсть; но и разумъ и добродѣтель моя нису могли далѣ успѣти, већъ до тога, да сама у себи сакриємъ ову несрећну страсть; међу тимъ она букне и облада ме сву колику, кадъ Остернъ дође, и упознасе съ моіомъ фамиліомъ. Но я и опетъ рѣши-

лисе, ћутити, и на вѣки ћутити, тимъ выше, што ми се чинило, да Остернъ и ни найманѣ не дѣли са мномъ чувствованія любови, и што ми є онъ, самъ онъ, толковао све ползе, коє бы изъ славнога брака съ Вашимъ Величествомъ по мене произишле, съ ономъ ревностю, кою само вѣрный служитель може употребити, а не човекъ, кои се старао, мени повольнымъ показиватисе.“ . . — Густавъ пресѣче іой бесѣду, и упыта ю: „Тако никада вамъ ніє казао, да Васъ люби.“ — „Никадъ Государу! никадъ слова єдногъ ніє о томъ проговоріо, но свагда є само о Вашему Величеству говоріо, и о чувствованіяма, коя сте Вы снисходили о мени имати. Мени ніє требало ни славолюбія ни гордости, пакъ да узнамъ цѣну поднешенія, коє ми є онъ одъ Вашета имена чиніо; безъ сваке сяйности величине, будите увѣрени Государу! Вы сте у станю, свакомъ улити страхопочитательну нѣжность: да ніє душа моя пре почела любити, не сумняйтесе, да не бы само чувствованіє довольно было къ томе, да ме наведе, примити руку єдногъ одъ првы монарха на свѣту; но быль было лѣпо, донети му срце, . . срце, коє ніє было већъ у моіой власти? бы ли было достойно супруге, варат' своегъ супруга, свога краля съ срцемъ, коє ніє выше было моє? Представите себи Государу! какве самъ борбе морала поднети: ова несрећна любовъ довукла ме є на саму обалу гроба; већь самъ была сишла у нѣга, и опетъ самъ се дигла; и задржала самъ послед-

ный мой издисай само зато, да измолимъ у Васъ старо благоволѣніє къ Остерну и правосудіе, онъ ніе ни найманѣ кривъ!“ — „Ніе кривъ? прсне Густавъ, колебанъ яростю, ніе кривъ? пакъ шта є требало іоштъ да ми учини? Пламтити безрасудномъ и дрзскомъ любовію къ Вама, и не быти кривъ?“ — „Шта, врисне Аделаида, Остернъ ме люби?“ — „Онъ є быо одговори Густавъ, толико безобразанъ, те ми є самъ то исповедіо“ — „Тако Остернъ мене люби? Ахъ Государу! колико є достоянъ онъ Ваше милости, и Вашега онако славногъ пріятельства! Садъ првый путъ и изъ Ваши уста чуємъ Государу! да ме Остернъ люби, никада ми ніе рѣчи о томъ споменуо; да, тимъ выше заслужуе накнаду съ Ваше стране, што у рукама своимъ има — не треба затаити одъ Васъ. — Писмо єдно одъ мене, у комъ се душа моя, готова бывши угаситисе, са свимъ излила; сва моя слабость у нѣму му є одкривена; изъ нѣга зна, и веће се выше не сумнямъ, да ми несрећна страсть причинява смрть, и да є онъ предметомъ те страсти . . . Остернъ ме люби! о да оће прека кончина да дође, и да ми очи затвори, умирући понела бы поне ту утѣху са собомъ. . Я самь Государу! крива, Я треба да почувствуємъ сва дѣйства Ваше осветe; но невиность нек' засія, и нек' побѣду одржи.“ — „Шта? Заръ Вамъ ніе Остернъ любави своє обявіо?“ — „Повторавамъ Вамъ Государу; да нисамь ни у погледима нѣговымъ ни най-

манѣ искре надежде примѣтила, коя би ми могла ласкати . . И по другій путъ падамъ предъ Вама на колѣна, предъ владѣтелѣмъ, предъ човекомъ; отворите тамницу нѣгову, и, ако треба, бацыте мене у ню, Я да умремъ у ньой! Ніе ли Вамъ єдна жертва довольна?“ — „Я самь Васъ любіо Господично! и ктео самь да Васъ съ себе узвысимъ, а Вы . . Вы предпочитуєте мени єдногъ подданика!„ — „Ніе Густаву дано Государу! раздирати срца; већъ самь Вамъ казала: моє срце предало бы се Вама до основанія, да сте Вы првый были. Но Я самь пре Васъ видила Остерна, нѣга самь найнайпре и почела любити. Ево ме клечеће предъ Вама, изрецыте, каква ме судба очекує, мой животъ у Вашимъ є рукама; но правосудіе Ваше нек' утиша чувствованіе, коє никадъ ніе требало, да Остернъ искуси . . Саставите усиловенія Ваша Астингу! са моима, саставите сузе Ваше са моима . . . . Спомен'тесе Государу! да сте Густавъ.“

Краль, при овымъ рѣчма, корачаше брзо по своіой соби, у кочивши очи своє у Аделаиду, часъ сѣваюће одъ ярости, а часъ већма услађене, и нѣжность видити даваюће; порумени савъ; душа му се колебала у непостижимой борби. Аделаида и Астингъ обувате повторително колѣна Кралѣва, и почну ій обливати сузама—„Ахъ Господично! Не показуйте ми болѣтице, коя Васъ іоште већма краси! . . Крите одъ мене те дражести . . Истина, на Васъ бы требало да мрзимъ, на

Васъ, коя сте ме оружали противъ приятеля мога Вы сте ме учинили тираномъ, и човекомъ свирѣпимъ!“ При овымъ рѣчма позове єдногъ одъ официра, и рекне му: „Доведите ми Остерна!“ — „Ахъ Государу викну и Адалаида и Астингъ, оћете л' га повратити у милость?“

Обоє буду поражени удивлѣніємъ. Густавъ, херой свога вѣка, почне плакати, и подигне очи своє къ небу. Примѣти Остерна, гди га войницы прате, обучена у одѣло селянина. Полети, падне му на прси, и викне му: „Пріятелю! Краль Твой моли Те за опроштенѣ.. Све знамъ.. и знамъ Твою невиность.. Знацы ови неправосудія могъ и варварства нек' исчезну, и поитавши самъ свуђи му просто одѣло, огрне га своіомъ Кралѣвскомъ кабаницомъ, и рекне: „И владѣтельи не треба, да се стиде, поправити своє погрѣшке, само Те молимъ Остерну! Заборави моє. Видишъ, до чега насъ могу страсти довести! Любовь ме є заблудила; Густавъ є поправіо све; Ты си ю нашао на вѣки, и приятель Ти є повраћенъ. Узми Аделаиду, и сачетайсе съ ньоме. Самъ себи налажемъ ову жертву, овай законъ; Твоя срећа нека буде моя; а Ты Астингу надайсе одъ Твогъ государа новымъ благодѣяніяма; себи оставлямъ само чувствованіє све красоте Пріятельства и награду нѣгову.“

Ко ће описати, чувствованія и изумлѣніє чувствительности, коє є обузело оба любовника и вѣрнога

Пріятеля? Ово позорје подѣйствує тако благодатно у Аделаиду, да одъ смрти оздрави. Остернъ сачетасе съ ньомъ предъ олтаремъ. Густавъ, побѣдившій самъ себе, да бы побѣдіо и уништожіо и најманѣ черте страсти своє, оженисе съ другомъ. Аделаида уживала є повѣреніе Кральичино, какогодъ што є и Остернъ уживао Кралѣво. Кадгодъ є Густавъ хтѣо да дане одъ тежине владѣтельскогъ достоинства, свагда бы у дружству Остернову и Аделаидову кусао сласти чувствительности и довѣренія; и често бы имъ повторавао: „Любезни Приятельи! посреди двора могъ старамсе, быти Кралѣмъ, овде пакъ, овде самъ човекъ.“

ЄДНА ОДЪ ДУЖНОСТІЙ

ЧОВЕКА У ВЫСОКОМЪ ЧИНУ.

Познати заслугу други людій, коя се готово свагда у стидльивость нѣку замотава, штетну напредованю нѣномъ, и држећу ю у мраку; имати художество (майсторію) погађати ю; знати посреди несите гомиле толики, кои настоятелно траже милости, пронаћи оногъ, кои є милости найдостойніи; додати милости и дражесть, и цѣну кою не може другій знати, кромѣ оногъ, кои є врло чувствителанъ; то є безпрекословно єдна одъ найвећіи дужностій людій, кои су высокога чина, а кои су толико срећни, те представляю владѣтелѣ, и раздаю освѣдоченія ньиногъ правосудія и добродѣянія.

Богатый нѣкій свештеникъ, кои є знатный протопопіятъ у графству Рочстерскомъ у Єнглезской држао, умре. Іоштъ се ніє човекъ ни оладіо, а множество

свештеника потрча къ Министру, одъ когъ су се надати могли, получити протопопіятъ покойника. Употребе све своє довѣріе на ползу употребе и све сплетке, обећаю служительима министерскимъ новаца, до црне землѣ кланяюћисе почну чинити своя подворенія и секретарима и писарима нѣговымъ, єдномъ рѣчію развію сву свою понизность и све подле руковети, коє вѣштина настояваня обичествує употреблявати.

Бѣдный пакъ Намѣстникъ парохіе єдне у истомъ протопопіяту, човекъ, кои є, тако рећи, само изъ любови къ Богу парохіомъ томъ управляо, и когъ покойникъ, бывшій врло сребролюбивъ човекъ, ни мало ніе награђивао, не ктѣде ићи къ министру и представити му, да би и онъ радъ получити протопопіятъ, сирома будући стидіосе ништете своє; єдва є одѣло на себи имао. Съ нѣколико шилинга заштеђены купи на лицытаціи стварій покойнога протопопе старый нѣкій и простый сандукъ, валя да му є врло требао, кадъ є и оно нѣколико послѣдны шилинга за нѣга прегорѣо.

Како дође кући, отвори сандукъ, да види, како є изнутри, и видећи нѣке прегради у нѣму, стане испытивати, и на што су. Нађе и нѣку браву у нѣму, отвори ю, да види, шта ли бы се и подъ ньомъ могло држати; и нађе петъ стотина гвинеа (иляду дуката). Петъ стотина гвинеа! како є было видити ій човеку когъ су нужда и сиромашство већъ прегнявила, и кои є съ фамиліомъ своіомъ млого страдао, коіой є

онъ єдина, хотя слаба, подпора био. Узмимо къ томе и помисао, кою бы другій могао имати: ови новцы могли бы се безбѣдно задржати, кадъ ни онако нико за ньи незна, да су у овомъ сандуку были. Двоє нѣгове дѣце, єдва изъ колѣвке уставши, у истый ма уђу къ нѣму у собу, и пруже му руке, молећи га, да имъ даде што єсти. Бѣдный намѣстникъ загрли безазлена ова существа съ дубокимъ уздисаємъ, и дигнувши очи къ небу узме завежляй съ петъ стотина гвинеа, мете ій у џепъ, отрчи къ пресвитеру преда ій одма наслѣдницыма покойнога протопопе, и каже имъ, каквымъ є начиномъ дошла сумма ова новаца у нѣгове руке. Ови, хотя знаюћи жалостно стянѣ намѣстника, буду задовольни, похвалити само простымъ рѣчма овай нѣговъ поступакъ. Намѣстникъ вратисе, задоволянъ съ тиме, што є испуніо оно, што честность налаже.

Єданъ одъ сусѣда нѣговы дозна ову черту честности, коє заиста млогій другій не бы учиніо; и потрчи къ нѣму: „заръ сте Вы, рекне му, полудили? Самъ Богъ послао Вамъ є нелажно средство, коимъ сте и Вы и фамилія Ваша могли спастисе одъ крайнѣгъ сиромашства, у коме се налазите; и Вы нисте знали, ползоватисе ньимъ? Єсте ли Вы отацъ? єсте ли супругъ?“ — „Єсамь, но и човекъ самь; знамъ, шта честность човеку налаже; новцы они нису были мои, то ми нећете одрећи; они су добро сродника и наслѣдника протопоповы; и я самъ ій вратіо ньима.

Іошть єданъ путъ кажемъ вамъ: я самь испуніо дужность, кою є требало испунити. Увѣравамъ васъ, да до дна душе моє чувствуємъ свирѣпо положеніе бѣдне фамиліе; плачъ нѣнъ пара ми срце; но законъ, честь, и истина выша су одъ тогъ плача, ньима и треба да угађамъ. Никадъ не заборављамъ я правила: да туђе доброніе моє.“ — „Но и умрети одъ глади — превати сусѣдъ — єстъ такође врло велика крайность! Я се дивимъ Вашой честности; но, да самь я на Вашемъ мѣсту быо, я не бы онако поступао; не има добродѣтельи, коя ће се одржати у бѣди.“ — „Да, шта бы и была добродѣтель, пресѣче му Намѣстникъ бесѣду съ благородствомъ, кадъ не бы противустояла свимъ нападеніяма? Шта є и существованіе на свѣту кадъ ніе скопчано съ честностю? Да, я самь учиніо то, што самь дужанъ быо учинити; хотя да є довольно жалостно по мене, што дужность моя ніе могла да се поравна съ нуждомъ, коіомъ ме твозденъ ярамъ преиспунює... Любезный мой! човекъ не умире выше, неґ єданъ путъ; но гризенія совѣсти єсу .. вѣковѣчна. Повторавамъ, да су ми жена и дѣца моя може быти милія и претежнія одъ себе самогъ; но пре свега честность веже ме силно; она є ненарушима заповѣсть, кою є само єстество уписало у срца наша. Тешко душама, коє правила та заборавляю!“

И тако є чувствовао Намѣстникъ нашъ оно изнутрашнѣ и неописано задовольство коє за добрымъ

дѣломъ слѣдує, и коє є велика накнада човеку за све жертве, коє приноси. Дође служитель єданъ, и зовне га къ министру. Савъ претрне сирома, и викне: „Министеръ: шта ћу я кодъ нѣга? Та я нисамъ ништа помѣшао съ тако знатнымъ людма! колико є разстояніе између' бѣдногъ Намѣстника и Лорда. * * * “ — Но повинуєсе, и отиде къ Лорду; и овай му предъ великимъ числомъ околостоєће господе и други людій рекне: „Тако, Вы сте онай Господинъ, кои є нашао петъ стотина гвинеа; и, мѣсто да ій задржите и чувате, а Вы враћате ій другомъ! . . Идите, къ служителю єдномъ рекши — води га на нѣгово опредѣлѣно мѣсто.“

Намѣстникъ сбунисе іоштъ већма, и не зна, какво є то мѣсто, куда да га воде, шта ли ово мало рѣчій значи, коє єдва и разумѣти могаше. Уведу га у кола єдна; и служитель онай сѣдне съ њимъ у њи; и упутесе къ нѣговой парохіи. Шта ніє сирома мисліо, да ће га снаћи? но никако не могаше ясно видит', шта ће быти.

Кадъ дођу къ протопопскомъ дому, а служитель, мѣсто да га води нѣговой простой кућицы, одведе га къ пресвитеру; Намѣстникъ се устраши, и запыта служителя: „Та што ме не водите моіой кући, веће амо? Шта намѣрава Министеръ одъ мене чинити? “ Служитель пакъ уведе га у собу покойнога Протопопе, и рекне му: „Ето то, да Васъ, у име Министра,

намѣстимъ овде, и да Вы будете господаръ свега, што ту видите. Милость Министерска поставля Васъ протопопомъ; задржите само и у напредакъ благородна чувствованія, коя сте мало пре осведочили, и Лордъ ће се славити, ово су собствене нѣгове рѣчи, имати Васъ у числу свои пріятеля.“

Ко ће описати удивлѣніе Намѣстниково? Не вѣрує нн очима своимъ ни ушима. Ту му даду и писмо поставительно.

Текъ што самъ остане, а онъ узме и жену, и дѣцу свою, и старога свога оца, когъ є обдржавао, и отиде у Лондонъ; пакъ потрчи къ Министру. Како га спази, а онъ, гушећисе сузама, падне предъ ньимъ, и врисне: „Лорду! Лорду! ово є Ваше дѣло; цѣлу ову фамилію Вы сте спасли одъ нужде. Примите израженіе благодарности одъ свію насъ.“ — Лордъ дигне га, и загрли, и одговори му: „И я Вама благодаримъ пріятелю! дознао самь Ваше удивлѣнія достойно дѣло, и желіо бы, да накнада може равна быти нѣму. . . Овако Господо! — окрене се къ околостоявшимъ — треба лѣба тражити, овако се онъ и получава кодъ мене . . . Сбыля! — вратившисе къ Намѣстнику, наслѣдницы протопопови, коима сте Вы вратили оны петъ стотина гвинеа, дошлису къ мени, и молили ме, да Васъ наговоримъ, да исту сумму новаца примите одъ ньи за знакъ ньиногъ почитанія къ Вама.“ Одма заповѣди, да му донесу ту сумму, и самъ му ю вручи

Честный овай свештеникъ и сва фамилія нѣгова стану благосиляти Лорда благословима безъ числа; сви околостоявши почувствую дражесть добродѣтельи награђене и признательне. Но, што показує благородство душе Министрове, то є нова черта щедроте нѣгове, кою є новый Протопопа самъ после разгласіо. Одма изъ дворца Министрова полети къ наслѣдницыма предитече свога, и стане имъ млого, млого благодарити на враћенымъ новцыма. Ови пакъ не могоше га ни разумѣти, за што имъ благодари; и исповѣде му одкровено, да они незаслужую благодарности, зашто му они нису ни вратили новаца.

Садъ новый Протопопа погоди тайну Лордову, и позна, да є онъ сама себе сакріо подъ именомъ наслѣдника речены, и да є хтѣо дати му и новый знакъ своє благодѣтельности, не само рѣдке но и нѣжне. И држећи за дужность свою, посветити признательность свою къ човеку, кои є овако знао чинити људма добро, награди као нѣкій родъ богомолѣ, и у ньой дигне споменикъ, представляюћи великодушногъ Министра, и исподъ овогъ напише овай надписъ: „После Бога Милордъ * * *.“

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

ЄДИНСТВЕННЫЙ ЧОВЕКЪ.

У време царствованя Лудовика тринайстогъ у француской живіо є єданъ човекъ, чудо рода нашегъ. Онъ є чиніо добра людству само за єдино увеселѣніє добра чинити. Онъ є сматрао благодѣтельность за найпрвіє и найнужніє чувствованіє, наше природе; у нѣму є властно' побуѣеніє силно царствовало къ благодѣтельности, умствованѣмъ и закономъ подкреплявано, и онъ є съ истомъ наглостю тражіо несрећнике, съ коіомъ други люди врве око' они, кои у срећи пливаю. Гдигодъ є само и найманѣ могао быти полезнымъ, онде се онъ опіяо радостю, полетити у помоћь; гдигодъ є требало сузу кою утрти, онде се срце нѣгово сладкомъ веселю предавало, трти ю часъ пре и осушити; и оно мало имања, што є имао, ніє за себе имао, већъ све за сиромае и бѣднике, нити бы му богатства ни власть на што друго требала; но само да распростре

утѣшенія и помоћь свимъ страдаюћимъ тварима на свѣту.

И тако, неисцрпимомъ одушевлѣнъ чувствительностію, путовао є онъ по своме отечеству съ намѣреніємъ, докучити разна средства, и у дѣйство приводити ю. Доће и у Марсель. Прва брига нѣгова буде посѣтити мѣсто, кое є найвећегъ човеческогъ сожалѣнія достойно; мѣсто то єсу корабльи, коима се осуђеницы државни и граћански налазе, одъ коіи ако већа часть судбу свою и заслужуе, ничимъ манѣ права имаю и къ милосрдію браће своє, людій.

На єдномъ одъ овы корабаля види и єднога младића одъ прилике одъ двадесетъ и петъ и шестъ година; погледи га, и буде пораженъ видомъ нѣгомымъ. Бѣдный осуђеникъ плакаше горко; обликъ нѣговъ быо є умилятъ и тронителанъ, и разликовао га є одъ осталы осуђеника тако, да є путникъ нашъ у себи помисліо: „та овай ніє заръ толико велику кривицу скривіо?“ Зато га и упыта гласомъ, кои є гласъ саме чувствительности; „а што Вамъ є, брате! те тако плачете? Да Вамъ не треба какве помоћи? У мене мало има, што Вамъ могу поднети; но и ово мало, све принадлежи Вама, заповѣдайте, молимъ Васъ, и срдечно молимъ, примите и помозитесе.“ — „Ахъ Господине! одговори сужникъ, пораженъ самъ признательностію! не тражимъ новаца, имамъ толико, колико ми треба, да оплаканія достойный животъ мой могу

проводити; существованіе злосрећника и онако млого не стае! Но не бринемсе я о момъ существованію, не“ . . и при овымъ рѣчма сузе облію му савъ образъ, подъ брадомъ саставляюћисе. — „Тако, настави путникъ, заръ ніе никако могућно, утѣшити Васъ, и ублажити страданія Ваша и муке! Увѣрени будите, да сузе Ваше на моє срце падаю.“ — „Вы Господине! одговори овай, ублажавате страданія моя и муке самымъ овымъ чувствованіемъ, коє изволѣвате указивати ми; Вы сте првый, кои сте погледали на моє бѣдно станѣ, Богъ нека Вамъ зато плати!“ — „Но зашто ми не бы казали брате! шта Вамъ є? упыта путникъ далѣ, отворите срце Ваше предамномъ, и излите сву скорбъ Вашу у моє, дѣлећи ю съ Вама, умалићу горкость нѣну.“ — „Милосердіе Господине! Коє ми Вы указуєте, привати сужникъ, заслужує све моє повѣреніе. Я самъ сынъ одкупителя (арендатора) добра * * *; одъ оца могъ нисамъ друге науке видіо, кромѣ примѣра добра владања. Но наићемъ на рђаво дружство, коє ніе было врло совѣстно у точки честности, и пођемъ съ ньимъ у ловъ по добру другога господина, кои є быо у сусѣдству съ нашымъ добромъ; я и друштво моє поступимо зло са шумарима и стражарима нѣговымъ тако, да єданъ одъ ньи мал' и животъ ніе изгубіо. Судъ увати ме найпосле, бацы у тамницу, и извади ме изъ нѣ ни за што друго, веће само да ме осуди на шестъ година на кораблѣ. Чети-

ри године већъ су протекле, одъ како подносимъ ову мрзску казань. Нисамъ Господине! створенъ, нисамъ створенъ, да овакво безчестіе трпимъ! Отацъ мой умрео є одъ тешке жалости за мномъ.“ — „То є истина брате! , рекне путникъ, да се оваква искушенія тешко могу сносити; но вручитесе крилу промисла свевышнѣга Творца, одъ нѣга произлазе утѣшенія злосрећницыма, коя суетно траже по земльи.“ — „Я самь, настави сужникъ, зато найвећма неутѣшанъ, што самь я причина пропасти моє фамиліе; и оно мало имања, што є имала, разсуто є све на мою парницу; суетно се она трудила, спасти ме одъ оваква безчестія. Но, што ме іоштъ выше у очаяніе баца, то є то, што самь мало пре Вашегъ доласка разумѣо, да жена моя и моє троє дѣце иднишу у скорби и сиромаштву. А моє руке не могу имъ выше помоћи; ахъ! како бы ринтао и радіо, кадъ бы само кодъ ньи быо! Поумираће све четверо одъ тешке нужде.„ При овымъ рѣчма сужникъ загушисе излишіемъ суза и єцаня. — „Вы сте рекне му садъ путникъ, све то чувствительніимъ постаюћи, у великой туги! Вы сте врло несрећни! дай да се не разговарамо садъ о погрѣшки Вашой, надамсе, да є се каєте, но занимаймосе Вашимъ положеніемъ, коє ми срце моє раздире. Не рекосте л' ми, да Вамъ іоштъ две године одъ осуде Ваше остаю, да ій одстоите?“ — „Ахъ Господине! одговори онъ, те све године быће ми као две

ста година, две ста година мученія, нити ћу имъ дочекати да се сврше! шта л' ће међу тимъ одъ жене и одъ дѣце моє быти?“ — „Да, шта бы радили, упыта га путникъ, кадъ бы се ко нашао, кои бы мѣсто Васъ у окове ушао, бы ли Васъ онда пустили, да идете бѣдной жени Вашой и дѣцы?“ — „Одма, одговори онъ узданувши; но има л' гди човекъ на свѣту кои бы се, невинъ будући, жертвовао, да подноси оволике труде, ово пониженіе, и житосанѣ предъ свѣтомъ? - . . Мислимъ, да сва блага овогъ свѣта“...

Путникъ не даде му довршити овы рѣчій; већъ отрчи къ офицыру кои е надзирателѣмъ быо надъ сужиицыма кораблѣнымъ, и рекне му: „Пустите Господине! овогъ младића! и одкуйте му окове нѣгове! а ево моій руку и ногу! я се подлажемъ, носити ій, и одстояти іоште оне две године, кое онъ има да напуни.“ Офицыръ зачудисе оваквомъ поднешенію и стане чинити путнику примѣчанія нѣка.“ — „Ништа зато! ништа зато! одговори онай: добро я знамъ, да ћу обезчестити себе у очима дружства човечія; но єдиный Богъ свевышный утврђує праву честь нашу; нѣговъ Судъ и судъ мога срца говориће увѣкъ на мою ползу. Овай младићъ полезанъ е и нуждань своіой жени и дѣцы, а я самь самацъ, две године пакъ скоро ће проћи.“

Осуђеникъ сбунисе, и малакше, падне предъ благодѣтелѣмъ своимъ на колѣна, стане любити га, и сузама омивати: „Не Господине! рекне путнику не за

Бога! не! и при свой моіой нѣжности къ моіой фамиліи, немогу се подъ тимъ уговоромъ склонити. да ю видимъ.“ Но путникъ, и не слушаюћи га, заповѣди, да се сужникъ одкуе, а у окове нѣгове онъ да се окуе, и съ чувствованіемъ викне: „Идите Пріятелю! кући, я ћу срећніи быти одъ Васъ, окови ови чиниће ми се лаки.“ — „Одкудъ за Бога! толико заданове-ніе? одкуда?“ упыта га сужникъ. — „Одъ природе и одъ вѣроисповѣданія. Іоштъ єданъ путъ, незакоснявайте, но идите жени Вашой и дѣцы, а я ћу Вамъ вѣчно быти благодаранъ за ужитакъ оваквы чувствованія, као што су ова, коя ме овай часъ преиспунюю свега и до основанія.

И заиста човекъ овай, ком' примѣра не има, остане две године у туђимъ оковима; у оно време допушталису у Француской, да сужнике и други у окови замѣнити може. Човекъ овай сакривашесе све по мраку, бѣжећи одъ людій, кои су нарочито долазили на корабаль, да изъ любопытства виде човека, кои се ни за оца, ни за брата, ни за друга и пріятеля, но за човека непознана, и когъ никадъ ни чуо ніе ни видіо, толико жертвуе. Дане своє проводіо бы у даваню ученія благоговѣнія, стрпѣнія, и благодѣтельности; онъ є быо утѣшитель, подпора, и отацъ свію сужника, одъ коій є млоге къ покаянію и добродѣтельи опетъ вратіо; єдномъ рѣчію, онъ се и и оковыма по-

казивао као найвѣрніи и найтронительніи образъ и подобіе свевышнѣга божества.

Тай образацъ чувствительны душа, правы крой добродѣтельи, и правы Христяна быо є поимену Венсантъ де Полъ (Викентіє Павловићъ по србски), Свештеникъ, роѣенъ одъ найпростіи родителя, безъ иманя, не имаюћій никаквога чина, и Свештеникъ, комъ Француска има благодарити за велико число како полезны тако и удивлѣнія достойны заведенія: заведеніе за дѣцу, роѣену одъ незаконногъ брака, сестара милостинѣ, олтара божія; заведенія, у коима се сваке године готово по десетъ иляда душа одржи у животу коє другчіе слободомисли и варварство осуђую на смрть, како само бѣлый свѣтъ виде; и заведенія, у коима, безъ сваке разлике достоинства, землѣ, и вѣроисповѣданія, бѣдни и болестни налазе милостиню. Ово є онай Венсантъ Полъ, за кога є и Папа Венедиктъ Четрнайстый, кадъ су му предложили, да га светымъ прогласи, пытао: „а какво є чудо учиніо? А они му преповѣдили ову анекдоту о нѣму и о сужнику кораблѣномъ; онда Папа викне: „Та том' треба олтари да се дижу.“

ЧИСТОСРДЕЧНЫЙ БРЕТАНЯЦЪ.

Племеръ, богатъ трговацъ изъ Нанта, човекъ простъ, простосрдечанъ, мало пожустаръ, и прекъ, живостне главе, и добра срца, правый Бретаняцъ, дође єданъ путъ у Паризъ, и нађе за пребывалиште гостіоницу єдну у улицы нѣкой, коя є доста празна и усамлѣна была. Ніє было човека, выше штедльивія одъ нѣга, но ніе ни штедрія; одъ дѣтинства своегъ ніе знао, шта ће то рећи суета.

Єдно вече вратисе съ посла своегъ у гостіоницу, и идући узъ лѣствицу (басамаке) опази бабу нѣку коя силазаше низъ лѣствицу плачући. — „Шта вамъ є бако?“ упита ю Племеръ. Она пакъ прикучисе къ стѣни (дувару), поклони му се, и не одговори ни рѣчи. — „Та шта Вамъ є бабо? ко ће плакати безъ причине, и одъ добра?“ — „Ахъ! одговори му баба, не плачемъ одъ добра, веће одъ зла!“ — „А одъ

каква зла? Да нисте у муцы каквой и нужди?“ упыта ю далѣ. — „Я сама нисамь, хвала Богу у нужди.“ — „Тако валя да Васъ опечалява туђа несрећа?“ — „Туђа Господине! туђа!“ — „Пакъ чія? кажите ми, не затежитесе, не бойтесе, изяснитесе; — видећи ю, гди ћути, викне слуги своме отвори ми врата, баба ова доводи ме у нестрпљиѥ, а неће да ми каже, шта іой ѥ. Оди бако! оди! оди у собу. Садъ смо сами. Сѣдите. Та сѣдите, шта Вамъ ѥ? заръ већъ толико да се нудите? кажите ми часъ пре, ко сте? шта сте? одъ куда сте? и што Вамъ ѥ, те плачете?“ — „Име ми ѥ Господине! Дыпрейка; удова самь, и служимъ болестнике, пакъ садъ послужуѥмъ овде младића нѣкогъ, когъ потайна и полагана грозныца вата, а когъ нико на свѣту неће ни да погледа.“ — „А ко ѥ и шта ѥ тай младићъ?“ — „Не знамъ ни сама, ко ѥ.“ — „А познаюл'га овде у гостіоницы?“ — „Мислимъ, да га не познаю; онъ се овде разболео.“ — „А како му ѥ име?“ — „Монталдъ!“ — „А ѥл' честанъ човекъ и поштенъ?“ — „Та то и ѥсть, што ме оволико печали. Нѣгове благости, и нѣгове доброте, нисамь іошт видила у младу човеку . . . То ме и печали, што га морамъ гледати, гди се онако поштена душа мора мучити. Коликогодъ бы ме пута ноћу пробудіо, свагда бы се самъ на себе срдіо, и моліо бы ме за опроштенѣ.“ — „Заръ га Вы и сву ноћь послужуете?“ — „О Боже мой! како га не бы служила, кадъ никога на свѣ-

ту не има, до мене?“ — „Заръ неима ни лѣкара?“ — „Самъ неће, да зовнемъ кога; а овамо види, да є на смрти, но чини ми се, да бы радъ умрео.“ При овымъ рѣчма сузе бабине усугубесе. Племеръ упыта ю: „Бако! валя да є сирома у нужди?“ — „Досадъ одговори баба, ніє ни у чемъ оскудѣвао; но данасъ рече ми, да идемъ у Монтъ-де-Піете, и да заложимъ сатъ нѣговъ; ништа выше не има, до тогъ сата; а іоште имамо давати домаћину ове гостіонице за поливку (чорбу) одъ ове неделѣ, и вртару за траве, коє самь у пиће нѣгово мѣшала.“ — „А трудъ Вашъ и толика бдѣнія?“ — „Кадъ бы га само спасти могла, и кадъ бы се предигао, тимъ бы се довольно наплатила.“ — „Добра бако! изредна бако! на! ово вама, а ово за поливку домаћину а ово за друге потребе болестникове. Немойте му ни казивати, одъ кудъ ови новцы долазе, кажите му, да сте заложили сатъ, као што є желіо, єсте ли ме разумѣли, кажите му да сте га заложили, а држите га при себи, и чувайте.“ — „Ахъ Господине!“ викне баба, у изумлѣніє дошавши, видећи онолико новаца. — „А бы ли могао и я къ нѣму отићи, да га видимъ?“ упита Племеръ. — „Никога не пушта къ себи“ одговори баба. — „Но идите Вы, и кажите му да добаръ нѣкій сусѣдъ жели састатисе съ ньиме, кажите му да нисамь одавде.“ — „Добро, казаћу му, сутра, ако заповѣдате.“ — „Е да! сутра! коће чекат' до сутра? Ноћи су дугачке, не могу заспа-

ти, мислићу сву драгу ноћь о нѣму, радъ самь пре да га видимъ, него легнемъ у постелю; я радъ спавамъ у спокойству.

Баба се врати, и каже му да є єдва могла добити допуштенѣ одъ болестника, да уђе къ нѣму. И тако Племеръ одма поити къ Монталду; како уђе на врата, а онъ викне: „пакъ заръ нећете сусѣду! да Вамъ пріятельи долазе?“ — „Пріятельи! одговори му Монталдъ, камо срећа, да єднога само имамъ на овоме свѣту!“ — „Ако є истина, драгій мой, превати Племеръ рѣчь, што люди за Вама говоре, то заиста заслужуєте, да и пріятеля имате; ако не имате више, а оно поне єдногъ имате заиста.“ — „Опростите, рекне Монталдъ, опростите Господине! Вы ме и непознаєте“. . . — „Опростите и Вы, одговори Племеръ, мени є довольно, знати, да сте Вы поштенъ човекъ, а я, я самь Вамъ опетъ човекъ, кои нити тражимъ нити чинимъ млоги сугреба; кодъ мене се одма чини познанство, како само видимъ несрећне и страдалце. Лаку ноћь засадъ, нећу да Васъ сада моримъ, нити да Васъ терамъ, да морате млого говорити. Лаку ноћь, и спавайте сладко, и снивайте ноћась, да сте нашли єдногъ пріятеля, но правога пріятеля, имеѣми є Племеръ, трговацъ самь изъ Нанта. И по трећій путъ лаку и благу ноћь. Ал' имате добру служавку, кадъ се разболемъ, и я ћу ю звати, да ме служи и чува.“

Монталду учинисе чисто да лудує, чувши ова-ко чистосрдечне рѣчи, ил' да не саня, и у сну да не виђа єдногъ одъ они врачара, што у кньизи тысући и єдной ноћи утѣшаваю несрећнике. Упыта свою слу-жавку, како є дознао странный овай човекъ, да онъ лежи у овой гостіоницы, и она му одговори: „По пра-ву сусѣдства, лез'те Бога Вамъ, те спавайте, не бы л' и я мало тренула.“ Монталдъ є мало спавао ону ноћь, но спаванѣ было му є мирно, и помѣшано съ сладкимъ сновыма. Сутра данъ доће му новый прія-тель и опетъ, да га види; извѣстисе, како є ону ноћь провео, и упыта га, зашто не зовне лѣкара. — „Имао самь, одговори Монталдъ два, природу и време, а сада самь нашао и трећега.“ — „Пакъ ко є тай тре-ћій?“ — „Пріятельство,“ одговори Монталдъ. — „Тако се надамъ, превати Племеръ, да ћете слуша-ти и наредбе тога пріятельства. Добра бако! служи и нагледай добро овогъ болестника, и ни у чемъ да не оскудѣва, тако му трећій лѣкаръ заповѣда, довече ће опетъ доћи, да га види.“

Монталдъ упыта бабу по одласку Племерову да ли є сатъ нѣговъ заложила, и да ли є све плаће-но, што є быо дужанъ. Баба му одговори: „болест-ницы треба да буду као дѣца, и ни о чемъ да се не брину, ако желе, да оздраве; доста Вамъ є знати, да є све исплаћено, и да нисте никомъ ништа дужни, о осталомъ я ћу се бринути, а Вы треба да имате до-

вѣріє къ мени.“ Болестникъ, боєћисе, да не увреди бабе, запиткиваюћи ю за коєшта, ућути: но у єданъ путъ опази, гди баба у сатъ нћговъ погледа, а она мисляше, да онъ спава. „Пакъ, како ми кажете, рекне іой, да є савъ мой дугъ исплаћенъ, а овамо сатъ мой іоштъ у вашимъ рукама, и крієте га одъ мене? А! видимъ, видимъ, како сте поступили. Вы сте одкрили сусѣду нашемъ выше одъ моіи обстоятельства, нег' што бы требало, да зна, и него што бы хтѣо, да зна.“

Баба учинисе као и не чула, но у вече искаже Племеру све неспокойство болестниково. „Садъ идемъ рекне овай, да га излѣчимъ и одъ тога. „Сѣдне поредъ постелѣ Монталдове, и стане шальиво разговаратисе о суєти раскоша Парискогъ и о бѣдной надутости богатства у истомъ граду; „а Вы пріятелю! рекне му милуєте л' Вы новце, и полажете л' велику цѣну у ньи.“ — „Не полажемъ,“ одговори болестникъ. — „Ни я, привати Племеръ; пакъ, кадъ се я не хвалимъ, што имамъ новаца, то не знамъ, што бы се мой пріятель стидіо, исповѣдити, да не има. Не печал'те выше бабе ове съ таквымъ дѣтинскимъ господиченѣмъ, заръ самъ Вамъ я пріятель, а безъ ползе?“ — „Ахъ! та то видимъ, одговори Монталдъ, но како ћу Вамъ се я оддужити за то, како л' быти Вамъ признателнымъ?“ — „Е! кадъ Вамъ є за тимъ толико стало, за то ћемо найлакше. Ако Вамъ икадъ доће на сгоду, да Вы мене обвежетѐ, то Вамъ се обе-

ћавамъ, да нећу одбити Ваше услуге; пакъ етоти ће-те се и Вы радовати, што ми накнађуєте оно, што самь Вамъ я учиніо. Ако ли Вамъ се таква сгода измакне, а оно толико и чини, и не бран'те за ню, пакъ ћемо и опетъ быти наплаћени єданъ съ другимъ. Знамъ, да ми желите добра, пакъ заръ ніє доста желити га? Бога ми толико, колнк' и да сте га учинили. Срца признательна неће никадъ подъ дугомъ остати. Неблагодарнымъ людма само може се опростити оскорблѣніє у дужности.“

„Заиста, одговори Монталдъ, я нисамь таква характера; я бы сама себе мрзіо, кадъ бы никадъ на срцу момъ почувствовао тегобу и найманѣгъ благодѣянія. И исповѣдамъ Вамъ се чистосрдечно, да самь имао бирати, когъ да узмемъ за благодѣя, то бы Вы были Пріятелю! когъ бы найнайпре изабрао, а све друге оставіо бы на страну. И сада се єднако чудимъ и крстимъ, како то одъ првога дана нашегъ познанства“ . . . Племеръ пресѣче му бесѣду: „Да Вамъ кажемъ Пріяне! Пустите ме, да я говоримъ, Вы сте човекъ болестанъ, болестницы треба да слушаю, шта другій говори, а они да ћуте или врло мало да говоре. Тако да Вамъ кажемъ брате! ово су моя основанія: и да самь татаринъ, и арапинъ, и кафръ, и опетъ, кадъ бы прошао поредъ себи подобнога човека, и кадъ бы га видіо, гди обумире и страда, я ту млого не пытамъ, ко є, шта є, и одъ кудъ є,

већъ му одма пружамъ руку, и помажемъ, у мене неима петъ на деветъ, я никадъ, не запыткуємъ, а шта є то? а шта є ово? а да ніє то? а да ніє оно? Я самь у томъ рѣшителань, довольно ми є знати, и видити, да човекъ страда, пакъ ту ти одма и съ помоћю трчимъ. Ако ли ме ко запыта, ко самь я, што му помоћь даємъ; а я му одговарамъ: заръ смо се толико већъ удальили одъ єстества и човечности, пакъ да човекъ не буде пріятелѣмъ човеку, ако му се и не каже ко є, и шта є, и како му є име? Насъ двоица и не познаємосе іоште добро, но мы мислимо єданъ о другоме врло добро. Ова мисао нека буде и мени и Вама довольна, а међу тимъ време ће съ собомъ донети, те ћемо се и болѣ познати. Я єдва знамъ читати; но и натуцаюћи нашао самь у стародревной нѣкой кньизи, гди пишу да є, незнамъ Бога ми у коіой земльи, обичай, кадъ имъ странъ кои човекъ дође у кућу, а они га найпре драговольно и съ веселимъ лицемъ дочекаю; после уведу га у купѣль; за тимъ одѣну га ако є издртъ; даду му вечеру и добру постелю; пакъ сутраданъ топрвъ пытаю га, како му є име, одъ куда є, одъ каквога рода, и шта є претрпіо у своимъ жиуоту. Пакъ онда, ако имъ є поволянъ, а они рукуюсе съ ньиме, и одъ оногъ доба постану пріятельима за савъ свой животъ; ако ли ніє поволянъ, а они му рекну: добро ютро, и срећанъ Ти путъ, и у добрый часъ, пакъ свршенъ посао. Они су стран-

цу добро учинили, пакъ свршенъ посао, нису выше ни мислили о томъ. Пакъ заръ ова углађеность и у другимъ земляма да се не наблюдава? Тако да, да. Пакъ, кадъ є тако, а оно ево я ю овде наблюдавамъ. Овде ћу я Васъ гостити до оздравлѣнія Вашегъ. Пакъ ћемо се после разговарати. А донде будите спокойни, пакъ ме не жестите; заръ самь я тридесетъ година дана радіо и текао, пакъ да само скуплямъ новце на гомилу да лежимъ на ньима као квочка, пакъ да ій неупотребимъ на добро, а іоштъ да ми се ко противи, што я овымъ или онымъ начиномъ оћу да ій употребимъ?“

„Ово є са свимъ новъ начинъ, рекне му болестникъ, терати човека, да се мора примити благодѣяніе.“

Сутраданъ Племеръ дође и яви му, да му є довео лѣкара, когъ онъ почитує, нашавши га за ручкомъ, да є честанъ човекъ. „Гледао самь, вели, како єде, чисто самь му завидіо, како савія єла, какол' суши чаше. Пытао самь га, да л' му желудацъ добро кува єла, а онъ ми одговори: врло добро, и то говорећи, говоріо є преко залогая. Пытао самь га, да л' є быо кадгодъ болестанъ; и одговори ми, да ніе никадъ. Пытао самь га, когъ се рецепта држи; а онъ ми одговори: прописа радиности, нужде, умѣренія, и воде. Пытао самь га, по комъ начину лѣчи своє болестнике; одговоріо ми; да наблюдава єстество, и, кадъ види, да добро иде, а онъ оставля га сама, иде

за ньимъ, и помаже га кадкадъ. Пытао самъ га и за Вашу полагану грозницу, а онъ ми одговоріо: „Полагана грозница, у нѣговымъ годинама? айя то неможе быти. То є само скорбъ несреће или залюблѣнія.“ По овомъ чини ми се, да овай човекъ ніє лудъ, зато самъ га ево и довео.“

Лѣкаръ испыта болестника, како му є, и каже му да се не страши оздравиће, и онъ, лѣкаръ, стои за то добаръ. Полазећи рекне Племеру: „овай младићъ има Вама благодарити за одржаніє своґъ живота, да му ніє Васъ было, ударацъ овай быо бы му смртоносанъ. Баба изиће за ньимъ, да му плати за посѣћеніє, и Племеръ опази, гди ніє хтѣо да прими плаће. „Не! не! рекне му, мы смо люди, богати шта мислите Вы? съ нама немойте толике сугребе да чините; одъ насъ примите плаћу, имамо чимъ платити, а благородство душе задржите за несрећнике, кои не имаю одъ кудъ да плате. Но, хвала Богу, окренувши се къ Монталду, садъ самъ већъ спокоянъ, одсадъ нећу Вамъ врло често долазити, идемъ за моимъ пословима. Но чувайте сатъ Вашъ, болестнику є сатъ нужданъ, кадъ не спава, а онъ може гледати у сатъ, и знати, коє є доба ноћи.“ — „И данъ и ноћь, одговори Монталдъ, свагда су ми време моє признательности.“ — „Не! не! признательности. Веће рец'те Пріятельства.

Спокойства, распростро по души Монталдовой, пређе и у све тѣло нѣгово, грозница се съ да-

на на данъ умали, и болестникъ наскоро почне оздравляти. И Племеръ съ веселѣмъ доживи, те пріятель нѣговъ стане опетъ оживлавати и одушевлявати се као цвѣтакъ, кои се орошава, кадъ бы почео венути. Видећи га єданъ путъ са свимъ оздравивша, запыта га, како є дошао до нужде, у коіой га є онъ застао, а овамо є и човекъ одъ доброга рода, и добро воспитанъ.

„Я самь, одговори Монталдъ, іоште младъ, и повѣсть о свимъ несрећама, кое су ме досадъ постизале, врло бы была дугачка, кадъ бы Вамъ све нѣне маленкости описивао, но я ћу Вамъ ю на кратко преповѣдити, и опетъ ће Вамъ доста быти. — Я самь се родіо на подножію горе Монтъ-д' Оръ у найлѣпшой земльи єстества. Савъ свѣтъ зна, да изрећи име само Лиманѣ Оверньиске значи, описати смѣюћесе плодоносіє пріятнога предѣла. Но люди су и опетъ єдни были сиромаси, а други зли. И моя фамилія была є у овомъ числу. Но я нисамь престаяо воспитатисе и учити. Прекрасно єстество предѣла мога, погледи на величествене наше планине, романтическо положеніє наши воћняка, холми пуни винограда, а у низи прекрасне дубраве, насаћене плодоноснымъ дрвима, змієвидно кривуданѣ поточића, бистры као кристалъ, а найпосле польскій радъ, увеселѣнія, и обичаи наши села учиниласу тако живо впечатлѣніє у мою душу да самь почео саставляти стихове, и веће самь

мисліо, да є стихотворна жица са мномь роѣена. Кои су сачинѣнія моя читали, они су ій похвальивали; и я самь вечъ мисліо, да не има надамномъ стихотворца. Опієнъ похваломъ, и осниваюћи надежду среће моє на дару момъ, рекнемъ оцу момъ, да се выше не стара о мени, вечъ да моє наслѣдіє даде сестрама моимъ, колико закони дозволе. Отацъ мой умре, разудавши сестре моє, майка наша живи и садъ кодъ ньи одъ оногъ малогъ наслѣдія, коє самъ имъ я дао, и одъ кога самь онолико само за себе задржао, колико да бы могао мало времена преживотарити у Паризу док' не почнемъ стихове моє продавати. "

„Текъ што дођемъ у Паризъ, а я отидемъ къ мужу, славномъ како добротомъ, тако и вкусомъ и просвѣштеніємъ, мудроме Д' Аламберту; желіо самь, да одъ нѣга дознамъ, нису ли надежде моє основане, да ћу у стихотворству моћи напредовати и сіяти. Одма ме запыта, єсамь ли радъ, истину, но голу истину, чути одъ нѣга. Кадъ му кажемъ, да єсамь, а онъ ми рекне, да му прочитамъ моє стихове. Прочитамъ, но єдиный само задай разаспе сва моя прећашня мечтанія о себи. Што самь мисліо, да самь я нѣшто ново списао, а оно све іоштъ одъ старина вечъ списано, и тисућу пута болѣ одъ моіи стихова; Д' Аламбертъ представи ми узоре (урнеке), по коима самь писао, и я будемъ уништоженъ. Примѣтивши, да самь се савъ упропастіо, и желећи, да ме мало охрабри, дода, да-

се заиста неможе довольно начудити, како самь и о-вако могао писати, кадъ самь у селу момъ самъ себи было оставлѣнъ, нит' самь имао примѣра ни совѣта, по коима бы се владао. Я му благодаримъ на овой услуги, кою ми є указао, и кажемъ да є заблуѣніе мое было сладко, но лѣкъ противъ нѣга свирѣпъ. Тако, съ Богомъ одсадъ стихотворство за мене! да шта ли ћу садъ, како л' ћу се крозъ свѣтъ проћушкати? Онъ ми одговори, да бы и за мене лѣба было, само ако будемъ благонараванъ. Я му одкріємъ сву душу мою, и исповѣдимъ и найманѣ грѣове младости мое. На кое ме увѣри, да ћу моћи и у Паризу живити, само треба да жертвуємъ єдну часть слободе моє, пакъ ћу моћи и живити у Паризу и наблюдавати свѣтъ, и образити вкусъ свой. И после мало дана даде ми дѣцу графице Вантомонтке да ю воспитавамъ, а и поучи ме, како ми валя у кући нѣной владатисе."

Графъ было є човекъ, кои є са све своє высине гледао на мене, и мисліо, Богъ зна, какво ми благодѣяніе чини, кадъ ме, пролазећи мимо запыта, како сте? а и не дочека одговора могъ. Но єданъ путъ падне му на умъ, запитати ме, како су дѣца нѣгова, напредую л' у науцы. Я му кажемъ, по каквомъ ій плану учимъ, и исчислимъ науке, кое имъ предаємъ. „„О Боже мой! викне онъ, то су све безполезне ствари! На што ће имъ латински? А шта ће имъ благонаравница (морална)? та то се само одъ себе учи у двору и

у высокоме свѣту. Метафисика? ха! ха! и метафисика іошть! Да смѣшна човека, Г. Д' Аламберта! На што дѣцы моіой опредѣлѣнія, разложенія, и тимъ подобна? Мало историце, историце, то є за ньи; пакъ и то не историє народа, већъ историє фамилія, на кратко, све накратко, то ньима треба. Я оћу, да дѣца моя познаю свѣтъ, и да у прилицы за свакога знаю казати, ко є одъ когъ рођенъ. А што се собственогъ могъ родословія каса, ту Вамъ препоручуємъ две ствари; прво то, да дѣца моя знаю своє предке срдцемъ, а друго да никада о ньима не говоре, човекъ треба, да чувствує, ко є и чіи є, но не треба никогъ да понижава. Я самъ свагда досадъ быо учтивъ, и живіо самъ врло добро у свѣту.“ “

„А да глупа господина Графа,“ викне Бретаняцъ.

„Іошть онъ ніе ништа Пріятелю! Но да видите графицу. Колико се онъ славіо графствомъ своимъ, опетъ си могао съ ньимъ накрай изићи; како бы му само слабу страну познао. Но графица! графица! за ню никадъ ниси могао подздраво знати ни казати, шта є, шта ли оће, шта ли неће. Одъ ютра пакъ до мркла мрака, съ єдногъ часа на другій, она є све сама крайность была; умилна, блага, дружелюбна, высокоумна, и лютита прелазила бы съ преизлишнѣ учтивости до найвећегъ гнѣва, тако, да никадъ не бы рекао, кадъ бы зипарала, да єдна жена виче, веће две.“

„Ахъ! да є она была моя жена, прсне Племеръ,

та за мало дана научіо бы я ню памети, заиста бы се съ найпростіимъ женама успоредила.“

„Кадкада бы говорила и противъ высине рода, но я бы онда ћутіо, настави Монталдъ, и само бы іой рекао, да у висини рода више среће него славе има, и да є высокимъ лицама млого паметніє, честитати себи ту срећу, него л' чекати, да ю други люди до небеса узносе. Єданъ путъ чує, гди дѣца нѣна читаю нѣшто о майцы Римляна Граха, ніє могла да стрпи, веће каже Д' Аламберту, да я нѣговъ селянинъ — тако ме є назвала — ништа толико не уважавамъ, као старине. „„Говори, вели, съ дѣцомъ моіомъ о майцы Римляна Граха, а о ньиной никадъ ни рѣчице, а заиста є, безъ суєте говорећи, ова млого претежнія одъ оне.““ Дође и данъ рођенія нѣна. Знаюћи, да я стихове пишемъ, ніє се ни сумняла, да іой неће дѣца у стиховима честитати. Сѣдне већъ у широку столицу да слуша. Но, како се зачуди, кадъ дѣца стану честитати іой простымъ рѣчма, као што се граћанки каквой честита, рѣчма, у коима се срце ньино млого болѣ изражавало, него што бы се духъ мой изразіо. „„Пакъ заръ толико само дѣца моя да ми изговоре на данъ могъ рођеня?““ рекне ми съ презрѣніємъ. Я іой само одговоримъ, да є изъ дѣце сама природа говорила, и да художество не има ни најманѣ мѣшати се у природу. — То ти ме учини, те сутраданъ получимъ одпустъ. Графъ пакъ, кои ме є прилично ми-

ловао, ніє хтѣо да ме одпусти унизительнымъ начиномъ, веће предложи ме за секретара єдномъ одъ своіи пріятеля, Маркизу Ферваку, кои є опредѣлѣнъ было за посланика кодъ двора єдногъ, и онъ ме прими.“

„Маркизъ было є човекъ младъ, и пунъ природна и блистаюћа духа, коимъ се обично напредує у свѣту, но нити є имао науке какве ни разсмотренія. Штогодъ бы озбыльски было написано, све то не бы му было повольно; никадъ не бы ни романа єдногъ исчитао свега, ако кои бы само мало дужіи было; како бы га узео у руку одма бы тражіо на краю, како се свршує преповѣдка, и да ли се любовникъ удавіо одъ очаянія, ил' є преклоніо строгость безчовечнице своє, или се утѣшіо съ ньоме. — Како будемъ уведенъ у канцеларію нѣгову, а онъ ми каже, да ћемо до три мѣсеца полазити, но да до онога времена треба да научи разговаратисе о свему, што онолике кньиге и записке пишу написане о дипломаціи. Но, будући да къ том' ни празна часа ни волѣ ніє имао, то се разумѣва, да самь я морао све те кньиге и записке прочитати, и за нѣга изводъ сочинити. Пакъ и за овай изводъ наложи ми, да буде што краћій, и опомене ме; „„поступите, као онай куваръ, што є све вещество шесть дужина (туцета, тестета) пршута у малено стакленце сатерао. Єзикъ дипломатическій тако є упругъ (еластикъ) као и воздухъ, и даєсе исто, као и овай стиснути у малый просторъ; у овой малой моіой навлаки

(футроли) радъ самъ да ми стоѥ све ове на мочалима (табацыма) писане кньиге. Радите по васъ данъ, а у вече иѣиѣемо у театеръ, пакъ ѣемо после вечеравати заѥдно.“ “

„Тако самъ се я и предао овомъ послу съ таквымъ жаромъ, да ме ѥ маркизъ врло омиловао, и награђивао, ме ѥ, водећи ме свуда и на сва увеселѣнія са собомъ. Но у увеселѣніяма овымъ было ѥ и женски лица одъ свакога реда; и, хотя да ѥ Маркизъ млогима одъ ньи своя подворенія чиніо, ничимъ манѣ млога се и у мене залюби, и онъ опази, гди и мене не презиру; пакъ се іоште веѣма разлюти, кадъ ѥдна одъ любезница княза нѣкогъ, а нѣговогъ пріятеля, овога ѥданъ путъ предамномъ зло прими, и назове га и ревньивцемъ и сребролюбцемъ; овай се потужи Маркизу а овай оправданія ради свога споречкасе самномъ; и я будемъ одпуштенъ одъ секретарства посланическогъ.“ „Етоти ме и опетъ безъ лѣба. Велика ѥ школа благонаравія сиротиня и несреѣа, а я самъ сада выше, него икадъ, быо у той школи. Отидемъ къ Д' Аламберту, и преповѣдимъ му све, што ми се догодило, и онъ ми рекне, да му до три дана доѣемъ, и да ѣе се и опетъ старати о мени. Но, кадъ му доѣемъ, одговори ми, да се свакояко трудіо, наѣи ми лѣба, но безполезно се трудіо, веѣъ да му ѥ нѣшто пало на умъ: знаюѣи, да самъ я и права мало учіо тако не бы л' кодъ адвоката Фербоа хтѣо да станемъ у практику; онъ пречишѣава млоге парнице (про-

цесе), а има стара секретара, пакъ є радъ да му даде каква ученика на воспитаніє, не были га, у случаю потребе, мѣсто истогъ старца могао употребити. „„Истина, веляше ми, посла ће быти и доста и трудна, но у исто време и полезанъ є; за кратко време вы ћете се болѣ научити томе художеству, него гомила адвоката; и не идући у школе, вы ћете на степенъ адвоката изићи, пакъ, ако будете имали дарова къ адвокатству, а вы ћете се у томъ одликовати.““ Я одобримъ нѣговъ планъ, и примимсе овогъ посла.“

„ Г. Фербоа быо є човекъ ладнокрванъ, спокойства непоколебима, и сладкогъ оногъ безстрастія, когъ ни добро ни зло не може помѣрити изъ спокойства свога. Око' двеста парница пролазило бы сваке године преко нѣговы руку; и изъ дана у данъ почемъ бы рѣшіо судбу две фамиліє, и єдну обогатіо, а другу до кошулѣ свукао, а онъ бы се враћао кући онако спокоянъ, као да є само ишао чиста воздуха надисатисе. „„То и єсть, говоріо бы ручаюћи, судба парница, єдни постаю ньима срећни, а други несрећни, човекъ треба и то да свикне. Судія є управ' као лѣкаръ, рука бы му онда задрктала, како бы се дао, да га чувствованіє яко троне.““ По овимъ рѣчма већъ самь познао, да ћу рѣавъ быти судія.“•

„Секретаръ нѣговъ пакъ, Г. Рапенъ, кои ми є быо учителѣмъ, быо є човекъ рѣдке тврдости срца,

іоште къ томе и неотесанъ и у ћуди и єзику, и напрегльивъ. И то є називао безпорочностю нарави.“

„Но одма опазимъ да Фербоа изводе моє парнице онако толкує, како є по нћгову кесу болѣ, и са свимъ противъ слова и смисла исты извода. Потужимсе Д' Аланберту а онъ се само осмѣне; потужимъ и Рапену, но онъ ми са свимъ преко одговори: „„пакъ што Вамъ є стало за тимъ? кадъ Вы парницу какву са свимъ прегледате, и опишете ю судіи, што Вамъ є стало далѣ, шта ћо съ ньоме быти? Вы дужность Вашу чините, не треба ии да мислите выше о истой ствари. Свако дѣло има млого лица и наличія, а закони могу се и овако и онако толковати. А найпосле, или парница ова была добієна, или изгубљена, то, кадъ се година навршн, сумма обштенародногъ добра остає и опетъ єднака, ни парица не губисе у нћму; парнице людске нису, управ' узимаюћи, ништа друго, него само средство преметаня новаца изъ руке у руку, све єлно є, или быле оне у рукама Петра, или Павла, свакоя-су у рукама людій.““ Да нћму моя тужба, а мени ова нћгова умствованія нису была повольна, лако можете судити. Онъ буде єданъ путъ врло болестанъ, и морао ме є сама оставити, да радимъ, и парнице на суду браннмъ. Єданъ путъ поднесемъ му изводъ важне нѣке парниде, и онъ га одобри но запыта ме, да л' су были кодъ мене и парничари. Я му одговоримъ, да єсу, и да самь и єдну и другу страну саслушао са

вниманіємъ, пакъ да су и обе отишле задовольне, будући самъ имъ обећао, да ћу стваръ њину часъ пре оправити къ надлежной власти. „„Шта? викне, часъ пре? часъ пре? Та наравно, да препирачи мораю задовольни быти съ оваквымъ обећаніяма! Адвокатомъ быти, и парнице часъ пре отаљивати! Ха! ха! — Но ова парница ніе врло итна, причекаймо іоште, веће ево друге, коя є итнія. Парничари былису кодъ мене, и я ћу ій оправити къ Вама; но Вы саслушайте ій само, а необећавайте имъ ничега, немойте тако брзи быти.““ Парничари дођу къ мени, и я ій саслушамъ стрпљьиво, но и ладнокрвно, као што ми є Рапенъ предписао. Єданъ одъ њи, видећи овако ладно приманћ съ моє стране, узнемирисе выше одъ оногъ другогъ, и спусти, а я и да не видимъ, завежљяй єданъ дуката на столъ мой. Кадъ онъ изиђе, и я завежљяй опазимъ, нађемсе увређенъ, и потрчимъ къ болестнику момъ, исказати му ово моє пониженіе; та она бы душа секретара судейскога найпоганія была, коя бы се дала подмытити! „„Тако є, одговори ми Рапенъ, то є грћхъ, вопіюћій на небо, и не треба, да се упуштамо у овакве послове. Но остав'те дукате те овде, садъ ме костоболя мучи, не смћмъ млого да говоримъ, да се не жестимъ, а я ћу томе парничару казати, како ће онъ подмићивати; само нека дође къ мени, усћкнућу я нћга, да не може болћ быти.““

„Ахъ! викне садъ Племеръ, могао бы се обкла-

дити, за што оћете, да вамъ се старый Рапенъ тимъ рѣчма само посмѣнуо, а дукате за себе задржао. “ Тако є и было; и сутраданъ отидемъ къ Фербоу и онъ ме прими млого умилятіимъ погледомь, него досадъ; и рекне ми: „„задоволянъ самь съ Вашимъ прилѣжаніемъ, но іоште сте нови у овымъ пословима; Г. Рапенъ ніє имао довольно времена, научити Васъ, како валя; и, будући да є онъ болестанъ, то ми є нужно, тражити мѣсто нѣга човека и зрѣлія и ученія одъ Васъ. Съ Богомъ! я ћу Васъ покровительствовати, и даваћу Вамъ найболя свидѣтельства. “ “

„И тако останемъ и опетъ безъ лѣба; но ни найманѣ ніє ме было жао, што самь изъ овакве школе изишао. Садъ помислимъ у себи: да идемъ и опетъ къ Д' Аламберту и да га узнемиримъ, то бы было врло непристойно, човекъ є исцрпіо сва средства услужности, заръ се наймію, да сама мене служи. Лишити майку мою и оногъ маленогъ иманя, што самь іой оставіо? Натоваритисе сестрама моимъ на вратъ, пакъ да ме оне ране, и да се вратимъ у мѣсто роћења овако пониженъ и съ доказательствомъ, да самь се у надеждама моимъ преваріо? та волію бы умрети, него то учинити! Садъ већъ не остане ми другогъ прибѣжишта, већъ быти войникомъ, и умрети съ честію за отечество. Но по несрећи нађу, кадъ ми измѣре стасъ, да самь маньій, него што у войнике примаю, шестъ врста (линія) имао самь манѣ у высини,

нег' што треба, не мого ни ту поднети. Никадъ досадъ нисамъ о стасу моме ни мисліо, све єдно ми є было, или био высокъ, или маленъ. Но садъ, видећи, да не могу ни у воинство пристати, и да ме и оно презире, а я Ти се поболимъ, и полагана грозница стане ме ватати. И Вы ме у њой затечете; іоштъ самъ кою парицу имао, те нађемъ ову стару служавку, стару Дыпрейку; само небо послало ми є ню, напре; а после послало ми є и найболѣгъ и найблагороднієгъ човека за пріятеля; тако самъ Богъ неће, да до вѣка будемъ несрећанъ.“

„И нећете, одговори Племеръ, и нећете быти несрећни; или, ако и будете, то нећете сами быти, већъ и я њу съ Вама заєдно. Я и онако оддавна тражимъ човека, кои бы кодъ моє куће и у трговини моіой био оно, што самъ я самъ; тако, ако оћете, Вы то да будете, а оно айдете са мномъ.“

Монталдъ, тронутъ признательностю и радостю, пао бы био предъ Племеромъ на колѣна, да га ніе овай задржао. „Та манисе, Бога ти човече! рекне му оваквы израженія! Я ій не милуємъ; она значе као нѣко зачуђеніе, а я нисамъ радъ, да ми се ко чуди, кадъ учинимъ гдигодъ добро и оно, што честь човеку налаже. Воздухъ Парискій нит' є мени пріятанъ ни Вама; послове моє у нѣму свршіо самъ, већъ самъ се и испраштао съ кимъ самъ имао праштатисе; у колима моимъ има мѣста за двоицу. Айдемо сутра у

Нантъ, а добра баба Дыпрейка, Ваша служавка, нека дође за нама.“

„Само Васъ молимъ, рекне му Монталдъ, да ми дате времена, да отидемъ къ достойноме Д' Аламберту, и да се опростимъ съ њиме.“ — „Пакъ айдемо заєдно, одговори Племеръ, и я самь радъ, видити и познати Д' Аламберта.“

Д' Аламбертъ зачудисе, кадъ види Монталда: „већъ самь мисліо, веляше му, да сте се гди утопили. Куда сте се дели, одъ како Васъ є Фербоа одпустіо?“ Монталдъ преповѣди му свою болесть, и каже му, да ніє смѣо досаѣивати му. „Ахъ! лѣпе скромности, сбогъ нѣ убогъ човекъ до такве муке да дође! Єсамь ли то заслужіо, да одъ мене затаите станѣ, у коме се налазите.“ Монталдъ преповѣди му и познанство своє съ Племеромъ, и Д' Аламбертъ окренесе къ овом', и рекне му: Ахъ! како є добра стваръ богатство у благодѣтельнымъ рукама! какве муке нисте ми поштедили! овай є выше мене учиніо несрећнымъ, него сама себе; два мѣсеца има већъ, како не спавамъ, тражимъ га са свећомъ као иглу, и не могу да га нађемъ. Неваля Вамъ посао Г. Монталду, и само овом' добром' човеку за любовъ праштамъ Вамъ, човеку, кои толико доброте има, те Васъ люби.“ — „Тако ми Бога, одговори Племеръ, истина, да самь и я добаръ и поштенъ човекъ, но ево самь нашао садъ болѣгъ одъ себе, и не знате, колико ми є то мило,

писамь мисліо, да има болѣгъ човека одъ мене на свѣту. Съ Богомъ Господине! никадъ нећу заборавити Ваше лютнѣ.“ Загрлесе и излюбе, као да су се Богъ зна одъ кадъ познавали, и пріятельи єданъ другом' были; и сутраданъ Племеръ и Монталдъ отиду изъ Париза.

Путемъ поправисе здравлѣ Монталдово са свимъ. И душа нѣгова стане одмаратисе у сладкомъ спокойству. Срећа нѣгова чињаше му се као санъ какавъ. „Вы ћете быти садъ као у новый свѣтъ пресађени, рекнему Племеръ; моє трговачке кньиге нису ни наликъ на стихотворство, но нађићете у ньима споразумѣніє и поредакъ, коя су єднака съ оныма красны умова. Заръ є то мала ствaръ, знати разсуђивати потребе, силе, и средства непрестаногъ промѣньиваня свію земаля обе части свѣта, и счислявати за сама себе случає, опасности, и ползе трговине, коя обузима и суву землю и мора. Чини ми се, да се у оваквымъ пословима ни сама стихотворна глава не бы могла наћи; и, ако се не варамъ, овай родъ посла млого є достойніи Васъ, него црна кньига политике и кньига коєкаквы плетака.“

„У положенію, изъ кога сте ме Вы спасли, одговори му Монталдъ, све бы ми было добро, што бы ми само дало средства, да могу честно и поштено живити; но ништа ми овогъ свѣта ніє могло быти пристойнімъ, него пригвоздитисе къ животу оногъ чо-

века, ком' самь я собственымъ моимъ животомъ одуженъ.“

Дошавшій у Нантъ, нађе Монталдъ нове предмете почитанія и уваженія. Домъ Племеровъ био є правый образацъ свакогъ поредка. Жена нѣгова руководила є съ природнымъ благородствомъ, съ простымъ достоинствомъ, и съ изредномъ бдительностю внутреность кућну, она є на све бодро око имала, Племеръ ніє іой се мѣшао, у нѣнъ посао ни найманѣ. А кћи нѣгова бринуласе подъ сладкимъ царствованѣмъ добродѣтельне своє майке о свему по кући, и имала є непрестано посла. Гаврила (тако є было име нѣно) чинилась, као да никадъ празна часа ніє ни имала, да бы и помислити могла, да є лѣпа. И, ако є и была већъ у осамнайстой совіой години, опетъ зато нити су іой огледало нити срце нѣно казивала, къ чему су іой опредѣлѣне красне црне очи, и дугачке тремпавице, черте сладке и умиляте, лице здраво и свѣже боє, и устне, за коє бы мисліо, да су цвѣтакъ ясмина међу ружицама, и стасъ витакъ и лаганъ.

Но Монталдъ знао є и чувствовао све то пренѣ; и ово знанѣ было є за нѣга последнѣ и найжалостніє искушеніе несреће. Онъ є посреди любве найдостойніи порока спасао слободу свою одъ свію ньины развраћенія; но у єдномъ погледу само безазлене Гавриле нашао є каменъ подтиканія исте своє слободе.

Међу тимъ ніє ни онъ самъ био, кои се о каменъ овай подтакао.

Племеръ у обичной своіой брзини ніе могао да стрпи, а да не преповѣди жени своіой, како се познао са Монталдомъ. И почне хвалити и предъ кћерію своіомъ безъ свакогъ околишеня характеръ, доброту, чистоту, величину душе нѣгове, просто и смирено мужество, съ коимъ є онъ воліо быти и несрећнымъ, негол' пониженымъ, и благородну нѣгову нѣжность, и непоколебиму сладость нѣгову у само доба, кадъ є измеђ' убожества и смрти одъ свегъ свѣта био оставлѣнъ. Племеръ є све ово тако весело, съ жаромъ, и на душакъ преповѣдао, да су кћери нѣговой сузе изъ очію потекле, коима се онъ срадовао, и не саняюћи о опасности, у коє є срце младе ове дѣвойке пасти могло, слушаюћи га. И ова безразсудна похвала учинила є у срце Гаврилино млого выше впечатлѣнія, него виђанѣ самогъ Монталда. Прва впечатлѣнія рѣдко се заглађую, ако су и дѣйствовала у ню непримѣтно; у сладкомъ ономъ чувствованію ніе ни подозрѣвала о опасности, коя се и безъ нѣногъ знаня у оно мѣшало.

И Монталду ніе неопасніе было похићеніе, коє му є виђанѣ безазлене Гавриле причинявало. Ніе се бояо ни сладости нѣны погледа, ни дражести нѣна гласа, ни любведостойне простоте окретности нѣне, ни похитительне оне умилятости, моя се у свакомъ

нѣномъ дѣлу вићала. И мисліо є, да є никадъ съ другимъ веселѣмъ не вића, веће съ онымъ, кое у савршенствованіе дѣла єстества човеку улива. Но, како опази, да га гласъ нѣнъ до дна душе нѣгове поражава; да є не може никадъ видити, а да савъ потайно не претрне; да осећа, гди му срце заиграва, кадъ бы се она осмѣнула на нѣга; да му се рѣчь на устнама нѣговымъ пресѣца, кадгодъ бы, съ ньимъ говорећи, очи своє у нѣга укочила; да га обликъ нѣнъ непрестано гони, и, кадъ є буданъ, да никакве друге мисли и не има, нит' кадъ спава, другогъ сна, већъ о нѣномъ облику; када све то опази, онда топрвъ запыта самъ себе: „Шта є ово, што одъ мене быва? Заръ овако, текъ што самь му и дошао у кућу, да враћамъ замъ за милость оногъ човека, кои ме є спасао одъ гроба? Заръ я да любимъ? да любимъ я несрећникъ! и да любимъ кћерь, коя є опредѣлѣна, да безмѣрно иманѣ има, и да може у найвышіимъ редовима, людій бирати найимућніегъ супруга? Истина, да ніе ни могућно, видити ю, а не поколебатисе у чувствованію, и не быти похићенъ удивлѣніемъ; никадъ ніе єстество у простоти своіой ништа тако красно створило; но, да бы удивлѣніе моє, у кое ме она поставля, и онако было невино, као што су нѣне дражести невине; то опетъ никадъ да се я не надамъ, и никадъ да не зажелимъ, нит' помислимъ, узнемирити спокойство, и ведрину мирне и чисте нѣне душе! Любићу ю, но лю-

бити као сестру свою, та заръ ніе отацъ нѣнъ и мой отацъ?“

Овако самъ у себи заключившій, Монталдъ почувствуе, да се самъ са собомъ помиріо. Успокоисе, но и ожалости. Кадъ бы га упытали, шта му є, а онъ бы одговарао, да му дѣло, кое му є наложено, ту жалостивость причинява. И самъ Племеръ рекао бы, да є и онако увѣкъ озбылянъ (серіозанъ).

Довѣреніе, кое є Племеръ имао къ нѣму было є безъ свакогъ изятія и ограниченія. Посвећаваюћи га у найискусніе послове трговачке, съ удивлѣніемъ опажавао є, гди ій Монталдъ онай часъ и єднымъ погледомъ прима, постизава, и разгранюе. И већъ после нѣколико мѣсецій рекне му: „То ніе само духъ къ трговини, кои Вы имате, но то є правый умъ и дарованіе природе къ ньой; ако по времену не успѣте Вы у трговини далѣ одъ мене, то ће те сами быти томе криви! и, ако само средства Ваша употребите, то ћете знатно иманѣ стећи. Очекуюћи, и то време да доће, оћу да ставимъ што на Вашу срећу у трговину, но нећу млого, само немойте да ми се противите у томе. Вы ћете руководити дѣла моя са мномъ заєдно за шестъ година дана, Ваша радня не може се манѣ цѣнити одъ две тысућа талира. . . Да, да, манѣ неће быти, дозвол'те ми само изговорити до края. Вы сте човекъ мударъ, сто дуката быће Вамъ доста на трошакъ. Тако кадъ се наврше шестъ година дана,

Вы ћете илати десетъ иљада талира заштеђены и обезбеђены. Тако садъ іоштъ да ставимо поменуте паре у трговину, и натоваримо єданъ корабаль ньомъ. Ако два пута срећно отиде и дође, то ће се паре Ваше удвоити.“ — „Но ако пропадну?“ упыта Монталдъ. — „Ако л' се изгубе, одговори Племеръ, а оно ћемо друге ставити, Вы ћете и онако шестъ година быти кодъ мене.“ — „Не само шестъ година, викне Монталдъ, но до смрти мое остаћу кодъ Васъ.“ — „И Я то желимъ, рекне Племеръ осмћнувшисе; цћна моя врло є добра, а видите и онако, да ништа не губимъ тиме, што ћу Вамъ нћшто и у напредакъ дати.“ — „Видимъ настави Монталдъ, да се Вы старате о мени какогодъ отацъ о своемъ дћтету; зато и поступајте, какогодъ ошете и знате. Нећу се нимало застидити, да, іоште ћу се поносити тимъ, што ћу Вамъ свимъ на свћту быти одуженъ.“

Положеніе Монталдово постало є после овогъ разговора, млого мучніе, него пре; садъ изливаше Племеръ нова благодћянія на нћга, а удальитисе одъ нћга не могаше, у чемъ другчіе слабе душе лћка налазе. Обвезанъ веригама признательности, быо є осуђенъ, живити поредъ оне, кою є онолико обожавао, а за кою ніе смћо ни помислити, да іой є поволянъ. Она є већъ была у годинама, у коима є о удатбы нћной требало мислити; у томъ случаю, мисліо є онъ, требало бы, да іой срце буде слободно, како бы дра-

говольно примити могла проситбу; и по томе удручавати ту слободу было бы за нѣга найподліє преступлѣнѣ наймрскіегъ човека. Пріятельство, повѣренѣ, благодѣтельность, и найсветіе гостолюбіе, све бы се издало єдномъ само рѣчію, єднымъ погледомъ, и єдным уздисаємъ, кои бы іой любовъ нѣгову одкріо. „Та болѣ ми є, веляше у себи, тысућу пута умрети, нег' живити тилый часакъ обтереѣенъ овако црномъ неблагодарностю. Сва ова кућа, и све, што є у ньой, свето ми є и пресвето; мени не остає садъ ништа друго, но быти у ньой чудовиштемъ, ил' юнакомъ (хероємъ). Юнакомъ! да, то оћу да будемъ, само ако будемъ имао мужества, сама себе да побѣдимъ; молићусе Богу за то, и надамсе, да ће правосуданъ быти къ мени, и улити ми толико мужества.“

Одъ тогъ магновенія саставіо є све силе душе своє, како бы заповѣдати могао своимъ очима, своме гласу и свомъ срцу, да сакривену држи свою страсть, коя є свакій данъ све то выше растла, и кою є безазлено простодушіе Гаврилино све то веѣма подпаљивало.

У Паризу є обично, да сви мужеви желе образовати наравь жена своіи по свомъ вкусу; зато и све майке Париски дѣвояка стараюсе воспитати кѣери своє као нѣком' лукавству и затезаню, коє чини, те се у ньима єдва што рѣшительности налази. Но по областима и другимъ градовима не крію толико природе

млады дѣвояка, и ове не стидесе толико, крити тайне душе своє и ума. И зато є, одъ дѣтинства іоштъ, Гаврила была слободна, мисли своє и мицаня срца свога онако изражавати, као што єсу, но опетъ съ таквомъ предосторожностю, да никадъ ништа ніе рекла, чиме бы се коме замѣрила. — И Гаврила нађе се мало у чуду кадъ Монталдъ буде пуштенъ у искреность куће очине. Майка нѣна показивала му є све нѣжно вниманіе, коє се и не опажа, и коє є тимъ ласкавіе, што се чини непримѣтно и несвоєвольно. И Гаврила угледала се у томъ на майку. И почитаніе и благоволѣніе нѣно къ нѣму было є само природно. Но сладко изнеможеніе очію, кадъ бы погледала на нѣга, преиначеніе страшльивога гласа, кадъ бы се съ ньиме разговарала, и као заруменѣніе нѣко, кадъ бы га изненада видила, мало дрктанѣ руке, кадъ бы му тей сипала у чашу, све то чинило се, да ніе само знакъ простогъ пріятельства, коє є къ нѣму морала имати.

„Или се варамъ, рекне Монталдъ у себи, ил' су ово знацы любови, но топрвъ рађаюћесе и іоштъ слабе любови, за кою она іоштъ и не зна, но коя и безъ нѣногъ знаня може све то выше напредовати. Шта ће садъ быти одъ мене? Садъ ми треба, да саберемъ све моє мужество.“

Племеръ преповѣди имъ, како є Монталдъ почео да постане стихотворцемъ, пакъ како ніе могао у томъ художеству да успѣ, и како ніе саставіо сти-

хова за данъ рођеня графице, кодъ кое є дѣцу учіо. Племеръ є то шалећисе преповѣдао, но Гаврила упамти ову шалу; и, кадъ приспѣ данъ рођеня майке нѣне, а она запыта Монталда, да л' ће пропустити тай данъ, а да га не прослави коіомъ врстомъ пѣсмице какве. — „А ко ће ю пѣвати?“ Упыта Монталдъ. — „Я,“ одговори она. — Садъ се већъ може знати, каквымъ пламеномъ морао се оживотворити жаръ нѣговъ. Духъ ніе ту имао посла, но найчистіе чувствованѣ, и найтронительніе благоговѣнѣ, любовь синовня, све то прешло є у духъ стихотворчевъ, и казивало му похвалу ове достойне майке, кою є кћи нѣна хтѣла да пѣва. Све черте нарави нѣне исписане су быле безъ свакога ласканя и съ шарама тако сладкимъ и нѣжнымъ, да ій є и найскромнія жена чути могла безъ заруменѣнія, стихови ти былису огледало душе нѣне.

Племеръ, хотя да є быо доста попрекъ човекъ, но быо е и прекомѣрно чувствителанъ. Гласъ кћери нѣгове, найпростія но и найправеднія похвала жене, кою є обожавао, присудство пріятеля нѣговы, и красно позоріе домашнѣгъ овогъ празника, све то, у єдно саставлѣно, побудила га є тако силно, да су му сузе изъ очію текле. Лице жене нѣгове было є окупано сузама. А младо срце Гаврилино прекидало бы свакій часъ гласъ нѣнъ єцанѣмъ; и при последньой врсти, кою су околосѣдивши єдва и чути могли,

падне у наручіе майке своє. Племеръ притрчи такође, и загрли ю, и пріятельи кућни поите, благодарити іой на услађенію, коимъ су сви были тронути. Само Монталдъ стояше поиздалека. „Одите Господине! викне му мати, одите и Вы, да Вамъ благодаримъ на сладкимъ чувствованіяма, коя сте ми причинили.“ Онъ се приклони, да ю полюби у руку а она га загрли; и Гаврила стисне га оберучке за руку, и іоштъ сузећи и гласомъ, кои бы и самъ марморъ умекшао, рекне му: „Ахъ Господине! отацъ мой има са свимъ право, што Васъ люби!“ Одъ тогъ магновенія Монталдъ се изгуби.

У вече освѣтли Племеръ єданъ одъ своіи корабаля, и даде на нѣму часть; на коіой є поприлично мложество людій было, ако и ніе нико выше быо позванъ, до пріятеля нѣговы. Ни на каквой части ніе слађе веселѣ царствовало, до на овой. Но мало часъ буде оно найсвирѣпіимъ догађаємъ прекраћено.

Кадъ су са корабля кући полазили, мѣсецъ распростирао є съ высокога неба най чистію ясность, и ова служила є весларима мѣсто кандила. Племеръ учиніо є све наредбе тако предострожно, да су сви на миру поиздолазили кући; пакъ, почемъ се сви разиђу, онда и онъ, найсрећній човекъ на свѣту поће; но, како метне ногу на чамацъ, а онъ нѣкако поклизне, и падне у море. У истый ма, и безъ свакогъ размишљяваня, скочи и Монталдъ за ньимъ, ако и ніе

знао пливати; и не имаюћи никакве друге подпоре до ужета єдногъ, коє є о чамцу висило, уватисе за то уже, єдномъ рукомъ, а другомъ счепа Племера, и стане боритисе съ волнама (таласима), не бы ли га како одъ ньи отео. Садъ полете и морнари у помоћь, и извуку обоицу срећно изъ воде.

Кадъ Племеръ уђе опетъ у чамацъ, и дође къ себи, а онъ рекне Монталду: „Садъ ми деде каж'те, ко є одъ насъ двоице коме дужанъ? я Вама, или Вы мени?“ Монталдъ, іоштъ не дошавшій къ себи одъ страа, кои га є био обузео, загрли га, и плакаше одъ радости. Изиђу на обалу гди су ій жена, кћи, и пріятельи чекали, устрашени сви колицы одъ вриске, кою су чули. „Ево ме, ево Господо! викне Племеръ къ ньима, ево ме хвала Богу! не бойтесе, спасао самь се. Пао самь у море, и веће самь мисліо, да самь пропао. Но Монталдъ скочи за мномъ, счепа ме, и спасе. При овымъ рѣчма Племерка загрли своґъ мужа, а Гаврила, сва топившисе у чувствованію признательности и радости, счепа и пригрли избавителя оца свога, и притиснувши га къ своимъ прсима, рекне му: „выше самь Вамъ одужена, нег' животомъ моимъ.“ Монталдъ пакъ истргнесе изъ наручія оне, кою є обожавао, и викне: „неостави ме Господи Боже! не остави!“ Садъ притрчи Племерка, те га и она загрли и полюби. Све дружство было є садъ преиспунћено коє остаткомъ прошавшега

страа, коє пакъ излишностю радости. Ни Гаврилино ни Монталдово срце нису садъ времена имала, пыта-ти свако себе, шта имъ є.

Но, почемъ остану обоє свако о себи, обоє ста-ну размишлявати, шта є одъ ньи. „Та шта самь му учинила? Упыта Гаврила сама себе плачући, шта самь му учинила, те ме презрѣ съ оноликомъ строго-стю? Истина, да самь заборавила за єдно магнове-ніє пристойность мога пола и моіи година; но у ка-кво магновеніє, и зашто? Загрлила самь Монталда, као што бы цѣливала олтаръ Бога, кои є спасао мо-га оца. Ахъ Монталду! ако ти се чини, да є ово чув-стованѣ, и несвоєвольно бывши, недостойно добродѣ-тельне душе, и ако одъ колѣвке досада никадъ ниси быо сиротицомъ, ако се никадъ майка ніє насмѣяла на тебе, ако Те никадъ отацъ ніє помиловао, то и не знашъ, шта ће рећи свеза крви, шта ли нѣжность при-роде! Свирѣпій и суровый! како си могао онако стро-го поступити са мномъ? шта си мисліо о мени.“ Гаври-ла ніє могла тренути ону ноћь, постеля нѣна оми-вена є была нѣнымъ сузама, глава іой се узнемири, крвь іой се зажари, и пламтеће дисанѣ само се у уз-дисаима являло. Садъ се опомене свега, што є чула, да люди говоре о любови, и позна, да є ово любовь, што ю мучи. „Ахъ Оче! Оче! викне, опрости ми о-пієніе и лудило признательности моє! камо срећа, да не любимъ, камо срећа да могу да не любимъ, и су-

више оногъ човека, кои ти є спасао животъ твой! После тебе оче! и после майке моє онъ, онъ ми є наймиліи на бѣломе свѣту. Знамъ да не има ништа; но шта бы было и найсяйніе иманѣ на свѣту спрочу дѣла нѣгова, коимъ є спасао животъ твой? То дѣло, то нека буде све богатство нѣгово, и кћери Племеровой да не буде другій супругомъ кромѣ оногъ, кои іой спасао оца нѣна.“

Положеніе Монталдово было є тисућу пута свирѣпіе одъ Гаврилина. Безазленъ бывши досадъ, ніе већъ осећао снаге у себи, сачувати више ову безазленость, кою є несрећно магновеніе учинило, да ю на вѣки изгуби. Помисли, и рекне у себи: „Да, ако и я и она данасъ сутра дођемо до тога, те не узможемо више сакрити страсти безнадеждне, шта бы произишло изъ бездне несреће, у кою бы ню баціо, а у кою бы и сама себе низвргао? Заръ и несвоєвольный преступакъ, ког' опасность предвиђашъ, а нећешъ да га избѣгавашъ, ніе више преступакъ? — Но шта? заръ ми не остає іоште єдно средство помоћи? бѣгство? и прибѣжиште одсутства? На што ми слаби изговори, да є страсть моя непреодолима? На што л' честность, коя се само у празнимъ рѣчма изражава, и коя мисли, да є већъ довольно опрана и очишћена, одъ стида подлећи, како само зна суєтно изговаритисе? Не, не, кодъ мене не треба никадъ, да честь и вѣра долазе у опасность; како видимъ, да є

успѣхъ искушенія сумнителанъ, онай часъ треба, да ю избѣгавамъ. Ово мужество остає ми іоштъ у срцу. Тешко ми є и страшно, разстатисе са єдинымъ пріятелѣмъ, кои ми іошт' остає на свѣту; страшно є, пасти іошт' єданъ путъ у убожество и ништету; а іошт' теже, удальитисе одъ Гавриле; но што є све ово усиловеніе мучніе, то є све то нужніе. „Тако говораше Монтаалдъ самъ са собомъ, и єдва дочека, да с' састане са Племеромъ. Пакъ шта да му кажемъ? рекне у себи, шта да му рекнемъ, кадъ се съ њимъ састанемъ? Обливенъ благодѣяніяма нѣговымъ, удостознъ довѣрія нѣгова, савъ пораженъ милостима, ков свакій данъ, свакій часъ съ оноликимъ чистосрдіемъ надамномъ разсипа, како могу имати толико мужества, и казати му да њу да одлазимъ одъ нѣга? И како да се изговоримъ предъ њимъ, зашто тако нагло да га оставлямъ? Но и опетъ и найпосле морамъ то учинити, те учинити; болѣ є и учинитисе людма, да смо неправосудни, неблагодарни, и безчестни, него да у дѣлу и єсмо такви. О драго почитаніе себе сама, сладка свѣдочбо мога срца, Вы њете ме пратити и у моє заточеніе, у мою ништету и у заблуђеный и жалостный животъ, кои њу далеко одъ Нанта проводити, далеко одъ овогъ почитанія достойногъ и премилогъ дома, гди ми се чинило, да ми се све среће представляю; Вы њете са мномъ њи у заточеніе, и, ако буде могућно, Вы њете ме тѣшити.“ При овымъ

рѣчма оддане му мало срце, и уздисаи олакшавау му прси, а потоцы суза потеку му изъ очію. Тако проће му сва та ноћь у борби, и кадъ пође къ Племеру рѣшившійсе, да с' опрости съ ньиме, а онъ изиће савъ блѣдъ, и стрепећій, као што преблѣди и дркће преступникъ, кога воде на смрть.

Полазећи къ нѣму сретне бабу Дыпрейку, коя є дошла была у Нантъ, и кою є Племерка поставила ключарицомъ у своме дому. „О Боже мой!, рекне му она, шта Вамъ є Господине? шта є? Очи Вамъ упале, обликъ као да є одъ олова! Шта Вамъ є, да нисте іошт' болестни?“ — „Чини ми се, да нисамь, одговори іой онъ, но нисамь ни добро са здравлѣмъ.“ — „Чини ми се, чини, да я познаємъ Вашу болесть, превати баба рѣчь, и чини ми се, ніє врло лако, ни излѣчити ю.“ — „Какву болесть? какву? упыта ю Монталдъ зачуђенъ, каква є та моя болесть? шта то говорите?“ — „Ахъ Г. Монталду! настави Дыпрейка, не можете Вы одъ мене затаити, ни предамномъ претвараmисе. Знате, колико Васъ любимъ; одъ како самь іоште дошла у ову кућу, єднако Васъ мотримъ, и сажалуємъ.“ — „Не знамъ Госпо! шта говорите, рекне іой онъ, но шта мислили, да мислили о мени, заклинѣмъ Васъ Богомъ єдинимъ, ћутите, и не говор'те ником' ништа.“ — „Нећу, нећу, одговори она, одлазећи; не бойтесе, нећу ни ком' рѣчи проговорити. Но Вы! а сирото оно дѣте! . . . Ахъ чу-

вайтесе добро сами одъ себе, и пазите добро на своє очи.“

„Ето видишъ, рекне Монталдъ самъ себи, видишъ, како и баба ова проницава веће тайну мога срца. Та не може се любовь дуго сакрити; и, ако не желимъ, да се моя любовь одда, то треба, дас' удальимъ. Идемъ садъ, идемъ, да с' опростимъ. Нећу више да одлажемъ.“

Како га Племеръ опази, а онъ му рекне: „Знате ли, да є ючерашньій случай учиніо велико впечатлѣніє у Гаврилу? Ноћасъ уватила ю грозница, и данасъ ю іоште глава боли. Майка іой є кодъ нѣ, идемъ и я, да ю видимъ, айдете и Вы самномъ. Надамсе, да ће ю по мало успокоити, кадъ види избавителя оца свога.“ Монталдъ дође съ ньиме къ постельи Гаврилиной.

Заръ іошт' ниси ћерко! устала? рекне іой Племеръ, заръ Ти ніє іоште лакше? Ево насъ обоице, небойсе, опасность ючерашня прошла є веће. И Монталдъ се бьо престрашіо, као и Ты, и сада є іоште савъ блѣдъ одъ тога; но я самь већъ пребољео, и увѣравамъ Те, да ми животъ никадъ ніє бьо слађій, него одъ како нѣму имамъ за одржаніє моє благодарити.“ Очи Гаврилине, укочене бывше на оца, док' є то говоріо, блисталесу найживльомъ сяйностю. „Не држи ли ю іоштъ грозница? упыта Племерку; я бы опипао жилицу да се у томъ разумѣвамъ, но ту

ти ништа не знумъ. Не знате ли Вы, Монталду?, опипайте іой жилицу . . . видећи, гди се овай нѣшто затеже, викне му; та опипайте, заръ не смѣте да ю преватите за руку? Я, као отацъ, дозволявамъ то; или заръ се боите, дасе не ожежете о руку нѣну? ил' да не мислите, да є главоболя нѣна прилѣпчива?" Монталдъ приступи дркћући, а Гарила, спустивши своју руку у Монталдову, укочи очи своє у майку као да є изъ нѣны очію хтѣла да исцрпи снагу коя є слабомъ нѣномъ срцу нужна была. Но, кадъ осети, гди іой прстъ любовника полагано и благо притискує жилицу, а она се сва уздркће, и да бы чувствованѣ ово сакрила, а она извуче руку свою изъ Монталдове. Колико непостижимы и тронительны черта не има на свѣту, коима се любовь одкрива любови!

Монталдъ, усиляваюћисе, да сакріє своє чувствованѣ, и колебанѣ, рекне, да жилица іоште трепти, но да ће мало после быти спокойнія. „И я се надамъ томе, одговори Гаврила, дигвувши очи къ небу; и была бы сажалѣнія достойна, кадъ бы неспокойство, у коме самь была прошасту ноћь, дуговѣчно было; изгубила самь већъ и паметъ." — „Ахъ, рекне іой мати, съ оваквымъ срцама, као што су наша, рѣдко є ћерко! и тешко, да човекъ буде срећанъ." — „Е да! одговори Племеръ, а да насъ є Богъ другчіе створіо? да насъ є створіо нечувствительніимъ, и нелюбовніимъ, бы ли онда могли окушавати и сласти

добры дѣла? Заръ мислите, да саможиви люди болѣ пролазе одъ други людій, кои и за кума и за пріятеля живе? Истина, да саможиви люди не знаю, шта су муке на свѣту; но какве сласти и уживаю за то? Когодъ другогъ не люби, не люби ни нѣга другій, какавъ є то животъ? Знамъ, и врло добро знамъ, шта ме стає чувствительность; но, колико іой драго зла да ми причинява, и я опетъ не бы дао зрнца (гранъ) єдног' чувствительности за велика парчета злата. Ниште л' и Вы могъ мнѣнія у томъ Монталду?“ — „Тако є, одговори Монталдъ, но заръ и любећи треба да се любимо, и не любећи може човекъ быти врло чувствительнымъ, и мислити, да іошт' ніє довольно чувствителанъ.“ При овымъ рѣчма погледи по свима у наоколо, и на ове рѣчи жилица Гаврилина стишасе мало. Но и ово стишанѣ, коє су родителъи нѣни држали, да є стишанѣ, душе нѣне, было є само стишанѣ чувства нѣны, и Монталдъ сматрао га є за дубоко црножучіе. Онъ є знао причину тога, и види, да є садъ већъ време, лѣка му тражити; зато и отиде къ Племеру.

„Ево ме, рекне дошавшій къ нѣму да Вамъ нѣшто кажемъ, чему ћете се зачудити. Колико Вамъ драго чуднымъ да Вамъ се учини моє рѣшенѣ, не пытајте ме, одъ кудъ оно произлази, веће ми га опростите драговольно. Я Васъ любимъ и почитуємъ, као најдобродѣтельніегъ и најрѣђегъ пріятеля на свѣту. Да

сте ми отацъ, не бы ми выше добра учинили, него што сте учинили, знамъ то, и, доклегодъ самь живъ нећу га заборавити. Но преклинећмъ Васъ именомъ божіимъ, допустите ми, да одлазимъ одъ Васъ.“ Племеръ скочи са столице, зачуђенъ; и викне: „Шта? Вы да одлазите одъ мене? Вы Монталду! Вы? Пакъ зашто? и крозъ што? и на што? кажите ми, одговор'те, рецыте ми молимъ Васъ, съ опроштенћмъ кажите ми: да Васъ ніе ко увредіо? у овой кући? Но то не вѣруємъ.“ — „Ніе Господине! одговори Монталдъ съ сокрушенћмъ; не знамъ у кући Вашой ни наймаюшнієгъ увређенія, но знамъ само за знаке почитанія, благоволћнія, и доброте.“ — „Пакъ и опетъ зато оћете да одлазите изъ нћ; тако кажите ми, съ опроштенћмъ, шта Вамъ є? Зашт' оћете да одлазите? Сумма новаца, до душе, кою самь Вамъ дао, умћрена є, но я могу“ . . . — „Ахъ, не унижавайте ме тако иеправеднымъ подозрћнћмъ; срце моє мора Вамъ быти познано; знате, съ коликомъ самь жалостю допустіо, да благодћянія Ваша онако изъ далека превазиђу све моє надежде. Я не имамъ доста рћчій, коима бы нахваліо благодарство душе Ваше, Вы сте и великодушніи. Него што бы требало.“ — „Тако Вы оћете да одлазите безъ свакога незадовольства одъ мене? — „Я самь у очаянію, но найсветія дужность налаже ми то.“ — „Аха! садъ знамъ, шта Вамъ є; мати Ваша уздише за Вама, и захтћва, да іой дођете,

не може безъ Васъ да буде. Пакъ немойте тако мой Драгій! пишите по ню, нека дође къ нама; Ова кућа биће нћна, жена моя биће іой пріятельицомъ; и онда ће мо сви до єдногъ быти срећни. „Притеснћнъ оволикомъ милостю, одговори Монталдъ, да майка нћгова не страда ни найманћ зато, што нћга не има кодъ куће, да є она са свимъ спокойна и задовольна кодъ сестара нћговы, и да ни у чему неоскудћва. „Тако кои є врагъ, навали Племеръ, што оћете да одлазите одъ мене? Шта Вамъ є?“ — „Судбина“ одговори Монталдъ. — „Садъ ми већъ нестаде стрпћнія, дрекне Племеръ. Судбина! Судбина! Каква є то Ваша вражка судбина? То є само празанъ изговоръ; заръ съ тако празномъ рћчю, и съ рћчю, коя не има никаквога смисла, треба човекъ, као што сте Вы, да се правда?“ — „Я називамъ, одговори Монталдъ, судбиномъ моіомъ немирну ону и непостояну наравъ, съ коімъ самъ се родіо, и коя ме ни у каквомъ положенію не оставля на миру, као што сте и сами већъ видили.“ — „То є истина, да сте Вы отишли одъ набусите и безразсудне графице, одъ гордога Маркиза, и не знамъ, одъ каквога судіе и обешењачкогъ нћговогъ секретара, томе ніе се чудити. Но я, човекъ простъ, човекъ добаръ, човекъ, кои Васъ любимъ као свою душу, и кои самъ се надао, да ћу савъ животъ свой съ Вама провести . . . Не, не, брате! та ћудъ Ваша ніе ми никако постижима. Ту мора

ЧИТАОНИЦА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

быти нѣка закачка, коє я не могу да одкачимъ; пакъ, ако ми не изясните све лѣпо и красно, и одъ почетка до края, шта Вамъ є, а оно сте, съ опроштенѣмъ, ил' непоштенъ човекъ, или лудъ. Садъ избирайте, съ опроштенѣмъ, коє волите.“ — „Право велите, одговори Монталдъ, да самъ лудъ, падне предъ њимъ на колѣна — и настави, но не непоштенъ и рђавъ; то Васъ само преклинѣмъ, да не мислите, да самъ непоштенъ и рђавъ човекъ! я Васъ любимъ, любимъ и почитуємъ, нисамъ неблагодаранъ, и последню каплю крви пролiо бы за Васъ.“ . . . — „И опетъ зато очете да одлазите одъ мене? устайте, и погледайте ми управ' у очи, но у очи. Право да Вамъ кажемъ: толико лакомисліє, таква ћудљивость, и то непостоянство, ніє могућно, да су у природи душе, као што є Ваша.“ — „Опростите, пресѣче му Монталдъ бесѣду, престаните већъ скучавати ме, и остав'те ме моiой несрећи.“ — „Шта? викне Племеръ и опетъ, шта? да Васъ оставимъ несрећи вашой? ая! то быт' не може, ево нећу, пакъ нећу да Васъ iой оставимъ, пакъ то ти є! кадъ морамъ да с' разстанемъ съ пріятелѣмъ єднымъ, а я оћу поне да знамъ, за што се съ њимъ разстаємъ. Да сте отишли онда одъ мене, док' iошт' нисте ми никаква добра учинили, айде де; — одпустiо бы Васъ; и хотя да бы ми тешко было и то, но опетъ бы Вамъ опростiо. Но садъ, гди сте ми животъ спасли, гди самъ се свезао съ Вама найслађiнмъ све-

зама и свезама найячіимъ, садъ оћете да одлазите одъ мене? Недамъ, пакъ етоти, никако недамъ — заплакавшисе — или ми каж'те причину, зашто оћете да одлазити; пакъ етоти." — „А я самъ опетъ, одговори Монталдъ, са свимъ неутѣшанъ, што Вамъ те причине на вѣки не могу исказати." — „Не можете? а оно добро! знамъ я, шта є то! ћутенѣ Ваше и извіянѣ изяснява ми довольно, шта Вамъ є: Вы сте залюблѣни... залюблѣни да... но залюблѣни ил' у мою... жену, ил' у ћерку. Єл' да є тако? То є она тайна, коє я не могу никако изъ Васъ да исчупамъ." — „Шта за Бога! я залюблѣнъ у Вашу жену?" одговори Монталдъ сбунѣнъ. — „Пакъ шта за то? настави Племеръ преко, жена моя довольно є іоште лѣпа, да може любовъ улити.. Е добро! айде нисте у мою жену залюблѣни, и она Вамъ ніє залудила главе; тако моя є кћи то учинила?" — „То є истина." Одговори Монталдъ. — „Пакъ несрећниче! што не кажете давно, да є тако, викне Племеръ съ радостю, та іошт' пре шестъ мѣсецій опредѣліо самъ я ню Вама за жену."

Ако є могућно умрети одъ радости, то мало ніе Монталдъ одъ нѣ умрео. Као човекъ громомъ пораженъ, тако падне онъ предъ Племеромъ, и съ прилѣплѣнымъ устнама къ ногама нѣговымъ лежаше као укоченъ. „Куго! рекне му Племеръ, гледећи га предъ собомъ, ала си био залюблѣнъ! сиромаше! пакъ си

хтѣо да отидешъ одъ мене, а да ми ни словца о томъ не кажемъ, бояосисе, да ме не разсрдишъ! како ме мало познаєшъ. Устай, и айдемо къ пуницы-твоіой. Ахъ! кадъ іой станемъ преповѣдати ово позоріе, и кадъ іой кажемъ, како се свршило, како ће сирота и да се смеє и да плаче у єданъ ма! . . А кћи моя! она ће найвећма почувствовати цѣну срца, права почитанія достойно. Увѣренъ самъ, да ће те нѣжно любити.“ — „И я се надамъ, одговори Монталдъ, да ће ме любити, држећи, да є отацъ нѣнъ мени животомъ одуженъ; и одъ свію права, коя ћу имати надъ срцемъ нѣнымъ, ово ће быти увѣкъ найсветіе право.“

„Жено, рекне Племеръ Племерки, уводећи Монталда; єво Ти доводимъ єдногъ човека, кога васъ другій данъ данасъ пытамъ, какву уцѣну заслужуе одъ насъ онай, кои є мени животъ спасао. А онъ ми одговара, да ты будешъ судіомъ у томе,“ — и Гаврила є ту была. — „А я опетъ, оговори Племерка, поставлямъ Гаврилу тимъ судіомъ.“ — Гаврила се застиди, и сва зарумени, поћути мало, пакъ онда рекне: „каква уцѣна може наплатити благодѣяніе избавлѣнія живота човечія? Све иманѣ наше іоште не бы было довольно, къ томе.“ — „Шта? рекне Племеръ съ презрѣніемъ, съ новцыма? Монталдъ не милуе новаца. Но не бы ли Ты ћерко! знала што болѣ, што бы му се могло поднети?“ — Она обори очи, и одговори: „Я већъ каза, да ничега на свѣту не знамъ, чиме бы

му се исплатило благодѣяніе, Вама и свима нама учинѣно.“ — „А я, да самь, съ Тобомъ, прнвати Племерка, я бы знала, шта бы му дала.“ — „А и я мила майко! да самь съ Вама, и я бы знала.“ — „А я опетъ, съ радостю викне Племеръ, да самь съ њимъ, я бы знао, шта бы искао, да му дамо. Пакъ, кадъ ни єдно одъ Васъ нећете да се изясните, шта бы му дали, а оно ево я ћу да се изяснимъ: Я даємъ Монталду . . . даємъ мою кћерь за жену.“ — „А Я, рекне Племерка, моє срце.“ — „А я, дода Гаврила скромно, мой животъ, са свимъ є право, да за нћга живимъ, кадъ Вы оче! посредствомъ нћга живите.“ — „Садъ ме послушайте обе, заключи Племеръ, да Вамъ кажемъ, шта є хтћо Монталдъ да ради. Пунъ любови до преко ушію, воліо є отићи одъ насъ, него узнемирити спокойства честне наше фамиліе. Ово я выше почитуємъ у нћму, него и избављніе могъ живота. Измећ' тысуће людій, кои су способни за єдно магновеніе имати юначко срце, и чувствованія доброте, єдва ће се єданъ наћи, кои ће быти непоколебиме честности; и овогъ рћдкогъ човека, и овогъ пріятеля срца мога даємъ Теби жено! за зета, а Теби ћерко! за супруга!“ —

ЗАБЛУЂЕНІЄ ДОБРОГЪ ОЦА.

Предсѣдатель суда нѣкогъ у Француской, Ванвилъ живіо є, у осамдесетой своіой години, удалѣнъ одъ свѣта у сеоцу нѣкомъ по имену Фламеу. Човекъ, славанъ выше честностію и безпорочностію, него умомъ просвѣштенымъ, остане удовъ, тѣшећисе єдинымъ и іошт' маленымъ синомъ, кои му є остао быо по любезной и чувствительной жени, кою є обожавао.

Како му ова умре, а онъ жалостно почне чувствовати празнину душе и самоћу куће своє. Мѣсто утѣшенія, коє му є срећа вечерій нѣговы давала, и коє га є за уморе дневне награђивало, гоніо га є образъ усамлѣногъ и ћутльивогъ оплакиваня, да є неће наћи, кадъ се кући врати. Већъ є почео очаявати, да ће се той самоћи и научити; кадъ а чує, гди люди говоре о дѣвойцы нѣкой одъ доброга рода и у годинама, у кома су духъ, навичаи, и характеръ веће развіени и ста-

нѣни быти морали; сви су ю описивали, да є она огледало мудрости, доброте, и скромности. Ванвиль постарасе, познати ю; и заиста наѣе, ил' мечтавао є, да є нашао, да є све оне похвале заиста и заслуживала. Узме ю за жену. Као што су ю описивали, онаква є и была къ нѣму до гроба, но къ сину нѣговомъ одъ прве жене промѣнисе, како и сама постане матеромъ; прекомѣрна любовь къ своіой дѣцы унижтожила є у ньой сва друга чувствованія. Съ почетка, кадъ су се узели, любила є она и пасторка своґъ онако нѣжно, као да іой био роѣеный синъ. Пакъ, и кадъ є промѣнила ћудъ свою къ нѣму, и онда є толико вѣшта была, те є знала сакрити одъ мужа гнушанѣ своє противъ истоґъ дѣтета тако, да га онъ никако ніє могао примѣтити.

Непрестано занимаюћисе съ извршеніемъ дужностій званія своґъ, ніє ни имао кадъ настоявати о воспитанію сина свога, но остави ту бригу жени своіой; она се съ ньомъ забавляла, а они, кои су у томъ такоѣе были употреблявани, былису ньой подчинѣни. Кадъ бы ій Ванвиль кадкадъ о томъ и запытао, а онъ ніє ништа друго ни могао дознати, него оно, што є жена нѣгова хтѣла, да онъ дозна.

По несрећи она се забрине, и потайно опечали, зато, што ће и пасторакъ нѣнъ у очинству иста она права къ наслѣдію имати, коя ће и нѣна дѣца имати. У глави нѣной све іой се чинило, као да є истый тай

пасторакъ странъ човекъ, кои ће отети ил' покрасти иманѣ, коє по правди само нѣной дѣцы припада. Отуда лако може се судити, колико є горки часова ово нѣно гнушанѣ одъ првога Ванвильова сина овомъ морало причинявати. Човекъ, кадъ у нѣгове године дође, обдаренъ є найживльимъ чувствованіємъ, шта є по єстеству право, шта л' неправо, и синъ нѣговъ почувствовао є зарана іоштъ, да му се неправда чини; како дѣте види, да є праведно казнѣно, а оно се безъ роптаня подлаже казни, и само себе осуђує; но како стане сићитисе, и бунити, већъ свѣдочи, да казань, кою є поднело, ніє была заслужена. Тако има првобытный законъ, кои є и у душу дѣце урѣзанъ одъ истогъ оногъ рѣзца, кои є люде свимъ художествама на свѣту научіо. — Характеръ сина Ванвильова стане преиначаватисе и кварити. Жалость нѣка, неповѣреніє, и као мрачна нѣка страшльивость почну на облику нѣговомъ показиватисе. Будући да є замишлѣніє одъ тешкогъ званія и на Ванвильову челу обично стояло написано, то га се синъ нѣговъ врло бояо; нит' є икад' видіо одъ нѣга ласкательна погледа, нити сладкогъ и нѣжногъ приманя, коє бы га могло увѣрити, да у нѣму има оца милостива и снисходительна. Іоште къ томе знализу улити му подъ именомъ почитанія къ нѣму, страа и трепетъ, кои га є задржавао и одъ тога, да дође, и да му се потужи на штогодъ. И тако презрѣнъ; поруганъ, и жестоко казнѣнъ и за най-

маню погрѣшку, а найвыше завидльивъ, што су выше пазили два млађа брата, него ли нѣга, сравньиваше онъ у дубльини мале своѥ раняве душе сву строгость, кою су къ нѣму, а сву снисходительность, кою су къ ньима имали, и почне одъ дана на данъ све жалостніи и забринутіи бывати. И отацъ не буде лѣнъ, нег' навршн мѣру свію овы поступака, и почне и онъ огорчавати га свирѣпимъ укорима. Зато сирото дѣте помисли, да га и отацъ презире и одбацуѥ, помисли, да га и отацъ мрзи. И тако природа нѣгова, изгуби и последню свою надежду и последню утѣху, и онъ падне у глупо унынієѥ, коѥ су држали за упорность и нехотѣнѣ, ни каква посла приватитисе.

Отацъ га ѥ кадкадъ совѣтовао, но совѣти ови бы-лису и строги и ладни; псовао га ѥ и ружіо, а онъ бы га слушао съ укоченымъ очима, изъ коіи су сузе потокомъ текле. Та заръ ніѥ требало, да устне, несрећнога оца, кадкадъ поне утру сузе ове! Но! не; ћутенѣ сина коѥ ѥ было ћутенѣ очаянія, преписывао ѥ отацъ тврдости срца и характера. Но после ѥ видіо, да ѥ онъ къ сину тврдъ быо! Найпосле одбіѥ га одъ себе, и очъ онда постане дѣйствительно суровымъ. Бѣдно дѣте! шта ніѥ морало да сноси, и колико досаде да прождире!

Єдино наручіѥ доилѣ нѣгове было му ѥ прибѣжиштемъ. Кадгодъ бы дошла къ нѣму, да га види, а онъ савъ клонувши, пао бы на ню, и омывао бы наручіѥ

нѣно сузама. „О добра, о єдина майко моя! говоріо бы іой єцаюћи, никогъ выше не имамъ на свѣту до Тебе єдине, Ты ме іоштъ єдина жалишъ; но на што си ме одранила? Зашто ме є права моя майка, майка, кою самъ изгубіо, родила? На што ми є дала животъ? зашто ме нисте обадве, и єдна и друга, у колѣвцы іоштъ удавиле? Бѣдна и убога сиротицо! та то самъ Ти я, сиротица и по оцу и по майцы! Не има выше оца за мене! не има га; маћія отврднула є срце нѣгово къ сину, когъ не сматра за свой породъ.“ — Доиля нѣгова купала бы се у сузама, грлила бы га и любила, и тѣшила свимъ, што іой нѣжность нѣна уливала; но никаква утѣшенія нису могла да га умире. Да бы се свирѣпость противъ нѣга навршила, то є маћія нѣгова, чувши, каква су позорія жалости измеђ' пасторка нѣна и доилѣ нѣгове Юліяне была, и побоявшисе, да она оца о томъ не извѣсти, забранила доильи, да выше къ нѣму не долази.

Синъ Ванвильовъ дозна и ово. Онда му є было дванайстъ година; характеръ нѣговъ већъ се окрѣпіо био. Не могаше выше сносити, и онда, првый путъ, стане жестоко укоравати маћію свою, и рекне іой, да изъ почитанія къ оцу прегорѣва све остале нѣне неправде, коє му є чинила; но завидити му и за последню и єдину утѣху нѣгову, и недати му, видити доилѣ своє, како му не бы ни сѣньке майке остало, „то є, воляше, черта варварства, коє є само маћія способна

учинити“, и, будући да му она ништа друго ніе, него само фурія, то да ће побѣћи одъ нѣ; а она нек' се постара, израдити кодъ оца, когъ є она одродила, да га истера изъ куће; то є последня милость, кою дѣте нѣгово одъ нѣга проси.

Наравно, да одъ свію овы укора и тужба, отацъ ніе друго ни дознати могао, него оно, што є у ньима найжешће было. „Маћіомъ, фуріомъ, и оцемъ одроћенымъ, рекне му жена, тако Васъ и мене назива синъ Вашъ іоштъ у дванайстой своіой години, да шта ће после быти, кадъ одрасти и буде човекъ? И Васъ срдимъ, и сама самъ неутѣшна, видећи, гди се овакавъ характеръ развія у дѣтету єдномъ; но природность у овако нѣжнымъ годинама може се заръ іоштъ и савити. Чуємъ за мудраца нѣкогъ, кои у оближнѣмъ мѣсту прима дѣцу на воспитаніе, и воспитава съ найвећимъ настояванѣмъ; а особито ми кажу, да є у томъ вѣштъ, везати харктеръ дѣце, и одъ найупорніи духова учинити витке и умиляте.“ Наведему и выше примѣра, у коима є учитель тай успѣо, и видећи га погружена, настави: „Шта ћемо му? ово є зло, одъ когъ може іоштъ и добро изићи. Духъ сина Вашегъ показує велику силу, но треба га укротити, ако не желите, да га жаръ нѣговъ не навуче на найужаснія бездѣлія.“

Шта є могао отацъ и рећи на овакве совѣте, увѣренъ будући, да су насилія сина нѣгова пороцы природе? Склонисе, да га удали; и самъ синъ, чиніо му

се, да то желяше; волео є и на село и у дубльину луга иħи, него быти кодъ своє куħе.

Кадъ доħе данъ одласка, а онъ доħе, да се опрости съ оцемъ, и поħе къ нħму коракомъ важнымъ, кои бы га поставіо у удивлħніє, да га є и у човеку, а камол' у дħтету примħтіо. „Иди, Сине! иди, рекне му, и научисе, побħдити сама себе, и врати ми се после нħкогъ времена и виткіи и умħреніи.“ Полюбесе, и рекне му: „съ Богомъ пошао!“ При овымъ рħчма препукне срце дħтета. Мħсто да оца загрли, а оно несреħниче падне предъ ньимъ, и счепа га за руку... И после толико година чинилосе оцу да на своіой руцы осеħа жарко впечатлħніє, коє су му устне нħгове задале. Тако, заръ ниси нечувствителанъ?“ рекне му, онъ, видеħи га гушеħасе єцанħмъ. „Я нечувствителанъ! нечувствителанъ Оче!“ одговори му срце параюħимъ гласомъ. . . — „Тако, ако си добаръ, и ако любишъ оца свога, обеħай ми се, да ħешъ се поправити.“ — „Поправити? одъ чега? упыта га угушенымъ гласомъ, какавъ є то порокъ на Вашему сину? Заръ што не има своє майке выше? Заръ є то?“ . . При овой рħчи задржисе, и погледавши му у очи погледомъ, кои му є душу пробоо, рекне му: „Оче! о Оче! у име оне, коє не има выше на земльи, благослов'те сина свога, садъ ħе да одлази одъ Васъ.“ Єднако є предъ ньимъ быо, и при даваню благослова очина омиваше ій сузама.

И отацъ и синъ былису разнѣжени; и природа, коя є и у погледима нѣговымъ и у очиноме срцу говорила, већъ є была готова, да ій помири, наручіє очино већъ се отвори, да га загрли, и опроштенѣ веће му є стояло на устнама. Ахъ Боже! Боже! єдну рѣчь само да є выше изрекао, колико бы мученія самомъ себи уштедіо!

У истый ма уђе маћія нѣгова са два своя сына у собу. Устани Сыне! рекне му отацъ, полюби госпођу у руку, и молисе за милость нѣну.“ Текъ што ово изрекне, а сузе синовлѣ престану, савъ се стресе, и само погледомъ немилокрвности погледи на ню, то є све было, чимъ се съ женомъ нѣговомъ опростіо. Отацъ рекне му да загрли и излюби брађу свою, но онъ и къ ньима покаже презрѣніє, и падне опетъ предъ оцемъ, и одговори му: „Опростите Оче! я Васъ любимъ, любимъ и почитуємъ, но не терайте ме, да полюбимъ руку, коя ме угнѣтава, нит' да загрлимъ.“ . — „Одлази, продересе отацъ на то, одрођены Сыне! одлази, ниси выше мой, и видећи га, гди съ заблуђеніємъ очаянія наполѣ поће, викне: „Нек' одлази, и нека ми никадъ выше на очи не излази.“

Видѣвши онолику нѣгову ярость, и онакавъ характеръ, увѣренъ, да є мрзость нѣгова на маћію неправедна, и надаюћисе, да ће удалѣніє одъ куће, долазакъ у разумніе године, настояваня и поученія учителя, човека честногъ и доброгъ, поправити у нѣму

злу ову наравь, ублажавао є Ванвиль самъ себе у призрѣнію опроштая съ ньиме, и мисліо є, да ће одсудство нѣгово одъ куће, само къ добру служити и по нѣга и по сына.

Но жалостиый предразсудакъ, да га отацъ нѣговъ презире и мрзи, гоніо є сына и кодъ самогъ учителя. Честный овай човекъ быо є смѣса и обичая простачки и школско-затуцаны (педантически). Желећи да поправи характеръ, за кои му є казано, да є неукротимъ, и да га треба сломити, ако се не да умекшати, почео є онъ и жалостиво и строго съ ньимъ поступати; гласъ увѣкъ неотесанъ, правила найстрожія, свагда съ казненѣмъ и претньомъ скопчана, све, што у заповѣданю има найпоругательніе, и што є робству найтеже и наймучніе, све то было є у системи воспитанія, коє є давано Ванвильову сыну. То га узмучи, и онъ стане гнушатисе свію дужностій, коє му є овако строгъ учитель налагао. Но, што га є найвыше тронуло, было є то, што су му казали, да є строго ово поступанѣ съ ньиме воля оца нѣгова, праведно сердећасе на нѣга. „Праведно сердећасе, викне, горко заплакавшисе, праведно сердећасе! Ахъ! да є само познао и могао познати срце дѣтета свога! Поцркали, да Богъ да, сви они, кои су огорчили срце доброгъ мога оца! и змія она, коя данъ на данъ улива у нѣга свой отровъ!“ И, кадъ бы га учитель укоравао, да презире науку, а онъ бы му одговоріо, да не презире нау-

ке, већé животъ свой, и да не зна, зашто самъ себе већъ не убіе.

Све є тражіо сирома усамлѣніе, и кадъ бы нао у црножучіе (меланхолію) своє, пакъ бы га запытали, што му є, а онъ бы одговарао: „болестанъ самъ,“ кадъ бы га далѣ упытали: „а шта Те боли“ а онъ бы се біо рукумъ по прсима на мѣсту гди му срце куца.

Да є пре знао отацъ што є после дознао, то бы почувствовао свою неправду и отишао бы къ нѣму жени своіой у пркосъ, да изгрли, излюби, и утѣши злосрећно своє чедо. Єданъ само полюбацъ очинъ, и єданъ знакъ нѣгове любови промѣнили бы сыновльій характеръ, онъ бы се ублажіо и разнѣжіо у очиномъ наручію. Но учитель нѣговъ ніе оцу никад' ништа писао, нит' є отацъ икад' други писама вићао, кромѣ оии, у коима є рђаво поступанѣ сына нѣгова было описивано. Најпосле — ово не може се ни самой тѣни оне, коя є то чинила, опростити — выше писама, коя му є самъ сынъ писао, нису му ни давана на прочитаніе.

Не получивши никаква одговора на толика своя писма, падне бѣдный сынъ у очаяніе, и најпосле рѣшисе, побѣћи изъ школе у свѣтъ; лугъ, бывшій близу школе, помогне га у томъ, те за єдну ноћь одбѣгне тако далеко, да га ніе могао учитель нѣговъ наћи,

не имаюћи ни онако млого средства, трчати за њимъ на све стране.

Кадъ дође оцу гласъ о нѣговомъ бѣгству, отацъ се сажали, и почувствує све, што у овако жалостномъ догађаю душа оца єдиогъ чувствовати може. Но жена Ванвильова потрудисе заглушити и ову жалость нѣгову, претвараюћисе, да она не види у овомъ догађаю бѣгства сыновля ништа друго, но само лудость младости, и увѣраваюћи, да ће му после нѣколико дана или люди довести сына, или да ће се самъ вратити кући. Очекиваюћи, да сѐ тако догоди, договоресе, да ћуте, и да не разносе никаква гласа о истоме бѣгству; и отацъ не поштеди ни трошка, ни труда, наћи га. Помисли, да є може быти на лађу какву отишао, као што често быва съ дѣцомъ просты людій, да на трговачке лађе бѣже; пише у пристаништа, и опише сына, каква є погледа, каква кроя, и стаса. Но и найточнія и найприлѣжнія испитиваня не могоше ништа ползовати, и после шестъ-мѣсечны преварены надежда, увѣрисе о свирѣпомъ догађаю, да му сынъ и ніє живъ.

Жена нѣгова ніє никаква средства пренебрегла, коимъ бы му бригу разбила за дѣтетомъ, и тѣшилага сыновима, кои му іоштъ остаю, и кои се предъ нѣговымъ очима воспитаваю. Но, као да є хтѣло само єстество да се освети за свирѣпость маћи, оба нѣна сына умру као єднымъ и брзымъ задаємъ поражена; и неутѣшима ньина майка издане на скоро за ньима.

Онда ти остане Ванвиль самь саморанъ; и, не држећи, да є у чему кривъ, почео бы отврднявати мало по мало противъ толике строгости судбе своє. Но небо, коє ништа не оставля безъ казни, наведе га на скришку (тайный орманъ,) єдну, и ту нађе выше писама, коя є несрећный сынъ нѣговъ изъ своґъ заточенія нѣму писао, а коя є жена нѣгова одъ нѣга сакрила. Одъ тоґъ магновенія почне гонити срце нѣгово дубока и свирѣпа скорбъ.

Какве су рѣчи быле написане у писмама єдинога сына нѣговога! „Шта, писаше му, Оче! заръ за толико времена никад' ни рѣчи утѣшенія несрећноме сыну Вашемъ да не пошлѣте? Десетъ найнѣжніи и найпонизніи писама, десетъ сузама моимъ обливены писама, моіимъ, сына Вашеґъ невинога, и сына, кои ништа выше не тражи, но да престанете, мрзити га, и свы десетъ заръ не могоше ни последнѣ ове милости да ми испросе! Та напишите ми, напишите Оче! само овай слогъ, слогъ кои ће ми животъ повратити: Сыне мой! чедо моє! не мрзимъ Те. Ове освећене черте, Вашомъ рукомъ написане, та любићу ій по тисућу пута на данъ! напечатане быће на моимъ устнама, и урѣзане у срце моє. Ово срце пуно є нѣжности и почитанія къ Вама, та не жали оно и не тужисе на Васъ; зато престаните већъ раздирати га. Досада самь толико мужества имао, те самь све сносіо; но ћутенѣ, одбаченіє, заборављѣніє, или мрзость оца мога єсть

несрећа, превазилазећа сву снагу моју, чувствуємъ и видимъ, да морамъ подлећи.“

Колика є морала жалость, колико ли негодованіе Ванвильово быти? Уватити писма свога Сына, и видити да онъ мисли, да га є отацъ одбаціо, а отацъ да сынъ не пркоси нѣговой лютнии! Шта бы могло свирѣпіе быти одъ тога! Тако доста пута и најслаѣе, и найнѣжніе чувствованіе природе, любовь майке къ дѣцы своіой, може быти свирѣпо и жалостно, како мѣру преѣе! Тако су све страсти човеческе кѣери своелюбія; како се овомъ уподобе, одма постаю и неправедне и свирѣпе! Сада топрвъ стане опоминятисе тисуће разны поступака мрзости, коє є она неправедна жена употреблявала противъ пасторка, и коє є требало да отацъ примѣти, ако ій є она свакояко и замотавала и преодѣвала. О како се самъ на себе срдіо, што є способанъ быо къ оволикой слабости. Садъ бы проклиняо природу, што се ніе заступила за крвъ нѣгову; а сада бы сама себе кривіо, што є ніе хтѣо да слуша; садъ се самъ на себе лютіо. Кућа постане му страшна; свѣтъ, у комъ му се чинило да га свак' живый пыта, а гди ти є сынъ Твой, постане му несноснымъ; онда и намисли, побѣћи и критисе одъ свѣта.

Текъ што отацъ хтеде да поѣе, а да бы се навршило паранѣ срца нѣгова; етоти му донлѣ несрећнога сына; Юліяна, дознавши, да га є изгубіо, доѣе сва

исплакана къ нѣму; и, изливаюћи душу свою, одкріе му тайну своіи разговора съ синомъ. Никадъ ніе могао отацъ єданъ већма почувствовати зла, него што є Ванвиль почувствовао, слушаюћи доилю исту, гди преповѣда. Изъ рѣчій нѣны дозна топрвъ сву скорбъ и печаль, коє су сына гризле, а за коє ніе смѣо, да се оцу тужи. Изъ ньи види, да у срцу нѣговомъ, онако свирѣпо раздираномъ, любовь и почитаніе нѣгово къ оцу ни найманѣ нису была преиначена; а напосле, да є онъ зао отацъ био найболѣму дѣтету на свѣту. У изумлѣнію падне на столицу, и викне: „Нема ми више сына, умрео є, умрео, и я самь причина смрти нѣгове, преступлѣніе моє не може се већ поправити!“

Сирота доиля, мѣшаюћи своє сузе съ нѣговыма, потрудисе, да га утѣши. „Само, ако Богъ да, Господине! веляше му, те не буду му животъ прекратили, или, ако сачувай Боже! друго какво приключеніе ніе га прекратило, то сынъ Вашъ ніе іоште умрео. Више одъ двадесетъ пута, и у найвећемъ насилію скорби нѣговe, говоріо бы онъ мени, да бы самъ себи животъ прекратіо, само да животъ истый нѣму принадлежи;“ но, дигнувши и руке и очи къ небу! викнуо бы: „ „Не, не, ніе овай животъ мой, него Твой Боже! Ты си ми га дао, Ты єдиный имашъ право, и одузети га; но за награду дай ми то Боже! да се милость оца мога єданъ путъ на мене поврати, и заборавићу у наручію

нѣговомъ све, што самъ досадъ подносіо, и што ћу іоштъ поднети.“ “

Ове рѣчи доведу Ванвиля до тога, те стане опетъ питатисе надеждомъ, да є іоште живъ. Но у исто време почне воображавати, како л’ сынъ сирома страдати мора, и онда ти се удальи све утѣшеніе одъ душе очине. Да бы се и найманѣ чему срадовао, одма бы за преступлѣнія сматрао обрадованѣ ово; и землѣдѣлскій и умѣреный животъ быо му є іошъ већа сласть, него што бы требало; да, ніе праштао, себи, кадъ бы му забава и обработаванѣ врта жалость нѣгову и бригу разбіяла. „И овай посао, говоріо бы у себи, своєволянъ є іоштъ и сладакъ, а посао, кои мой сынъ у овай истый часъ мора да ради, єстъ бѣданъ, тежакъ, и безъ одмора; я се увеселявамъ, обработаваюћи землю плодоносну; а онъ, може быти, стенюћи копа землю неблагодарну, и орошава ю своимъ зноємъ; єла истина проста, но до излишія, носесе на мою трапезу, а онъ сирома, Богъ зна, има л’ и црна лѣба свагда да єде? пакъ не мора ли и нѣга іоштъ сузама да залива? Богъ зна, ніе ли се на кораблю каквомъ нашао, кои волне и тамо и амо гоне? ніе ли, уморившисе одъ пресилногъ посла, кои є даню имао, и текъ што є заспао ноћу, ніе л’ морао опетъ пробудитисе одъ вѣтрова и бурѣ, а я овде на мекой постельи спокоянъ санакъ спавамъ? Но не, не, ніе спокоянъ санакъ овай, у коме ме гони обликъ сына мога!„ Є-

дући ѥла за трапезомъ своіомъ све му се чиняше, као да блѣдый и ослабившій обликъ сына за истомъ трапезомъ сѣди, и ѥло му се горко, као ѥдъ, чиняше! Кадъ бы самъ бывао, и кадъ бы обликъ сыновлый предъ нѣга излазіо, сузе текле бы изъ очію нѣговы, и пружао бы руку къ сыну своме, и моліо га за опроштенѣ.

Три године протеклесу му овако у жалости и очаянію; нико ніѥ іоште ни у станю, описати жалости душе очине, и безъ конечну ону ноћь жалости. Да шта ѥ одъ сына нѣгова было? Сынъ Ванвильовъ, роћенъ ѥ съ наравію жестокомъ. Чувствительность нѣгова дошла ѥ у жалостна искушенія, и онъ ніѥ знао умѣрити ю; и ово незнанѣ, умѣрити ю, было ѥ изворъ свію несрећа, ковѥ су и оца и сына постигле. Онъ ѥ остао безъ майке, а Ванвиль живіо ѥ само нѣга ради на свѣту. Сынъ нѣговъ любіо ѥ оца свога изъ дубльине душе своѥ, и поносіосе съ любовію очиномъ. Но како ѥ позніѥ постао жалостнымъ, нестрпѣльивымъ и напраситымъ, и како га ѥ отацъ морао одъ себе удальити, не могући прегнути му нарави, како ли ѥ после и одъ учителя своѓъ побѣгао, то смо већъ видили.

Како изъ званія школскоѓъ и мѣста, у коме ѥ оно было, измакне, таки промѣни одѣло своѥ са пастирчетомъ нѣкимъ нѣговы година, и обучесе у пастирско одѣло. И у овомъ одѣлу нико не могаше га познати. Ишао ѥ ноћу, укланяюћисе све одъ села, и све стран-

путицама тражіо є дабро какво, у коме бы се наймio за пастира, само да є гдигодъ усамлѣно добро да нађе, куда млоги люди не долазе. Нађе найпосле село нѣко близу Флера и Омала, и ту се найми, да чува овце.

У слободномъ овомъ и спокойномъ станю, имаюћи доста лѣба, млека, и сира єсти, спаваюћи на свѣжой слами, и будећисе са зоромъ, да бы водіо блеєће и послушно стадо на пашу, не бы имао ни нашто тужитисе, да га ніє мучило єпоминанѣ, да іошть има оца разлюћена, грозна и неумолима, кои се спрема казнити га, како бы га само напао.

Но после нѣколико мѣсецій престане му и то неспокойство, и веће се увѣри, хотя да є то свирѣпо было по нѣга, да є заборављѣнъ и одбаченъ. То тако жалость нѣгова постане дубльомъ; ћутанѣ по пољима, и непрегледима самоћа, коя се около нѣга простирала, и по коіой є онъ одао, све га є у веће и веће црножучіе бацала. Пакъ, кадъ бы іошть помисліо, колика є пропасть, коя га є раздваяла одъ оца, и кадъ бы самъ у себи рекао: та нећу га никадъ выше видити, онда бы сирома савъ клонуо, и у изумлѣніе падао. И слаба и млада глава нѣгова подлегла бы жалости, да ніе, на срећу свою, имао сладку забаву у читаню, одъ когъ ніе ни побѣгао быо изъ школе. Наймилія кньига была му є у ньой кньига Виргиліевы стихова, описиваюћи цѣну и красоту простогъ, пастирскогъ и землѣдѣлскогъ живота найживльимъ бояма. И

Синъ Ванвильовъ предѣне себи име, и назовесе Алексіемъ, и мы ћемо га одсадъ тако називати.

Єданъ путъ, читавши Виргилія, заспи подъ старомъ врбомъ, око' кое стадо нѣгово пасаше. Док' є онъ тако спавао, а мимо нѣга прође човекъ нѣкій, кои се уклоніо одъ свѣта, и кои є сбогъ праведны огорченія постао човекомрзцемъ. То є био Г. Нелкоръ. Опази отворену кньигу подъ рукомъ младогъ пастирчета, и зачудисе оваквой новости. Любопитствујући знати, каква є то кньига, што пастирче чита, прегнесе къ земльи, и види, да су Виргилієви стихови. Ніє хтѣо у онай ма да пробуди пастирчета, но одаюћи непрестано око' врбе дочека, док'се ово пробуди, и онда приступи къ нѣму, и рекне му: „Младићу! видіо самъ Вамъ подъ рукомъ ствар нѣку коіой самъ се зачудіо, видіо самъ кньигу отворену, и то стихове Виргилієве. Ако є воспитаніе Ваше такво было, да знате читати и разумѣвати Виргилія, то каж'те ми, каква ли Васъ є несрећа постигла, те сте постали пастиромъ оваца?“

„То ніе немогућно, одговори му пастирче, да и добро воспитано сиротче падне у неволю; а я самъ такво сиротче.“

Г. Нелкоръ хтѣо є знати, и одъ куда є, и како му є име, и одъ кога є рода; но пастирче му одговори: „Име ми є Алексіе, село моє видисе одавде, а выше Вамъ и не треба да знате.“ Онъ се зачуди о-

ваквомъ претвараню пастирчета, но и ово зачудисе, како га є Г. Нелкоръ, кои само мимо нѣга пролази, запыткивати могао о оваквымъ стварима, и искати, да му се оно ту садъ исповѣда и повѣрава. Одговоръ овай уліе Нелкору нѣко почитаніе къ пастирчету, и рекне му: „видимъ, да сте мудри, ако и єсте іоштъ млади. Камо срећа, да самъ и я тако радіо, као Вы, пакъ да за времена іоште нисамъ повѣраваосе мимо мене пролазећимъ людма. Међу тимъ любопытство моє было є и природно и праведно, и, ако ништа выше, а оно є поне безазлено; къ оправданію момъ нека Вамъ довольно буде то, што ме несрећа и године Ваше за Васъ заузимаю.“

Алексіе почне изговарати му се, што є онако ружно одговоріо на ово освѣдоченіе нѣговога благоволѣнія. „На што, рекне, и да се опоминѣ човекъ у несрећи своіой оногъ, што є нѣкадъ быо, а што ніе выше? Тимъ задає само већу муку себи. Нисамъ радъ, да ме люди за што друго држе, него за пастира, кои и єсамъ. Не стидимсе ни одъ Васъ, ни одъ себе, што самъ пастиръ; Виргиліе пише, да су пастири были и сами богови баснословны времена; савъ свѣтъ іоштъ и не познає довольно, колико є пастирскій животъ у чести быо, и колико бы требало, да є и данасъ у таквой. И зато се усуђуємъ, молити Васъ Господине! да ме не оддаєте никомъ. Я самъ оставлѣно и одбачено дѣте, но ранимсе, бываюћи полез-

нымъ; и Вы бы онеспокоили овай безазленый животъ, кадъ бы на зло употребили тайну кою сте на момъ спаваню одкрили; свимъ што Вамъ є на свѣту свето, заклинѣмъ Васъ, неоддайте ме.“

„Заричемъ Вамъ се, да Васъ нећу оддавати, одговори Нелкоръ, но само подъ тимъ уговоромъ, да ми допустите, да могу кадкадъ къ Вама долазити, и пробавляти съ Вама по кои часъ, кадъ сте съ стадомъ Вашимъ на паши. И я знамъ, као и Вы, шта є несрећа; и я имамъ желю, као и Вы, учитисе, и я радъ читамъ Виргилія, дайте, да га читамо заєдно; пакъ, кадъ се болѣ познамо, и кадъ се єданъ о другоме болѣ увѣримо, онда ће узаймна довѣреность смѣшати изливенія своя съ дражестима наши забава.“

И одъ тога доба долазіо є Нелкоръ прилѣжно къ Алексію на пашу; и проводилису єданъ съ другимъ частъ лѣпи єсеньи дана, кои имъ сладко протеку. Донесе му іоштъ и Орацієве стихове, донесе и нѣколико француски кньига: Монтеня, Ла Фонтена, Расина и Фенелона, и у ньима налазау обоица рану душама своимъ, и пробавляю празно своє време. Међу тимъ трудіосе Нелкоръ єднако, дознати тайну Алексієве несреће. „Єл' могућно, рекне му єданъ путъ, да тако младъ човекъ, као што сте Вы, ніє могао наћи ни у своіой фамиліи, ни другогъ кога на свѣту, кои бы га сажаліо?“ Алексіє му одговори, да ніє никогъ ни моліо за сажалѣніе; и, ако и єстъ врло младъ, то о-

петъ зна, да люди, кадъ су у несрећи, нису никомъ угодни и удобни. Тимъ дирне, и не знаюћи, у чувствительну страну душе нѣгове; те онда преповѣди му Нелкоръ, да є у младости своіой био богатъ човекъ, когъ су сви називали любведостойнымъ Нелкоромъ; но бывшій и штедаръ пропадне; одъ сто пріятеля, кои су бывали на частима нѣговымъ, ніє єданъ єдиный остао, кои бы му у пропасти нѣговой помоћи принео; жене, кое су му онда быле као огледало любкости и учтивости, нађу га, кадъ є пропао, као човека, кои стра задае; и тако умудрившисе собственомъ своіомъ несрећомъ, прода све свое иманѣ, плати дугове свое, и сакріесе на маломъ добарцу, кое є іоште задржао. Ту преповѣди све лудости, свое, свое суетно лаковѣріе, заблуђенія, и мечтанія своя. Но и са своимъ томъ довѣрностю іоште ніе могао придобити и Алексіеву довѣреность; и, видећи, да никако не може да ю придобіе, умудрисе, и не затицати є, већъ чекати, да му сама одъ себе доће.

Доће зима, и Нелкоръ рекне Алексію єданъ путъ: „Како намъ садъ већъ зима настае, то нећемо ни моћи выше састаятисе; а колико ме то опечалява?“ — „И мене то опечалява“ одговори Алексіе. — „Пакъ зашто бы се и єданъ и другій печалили? привати онъ, зашто бы се разстаяли? У селу Флерію, овомъ првомъ до Вашега сеоца, живимъ я спокоянъ и усамлѣнъ; одъ развалина иманя могъ остало

ми є іоштъ толико, да имамъ съ чимъ и срећну старость проводити; айдете са мномъ, и будите заєдно са мномъ срећни. Найслађа моя брига састоисе у воспитанію младе нѣке сиротице, кою нѣжно любимъ. Ако се и Вы склоните, дѣлити нѣно прибѣжиште, то ћу я имати мѣсто єдногъ дѣтета два.“

„Господине! одговори му Алексіє, Ваша доброта тако є чистосрдечна, да я за дужность свою држимъ, казати Вамъ такоће одкривено. Найвећа моя страсть єстъ любовь къ слободи; а я не држимъ, да є човекъ слободанъ, кромѣ оногъ, кои самъ за себе и за єстество живи и ради, и радомъ своимъ натеруе єстество, те га оно рани. Я самъ радъ, да тимъ човекомъ постанемъ; или желимъ быти землѣдѣлцемъ, или вртаромъ (башчованомъ) Виргиліевымъ.“

„Пакъ са мномъ ћете быти и еднымъ и другимъ, пресѣче му Нелкоръ бесѣду: управляйте добромъ, одкупкомъ (арендомъ), и обработавайте лѣпъ вртъ; то нека Вамъ буде посао, то Вамъ предлажемъ. Я самъ у држаню одкупка іоште неискусанъ, пакъ ћемо се заєдно у томъ упражнявати, и учићемо єданъ другога. А у обработаваню врта (башче) могу и другога учити.“

Ова надежда рѣши Алексія; онъ се опрости съ газдомъ своимъ, и отиде за Нелкоромъ. И заиста наће у нѣга вртъ тако обработанъ, да му є човекъ чисто завидити могао за нѣга. У кући была му є дѣ-

војчица мала Наталія, лѣпа као даница, у деветой години топрвъ бывши. „Ово є, рекне Нелкоръ къ Алексію, сва дражесть могъ усамлѣнія. Я іой нисамь отацъ; но тако смо се већъ привикли, єдно друго любити, да намъ свеза посиновлѣнія служи мѣсто свезе крви. Отацъ нѣнъ називаосе Леонваломъ, био є капетаномъ кодъ гренадира, и буде убієнъ на юришу Денеиском, я узмемъ удовицу нѣгову за жену, а кѣерь нѣгову мѣсто сына, коя є безъ иманя иза оца остала. Наталія почне већъ показивати любведостойный свой характеръ; и я и майка нѣна любилисмо єднако, да не може већма быти; она є чинила свезу нашу іоштъ нѣжніомъ и срећніомъ, него што є и онако была, Но срећа ова ніє траяла задуго; наскоро изгубимъ майку Наталину: ова є имала оплакивати добру майку, а я преизредну жену. Умирући рекне ми: да ми оставля ћерку свою, єдино добро, коє има, и наручи ми, да іой будемъ и отацъ и мати. Я іой то обећамъ, и одржимъ задано слово; но, не имаюћи млого иманя, оставити іой по смрти моіой, я ю воспитавамъ у простоти обичая, вкуса, и увеселѣнія польски. Ова одкупка быће іой вѣно (миразъ), и ово домоводство нѣно.“

Алексіє ніє могао знати, шта є Нелкоръ, овако говорећи, мисліо; но као самъ но себи дошло му є у главу, да є лако могућно, да ће онъ данасъ или сутра быти супругомъ Наталійнымъ. Зато већъ и почне нѣжну нѣку склоность къ ньой имати; познієе преће

ова постепенно у праву любовь, како обоє буду старіи и разумніи.

Сви послови Алексієви и Нелкорови, читанѣ, проданѣ, и настояванѣ о воспитанію Наталійномъ, коя є найдрагоцѣнніє одъ свію растѣнія ньины была, све то было имъ є заєдничко. Дани ньини нису никадъ празни протицали, ноћи су имъ быле мирне и спокойне. И дани, и мѣсецы, и премѣна свію годишньи времена протицалису имъ у Флерію тако брзо, као што мысли човечіє лете. И Нелкоръ бы често повторавао, да му ништа ніє остало у свѣту, за чимъ бы га жао быти морало. Но Алексіє оставіо є у нѣму оца свога; обликъ очинъ представляо му се свакій тилый часакъ, као да га укорава, што удалѣнъ одъ нѣга оволику срећу ужива.

Красна Наталія награђавала є настояваня ньина о воспитанію своимъ напредованѣмъ у свему. У непрестаномъ послу налазећисе, струкъ нѣнъ развіяо є тысућу дражестій; виткость нѣна была є подобна виткости гранчица, коє є садила, боя образа нѣны была є сяйность плодова, коє є рука нѣна подизала; и кадъ бы као проста вртарица (башчованка) ил' съ косиромъ у руцы, или съ котарицомъ на глави ил' у руцы ишла, заиста бы ю држао, да є сама богиня, коє є дарове скупляла; онда бы се и сва душа нѣна, и характеръ нѣнъ, кадкадъ и чувствованіє, коє ю є одушевлявало, у свой своіой бистроти виђали.

И Алексіє и Наталія примѣте напредованѣ, кое є и у єдномъ и у другомъ чинило узаймно њино пріятельство, но нису се о томъ ни єдно ни друго о-неспокоявали. Обоє, ради быти увѣкъ єдно око' другогъ, онъ са своимъ црножучіємъ, она пакъ съ сладкомъ своіомъ веселостю, обоє су дисали любовю, као што човекъ дише воздухомъ; и, какогодъ што човекъ жели, видити свѣтлость, тако су обоє уживали весе-лѣ, вињати єдно друго; обоє нису се єдно другогъ бо-яли, нит' су о чемъ другомъ мислили. Но Нелкоръ, видовитіи одъ њи обоє, и млого спокойніи одъ њи, призна, да већъ ніе выше време, ослонитисе њима на душу и на безазленость; и, како Наталія доспѣ у ше-снайсту годину, а онъ се рѣши, ил' дознати одъ Але-ксія, да л' є за ню створенъ, или удальити га одъ нѣ.

„Алексіє, рекне му єданпутъ, я самъ веће опазіо довѣреность Вашу съ Наталіомъ; и дужни сте были моме пріятельству, имати ю къ њой, и да є ни-сте имали, не бы ме нимало было жао. Но вы се на-лазите веће у годинама, у коима ніе ми могућно, др-жати Васъ при себи другчіє, кромѣ подъ найсветіимъ именомъ; за Вама стои, казати ми одкривено, имате ли право, име ово заслужити.“

„Имамъ, одговори му Алексіє, имамъ га подпу-но; племе, одъ кога самъ, дає ми га, но несрећа моя забранює. Я самъ човекъ у немилости оца свога, кои є по несрећи преваренъ, и кои є исто оноликогъ са-

жалѣнія достоянъ, коликога и я; нѣга обсађую непріятельи собствене нѣгове крви, злоба на зло употребљює нѣгову доброту. Отацъ мой добаръ є човекъ, но слабъ; и то є она тайна, кою самь досадъ одъ Васъ кріо, нѣгова є то тайна, а не моя; и зато нисамь хтѣо по имену ни казати Вамъ га, да га не бы само предъ Вама као тужіо, или да не бы Васъ на то навео, да ме ярости нѣговой предате, или да нѣму обявите, гди самь. Зато несрдитесе на ово моє вѣроисповѣдно ћутенѣ; кое є за мене велико мученіє было. Онда ћете знати, ко самь, кадъ ме небо врати милости и любови оца мога. Пакъ, ако онда іоште буде томе времена, онда ће Алексіє доћи, и ставити предъ Наталію, предъ любезно Ваше дѣте иманѣ, ком' се на племену своме надати може. А донде я ћу се удалити съ срцемъ, пунымъ жалости, одъ Васъ, донде ћу се удалити и одъ признательности къ Вама, и одъ любови къ ньой. Немойте ме само заборавити Господине! „и любите ме и у напредакъ, као што ћу я Васъ свагда любити.“

„О драгій Пріятелю! рекне му Нелкоръ, не знате, како ми є мило, што Васъ є овако добродѣтельно чувствованіє само задржавало, те ниете ми казали, ко сте, и шта сте. Безъ сумнѣ ће несрећа постигнути свако дѣте, коє одкрива другимъ людма неправде оца свога! Но и одъ мене бы было врло свирѣпо, кадъ бы Васъ одпустіо одъ себе, а да Вамъ мѣста не на-

ђемъ, гди бы могли имати службу. И имамъ веће єдну, коя бы за Васъ добра была. Недалеко одавде у селу Фламеу близу Невшатла, налазисе одъ нѣкога времена човекъ нѣкій, свакогъ почитанія достоянъ, кои се исто овако занима, као и я. Нѣму треба вѣштъ вртаръ; могу Васъ нѣму препоручити; нѣму є име Ванвиль, бывшій пресидентъ".

Алексіє, чувши име свога оца, поблѣди савъ, укочисе, и єдва могаше дисати, толико га є изреченіє имена тогъ сбунило; ни рѣчи проговорити не могаше, толико га є смело дознаніє, да се близу оца свогъ налази. Нелкоръ мисляше, да є чувствованіє ово у Алексія произишло изъ любови къ Наталіи, и изъ насилія, коє є срцу нѣгову растанакъ съ ньомъ причинити морао. „Айдете, рекне му, да идемо, охрабрисе, и пођи са мномъ; за насъ є истина довольно мучно, растатисе, но по положенію нашемъ неизбѣжимо є, разстатисе морамо.

Алексіє неодговори му на то ни рѣчи, друге мисли пролазилесу му крозъ главу, а не оне, о коима є Нелкоръ мисліо, да га муче. Онъ є пламтіо жельомъ, видити оца свога, но како да му иде, кадъ бы помисліо, да се и заклета нѣгова непріятельица са два своя сына око нѣга налази, и кадъ се могао сумняти, да ће зло быти дочеканъ?

Нелкоръ, видећи, гди Алексіє ћути, почне му описивати Ванвиля. „Ванвиль є, говораше му, сама чест-

ность; ако и єстъ врло строга облика, опетъ га савъ свѣтъ хвали, да є човекъ милостивъ. Онъ є у непрестаной жалости, но жалость нѣгова и чини, те га люди омиляваю; онъ и єстъ сожалѣнія достоянъ! лиши осе жене и двоє дѣце своє, последнѣ своє надежде. Садъ є самъ саморанъ у Фламеу, предавшійсе больи своіой. Надамсе, да бы му къ великой утѣхи служило, кадъ бы имао при себи младића каквогъ, кои бы тако добаръ быо, као што сте Вы добри.

Овай гласъ, да су и маћія нѣгова и дѣца нѣна помрла, учини велику промѣну у души Алексіевой. Но мѣсто радости, кою є требало истый гласъ у нѣму да причини, навали на нѣга вѣроисповѣдно нѣко чувствованіе, у онаквой несрећи, каква є оца нѣгова и нѣга постигла, сматрао є онъ као нѣку преєстествену казань. Ово магновеніе рѣши Алексія, и онъ викне Нелкору: „Тако пишите Господине! и поднесите Г. Ванвилю мою службу, но не опоминьите му ни рѣчи о свему, што знате за мене.“

Нелкоръ пише Ванвилю, и похвали му наравь Алексіеву, характеръ нѣговъ, и вѣштину у земледѣлію, и не споминюћи ништа о воспитанію нѣгову, онъ се подвати за Алексія, да ће за нѣга одговарати. Ванвиль буде задоволянъ съ поднешеномъ службомъ, прими Алексія, и овай отиде къ нѣму. Истина да є Алексія мучило нестрпѣніе, видити оца свога, но и опетъ ніе могао да се непреда жалости, што ће Ната-

лію оставити. „Съ Богомъ, рекне іой полазећи; одлазећи одъ Васъ, іоштъ се надамъ, да ћу Вамъ быти къ службы готовъ. Младе воћке, коє смо заєдно садили и подизали, нек' Васъ опоминю кадкадъ Алексія! и берући ове ябуке и ове брескве, коє су Вама подобне, желите, да ій и Алексіє іоште кои путъ съ Вама бере.“

Бѣдна Наталія заплачесе, и гласомъ, кои є Алексія чувствительно тронуо, рекне му само толико: „Съ Богомъ пошли Алексіє! врло бы се срдила на Васъ, кадъ Васъ не бы выше видила. Опоменитесе и Вы Наталіе!“

Алексіє упутисе къ Фламеу съ срцемъ, преиспунћнымъ радостю и надеждомъ, неспокойствомъ и ужасомъ. „Идемъ, мисляше у себи, видитисе опетъ съ оцемъ, но съ оцемъ, кои оплакує жену, кою самь я увредіо, и два сына, коє самь я презрѣо. Да самь онда, кадъ ме є дао у школу, дошао изъ нѣ подложніи и блажіи, да самь знао самъ себе побѣдити, и све сносити, то бы онъ имао у мени сына, кои бы му утрео сузе нѣгове. Но на злу срећу, побѣгнемъ, и оставимъ га сама, како садъ да изиђемъ предъ нѣга? Како ћу, пре него ме позна, имати я времена, покаятисе за грѣхове моє, како ли ублажити чувствованія нѣгова, и довести срце нѣгово до милосрдія? Седамъ година странствованя и раднѣ, савъ мой обликъ преиначенъ, коса моя и образи мои поцрнили, ово одѣло

и овай изгледъ землѣдѣлскій могли бы учинити, да ме други люди не познаю, но може ли быти, да ме и очи оца єдногъ не познаю? Тако шта ми остає? Шта да радимъ? Кадъ му почне природа говорити, и мене изда, онда ћу я уграбити магновеніе, пасти му къ ногама, и мѣсто любови отеческе молићу га за милосрдіе. . . . Но опроштенѣ, коє бы ми изрекао, было бы опроштенѣ кривцу, комъ бы судія милость учиніо. Пакъ ко ће ми се подємчити, да неће онъ и за Г. Нелкора мислити, да є другъ нѣгова сына, и да є онъ снисходительный онай нечовекъ, кои є одъ нѣга бѣгство моє кріо? Ахъ! Ако то стане мыслити, то већъ съ Богомъ надеждо моя, да ћу благоволѣніе нѣгово и милость къ Наталіи испросити.“ Ове и овымъ подобне мысли мучилесу Алексія свымъ путемъ до Фламеа, и савъ дркћући приспѣо є тамо, боєћисе, да га отацъ одма не позна.

Но заръ или су очи Ванвильове ослабиле одъ тешкога плача, те нису могле видит' у Алексію ништа выше, него черте растркане и смѣшане, или се Алексіе заиста толико быо измѣніо, те га ніе ни могао познати, Ванвиль ни помисліо ніе, да предъ собомъ сына свога гледи. А Алексіе шта ніе чувствовао, видећи оца свога! Скорбъ и печаль, выше него старость, намрштилесу чело нѣгово; сузе, коє є проливао за сыномъ своимъ, сбрчкалесу образе нѣгове; и жалость га є къ гробу веће погурила. Каква

жалость, каква л' любовь ніе се у срцу нѣгову пораѣала! Већъ є хтѣо да клекне предъ ньимъ на колѣна, и да му се каже, ко є. Но опетъ га престраше гризенія совѣсти, и строгій онай и суровый погледъ оца, и дубока жалость, коя є на лицу очину освѣдочавала срце, задуго бывше раняво. Дркћући моліо є Алексіє оца, да увѣренъ буде о нѣговомъ повиновенію и о ревности къ служби нѣговой. Ванвиль уведе Алексія у вртъ, покаже му послове, врати га у собу, кою є за нѣга опредѣліо, постарасе за све, што му є нужно за покућство, и рекне му, да ће рано у ютру и са зоромъ и самъ доћи на дѣло. Алексіє спавао є врло мало ону ноћь; но, пробудившисе осетіо є, да є чисто лакшій, видећисе око оца свога, и на краю желанія своіи коя су се къ тому клонила, да заслужи нѣгову склоность, и да му у дѣлу покаже, колико се одъ оногъ доба, како є изъ куће изишао, досадъ промѣніо. Ништа ніе было лакше, но служећи освѣдочити му и благость савршену и повиновеніе страопочичательно, погаћати и угаћати воляма нѣговымъ, и показивати му свето высокопочитаніе и сыновно благоволѣніе, коє бы Ванвиля навело, да у вртару опрости несрећноме сыну своме. Но ко бы могао толико претворитисе, и задржати у себи тресакъ природе; томе се оће велико мужество, и Алексіє зарекаосе, да ће га имати.

Рано у ютру и са зоромъ наћусе у врту. И є-

данъ и другій радилису свакій свой посао ћутећи, и погдикоя рѣчь сама пресѣцала є ово ћутенѣ. Ванвиль запыта Алексія, одъ куда є?, Алексіє одговори му: изъ Анета“ овде слаже оца свога. — „А имате ли іоште оца?“ упыта га далѣ. — „Имамъ хвала Богу“, одговори онай. — „А майку?“ — „Не имамъ“ рекне му Алексіє. Ванвиль уздане изъ дубльина, и настави: — „А шта Вамъ є отацъ? „И онъ є вртаръ.“ — „Єли младъ іоштъ?“ — „Ніє, почео є већъ старити.“ — „А има ли іоште коє дѣте кромѣ Васъ?“ — „Не има выше до мене єднога.„ — „И опетъ сте отишли одъ нѣга?“ — „Самъ є хтѣо да одлазимъ одъ нѣга.“ — „Тако валя да може быти безъ Васъ, кадъ Васъ є одпустіо одъ себе?“ — „Може, настави Алексіє, но ако будемъ срећанъ, те заслужимъ милость мога господара, то се надамъ, да ће ми допустити, да се кодъ нѣга састанемо.“ — „Будите само Алексіє! онакавъ и са мномъ, као што сте были и съ Г. Нелкоромъ, и мударъ, и радинъ, и честанъ и поштенъ, увѣравамъ Васъ, да ћете за кратко време и Вашега оца овде видити; нећу Васъ лишити родителя Вашегъ,“ заключи Ванвиль, окренесе одъ Алексія, и утре сузу, коя му є изъ очію полетила; свака Алексіева рѣчь производила є неописано впечатлѣніє у нѣга; выше одъ године дана ніє му рѣчь оца и сына изъ уста изишла, ніє толико снаге имао, сладка ова имена изрећи, као тешкій каменъ лежаласу

му она на срцу, и чисто му лакше было, изрекши ій и чувши ій предъ Алексіємъ.

Алексіє усугуби одъ дана на данъ силе своє, и све то прилѣжніимъ и радиніимъ покажесе; вртъ очинъ са свимъ преобрази и понови, и научи га іоштъ у обработаваню ономъ, што онъ ніє донде знао. У врту ньиномъ виђашесе раскошность єстества и излишность, прострта безъ єдномѣрія (симетріє) са свимъ красотама различности. Узъ гране шльива пужаласе лоза винова; вишнѣ осѣнявалесу леє ягода; подстрижена плодоносна дрва ограђиваласу плотъ, у коме се завіяла салата ил' надимала лубеница. Често бы га опоминяо Ванвиль, да се не напреже толико у раду, и као предчувствованѣмъ нѣкимъ вођенъ свакій часъ є долазіо къ Алексію. — „Колико Вамъ є година?“ упыта га єданъ путъ. — „Двадесетъ и єдна,“ одговори. — „Двадесетъ и єдна!„ уздане, уђути, и удальисе.

Прође нѣколико пута по врту, после вратисе опетъ къ Алексію, и запыта га: „Не имате ли волѣ женитисе?“ — „Имамъ, одговори Алексіє, већъ самь и о томе мисліо; и, ако буде Ваша воля и воля мога оца, то ми се чини, да самь у Флерію нашао дѣвойку, коя бы ме срећнымъ учинила.“ — „А колико іой є година?“ — „Шеснайстъ.“ — „Єл' одъ честне фамиліє?“ — „Отацъ нѣнъ проливао є крвь свою за отечество!“ — „То є честно племе!“ — „Іошъ седме своє године остала є безъ майке, како-

годъ што самъ и я безъ нѣ остао“ — „Сирота дѣчице! Пакъ, ко се старао о ньой досадъ?“ — „Г. Нелкоръ.“ — „Валя да є лѣпа?“ —— „И да є ружна, и опетъ бы была любведостойна, она є сама благость, и сама доброта; Г. Нелкоръ милує ю, као да є нѣгово дѣте.“ — „Тако є Г. Нелкоръ милостивъ човекъ и благодѣтелянъ?“ — „Єстъ, Господине, преизреданъ човекъ; доброта нѣгова къ мени и Наталіи може Вамъ то посвѣдочити.“ — „Онъ є више лудостій у своmъ животу чиніо; но лудости нѣгове єсу лудости слаба и лаковѣрна човека, я ій праштамъ; іоштъ є срећанъ, што га ніє слабость нѣгова више стала, до само изгублѣнія иманя. Често она више штете людма наноси. Зна ли онъ, да Вы любите Наталію?“ — „Сумнясе о томъ“ — „Зато Васъ є валяда и удаліо одъ нѣ?“ — „Може быти.“ — „Пакъ што є ніє дао за Васъ?“ — „Ахъ Господине! требао ми є благословъ оца мога къ томе, а я нисамь смѣо, искати га одъ нѣга.“ — „А зашто?“ — „Сирота Наталія не има готово ништа.“ — „Пакъ заръ доброта, мудрость, и срећна нѣна наравь нису довольно вѣно? — „Истина, да є довольно; но мой отацъ! . . . Ахъ! боимсе и стрепимъ, и проговорити му о томъ.“ . . — „Тако валя да є отацъ Вашъ строгъ къ Вама?“ — „Быо є Господине! строгъ, но у исто време є чувствителанъ, и, ако смѣмъ рећи, тако є добаръ, као и Вы.“ — „Кадъ є тако, надам-

се, да ћу я израдити кодъ нѣга, да саизволи, да будете срећни. Међу тимъ, ако се успротиви томе, ту я не имамъ власти, противитисе у томъ Вашемъ оцу, и Вы сами Алексіе! треба да му се повинуєте.“ — „Повиноваћусе, повиновати, Господине! то се зарічемъ, и да бы се живота могъ касало; никадъ ніе сынъ оца выше почитовао и любіо, него што я могъ почитуємъ и любимъ. Я Васъ могу увѣрити, да самь у Наталіи све нашао, што човекъ у жени єдной желити може; и любимъ ю нѣжно, и безъ нѣ не могу никако ни быти срећанъ. Но да ми отацъ данасъ рекне: одрецысе нѣ сыне, айде замномъ, и не иди іой никадъ выше; увѣрени будите, да бы га безъ роптанія послушао.„ — „Ахъ срећный оче! викне Ванвиль, срећный оче! кои таква сына имашъ! . . Идите сутра, Алексіе, одма сутра къ Г. Нелкору, и кажите му, да га я молимъ, да ми дође у Фламе на посѣћеніе, и нек' доведе и Наталію амо. Я ћу быти кодъ Вашегъ оца и Вашимъ и нѣнымъ посредственикомъ. Но дайте ми честно слово, да ме нећете, доклегодъ будемъ живъ, оставити. Я самь старъ, а самъ самь, требамъ утѣшенія, и выше нег' што Вы мислите. Ако ништа друго, а оно ћете ме Вы любити, а я ћу поступати съ Вама обоима, као што бы са рођеномъ моіомъ дѣцомъ поступао, да ій имамъ.“

При овымъ рѣчма падне Алексіе предъ оцемъ, стане му омивати ноге сузама, и већъ заусти, да се

каже, ко є. . . Но кадъ бы се скорбь поновила у души очиной, кадъ бы дознао ко є, или кадъ не бы хтѣо видит' выше Наталіє, или кадъ бы ю іоштъ одбаціо? . . тимъ є стрепіо Алексіє, уништожити своє надежде; а Ванвиль, гледећи га овако разстроєна, мисліо є, да само залюблѣна и признательна младића предъ собомъ гледа.

Сутрадањ отиде Алексіє къ Нелкору, срце му є играло одъ радости. „Вы сте, рекне му, увѣнчали Господине! Ваша благодѣянія, и ево ме да Вамъ благодаримъ за то. Добродѣтельный онай старацъ, кои є источенъ жалостю, и кога є само небо хтѣло да утѣши, коегъ десницу обожавайте Господине! са мномъ заедно. . . Г. Ванвиль мой є отацъ. Васъ є небо къ томе изабрало, да ме оцу момъ вратите, Вама имаћу и зато благодарити, ако се склони къ мени. Гди є Наталія? Одъ нѣ зависи, навршити срећу мою, ћу и она у томъ да участвує.“

Наталія дође; и Алексіє преповѣди іой све, што се догодило измећ' нѣга и сца. Дознавши тайну Алексіеву, одкріє чувствованѣмъ, заруменѣнѣмъ, безазленомъ и простовысокомъ (наивномъ) своіомъ радостю и свою тайну. Исповѣди имъ, да є оплакивала одсуствованѣ Алексіево, и да є врло често уздисала, што не може быти съ ньимъ заедно вртаркомъ; да іой є анђео нѣнъ хранитель на сну предсказао, да неће другогъ имати супруга, но Алексія; и да се завѣтовала,

ако іой се санъ испуни, да ће у врту, кои ће заєдно обработавати, подићи томъ анђелу хранителю споменикъ.

И Нелкоръ, и Алексіє, и Наталія отиду заєдно у Фламе, и Наталія изиђе предъ Ванвиля, одѣвена у просто селянско одѣло; умилятость и учтивость нѣна, разумни нѣни разговори, и природность духа нѣногъ, изъ кога се виђало и образженіе нѣно, све то обаяло є старца нашегъ и безъ нѣговога знања. И красота нѣна учинила ю іоштъ любведостойніомъ у нѣговымъ очима. Онъ благодари Нелкору, што є образовао Наталійно дѣтинство, и задржи га три дана у Фламеу; и за сва та три дана све є говоріо о Наталіи. Кадъ четвртый данъ да се врате ный двоє у Флери, а Ванвиль рекне Алексію: Рѣшіо самъ се, оћу да пишемъ Вашемъ оцу, и Вы сами носите му то писмо; пакъ, ако, као што се надамъ, и онъ одобри Вашу женитбу, а онъ нека дође съ Вама заєдно къ мени. Кажите ми само, како є име Вашемъ оцу.“

Садъ задркћу све жилице Алексійна тѣла, срце закуца му тако силно, да си свакій куцакъ нѣговъ ясно могао чути. „Господине, викне оцу своме, савъ стрепимъ одъ исповѣсти, коію Вамъ сада морамъ исказати. Ніє довольно, настоявати само о соизволѣнію оца мога къ женитби моіой, но опроштенѣ и помилованѣ нѣгово найнайпре су ми нужна, за ньи и мо-

лимъ Васъ, да ми ій издѣйствуєте у оца могъ.“ — „Помилованѣ, привати Ванвиль съ удивлѣнѣмъ, помилованѣ? Заръ сте му што скривили?“ — „Єсамь, одговори Алексіє тронутымъ гласомъ, грѣшногъ и каюћегсе сына треба да представите ногама нѣговымъ; ако Васъ сузе моє троняваю, то тимъ путемъ, молимъ, старайтесе ублажити га; нећу ништа да затаимъ одъ Васъ, благородногъ могъ покровителя: прва моя младость причинявала є, може быти, оцу моме млого свирѣпе печали.“ — „Како то?“ упыта га Ванвиль смућенымъ погледомъ. — „Неукротимомъ моіомъ жестыномъ, и яростнымъ моимъ жаромъ.“

Ванвиль слушаше Алексія, савъ се уздркће, укоченымъ очима гледаше у очи Алексіеве, колѣна му стану клецати и руке дрктати при свакой рѣчи, коју є Алексіє изговарао. „Ахъ, вриене найпосле Алексіє, за име єстества, за име роћене крви Ваше Господине! молитесе за помилованѣ безсмисленогъ младића, кои се кріо одъ оца своегъ, и кои седамъ година дана ніє смѣо да му на очи изиће.“ Ово изрекши падне къ очинимъ ногама. — „Ахъ несрећниче! викне отацъ, падне на нѣга и загрли га, та Ты ли си сынъ мой, Ты!“ И Алексіє єцаюћи осети, гди га отацъ сузама своимъ орошаваше. „Ахъ, настави Ванвиль далѣ, како су сладке ове сузе, коє садъ проливамъ; тецыте, тецыте потокомъ сузе сладости, млого выше горки проливао самь толико времена, садъ те-

цыте вы сладке, нашао самь изгубльна и заблуђена сына. Праштамъ Ти ій, и праштамъ Ти све, све ћу заборавити, како си ми се само вратіо. Немой само іоштъ да печалишъ старости моє; ко є ова млада дѣвойка, што ты оћешъ да ю узмешъ за жену?“ — „Небойтесе, Оче! одговори Алексіє, господична Леонвалка ніе недостойна Вашегъ имена, она є кћи капитана гренадирскогъ Леонвала.“ Садъ му се све преповћди, што се Наталіе касало.

„Одите, викне Ванвиль Нелкору, одите, и примите благодарность мою, што ми сына могъ враћате. Немогу Вамъ є изразити, но знате, колико сте ми добра учинили, вративши ми сына, сына поправившасе. Оди и Ты кћери — къ Наталіи обрнувшисе — оди и Ты кћери, крви мужа, коме вћчна буди паметь, оди, и заставляй съ другомъ твоимъ сладость стары моіи дана.“ — Тако се Алексіє вћнча съ Наталіомъ у Фламеу, но пребываo є у Флерію, оно є было Наталійно вћно. У срећи, и найчистіемъ веселю, и съ достоинствомъ проживилису они млого година, любећи єдно друго онако, као што су се любили съ првога почетка, забављаюћи се непрестано воспитаніемъ дѣце своє, и уливаюћи имъ доброту своіи срца; они се могу назвати добродѣтельнымъ домоводствомъ, кога свѣтъ іоштъ ніе покваріо. Сваке недељ долазилису они къ оцу своме у Фламе. Све троє сѣдили бы за трапезомъ, свакій по своме характеру; отацъ, као

човекъ, кога срце, задуго погружено бывше жалостю, садъ се отворило радости и веселю; сынъ, као човекъ, кои се поносіо, што є оца свогъ єданпутъ срећнымъ учиніо; а снаа, учтива и чувствителна, радуюћисе, што и она часть свою приноси къ срећи и єдногa и другога, и уживаюћи узаймну нѣжность и любовь, кою є ньима уливала. — Животъ Ванвильовъ быо є одсадъ пунъ и спокоянъ, и пролазіо є у веселой забави. Радиность, желя къ єлу, санъ, тишина душе, сладко и мирно маренѣ за годишнѣ промѣне, надежде испунѣне готово сваке године, бриге награђене, а, што є выше одъ свег' овогъ, сладко позорѣ любови и среће дѣце нѣгове, то су была добра, коя є небо за старе дане осамдесетогодишнѣгъ Ванвиля задржало. Ужитакъ нѣговъ ніе быо вече лѣпогъ, но најлѣпше вече наймрачніегъ и најстрашніегъ дана!

ЛЮБОВЬ, ЖЕРТВА ДУЖНОСТИ.

Кадъ є турско царство у єданъ махъ свомъ Асіомъ овладало, и у єдну одъ найлѣпши частій Европе ушло, и кадъ є Баязитъ освоєнія своя съ єдногъ края нѣногъ, на другій преносіо; онда є кнежина Делфи, по претрплѣнію разны судба, была у рукама линіє владѣтельне Авалоса, родомъ изъ Спаніє. Последньій мушкарацъ исте линіє умрео є; и удовица нѣгова управляла є истомъ кнежиномъ за времена малолѣтства єдине кѣери своє Туделинде. Ова є преиспунѣна была и лѣпотомъ и милокрвностю тако, да су ю заиста за найсовршеніє женско оногъ времена држали. Но духъ и добродѣтельи нѣне превазилазилесу све оне дражести. Донъ Жуанъ д' Авалосъ, єданъ одъ сродника нѣны са очине стране, буде опредѣлѣнъ, да ю узме за жену, и љубовь, више него сви узи крви, пригвожђавала є оба њина срца єдно къ другомъ та-

ко силно, да се ничимъ другимъ нису занимала, но само єдно другимъ. „Княгиньо! говоріо бы іой онъ, я небранимъ за име владѣтеля, коимъ ћу Вама быти одуженъ, име Вашегъ супруга єсть име, за коимъ я властолюбно тежимъ, оно ће сва моя срећа быти; дражести Ваше, и прекрасна Ваша свойства принуђую ме, да Вамъ се увћкъ кланямъ; Вы ћете Делфу давати законе, даваћете ій и мени; владайте Княгиньо, а мени допустите да Васъ могу обожавати.“

Приспѣ данъ, кадъ се оба младенца спреме поћи къ олтару сачетанія; храмъ є искићенъ быо цвећемъ; тамянъ и найодабранія благоуханія Арапска гориласу съ свію страна; жители су гомилама врвили, и доносили дарове своє къ ногама будући супруга; никадъ донде ніе Туделинда онако лѣпа была; да є пагазамъ выше вѣкова у онымъ предѣлима царствовавшій, и онда іошть у ньима существовао, заиста бы младу владѣтельницу држали за богиню и саме любови.

Пођу већъ и къ цркви, тди ће се торжествени узи везати, кои ће нѣжность ньину осветити. Но крикъ ужасный подигнесе съ свію страна, и велелѣпіе брачно прекинесе; гласъ пукне, да се гордый Базитъ съ три стотине иляда убоица приближуе къ Делфу, и да є науміо, обколити га. Како є морао гласъ овай дѣйствовати у онако малу државису, као што є была Делфійска! та сама слабость нѣна требало є, да ненавуче ничієгъ нападенія на себе! Одъ Грка ніе

се она могла никаквой помоћи надати; и они сами моралису се спремати къ обранћнію одъ нападенія онако очаяногъ непріятеля. Савъ Делфи предвиђао є мѣсецъ, развієнъ на обкопима своимъ, а несрећне жителѣ или подавлѣне, или одвучене у робство, кое є свирѣпіе одъ саме смрти; на све стране ниси друго видіо, но потоке суза, нити чуо до уздисаня. Како є было удовой Княгиньи! каквол' очаяніе кћери нѣной и Дон' Жуану! смртоносный ударъ поразіо ій обое. „Све є прошло, рекне Туделинда изумрлымъ гласомъ, мы смо пошли къ олтару, а сада смо у гробъ бачени!“ Донъ Жуанъ пакъ, трудившійсе улити храбрость, коіомъ є самъ преиспунѣнъ био, окренесе къ жительима Делфійскимъ, и викне имъ: „Шта, заръ мы нећемо знати, поумирати? И не чекаймо, да намъ непріятель доће подъ саме наше зидове, већъ потрчимо предъ нѣга, и поднесимо му битку. Ако насъ побѣда изда, а оно смо увѣрени, да ћемо у смрти наћи поуздану помоћь; ако ништа више, ако намъ треба престати живити, а оно продаймо поне животъ нашъ онымъ чудовиштама безчовечности скупо. Што се мене каса, съ божіомъ помоћу и съ Туделиндовомъ, я ћу ићи къ чести.“

На ове рѣчи, пуне юначества, скупштина жителя неодговори другчіе, веће несумнительнымъ рѣчма свеобштега очаянія; стра, разстроєніе, и блѣдость смртна прострти бияху по образима свію. „О сыне

мой, рекне удова Княгиня къ Дон' Жуану — моє срце веће Васъ є тако назвало — овака чувствованія безполезна су; Ваша храброст налаже Вамъ ій; но мы не имамо другогъ средства преватитисе, развѣ пружити грло као несрећне жертве предъ гвожђемъ невѣрника, и несаняймо о томъ, да се біємо съ њиме; шта ће учинити шака людій противъ потопа народа, опієны крвлю човечіомъ? Вручимо дане наше свевышњему Творцу; айдемо у цркве, и тамо, клечећи на подножію олтара, очекуймо смрть.“

Донъ Жуанъ претрне савъ одъ оваквы совѣта, назове ій раболѣпностію, и стане на ново усиливатисе, да улів свою смѣлость у прси соотечественика своіи; а они бѣдни не имау ни толико снаге, да га самo саслушаю, и рѣшесе, пасти безъ обране подъ мачемъ турскимъ.

Туделинда єдва є дисала; нове гласоноше, са свимъ престрашенс, полете у градъ, и яве, да се войска турска приближила већъ къ обкопима; и веће си съ овы видити могао віоре праа, подигнута подъ нотама коньика; буря веће стане уити, и угрожавати, да се проспе на зидове Делфійске, бывше безъ войника.

У овомъ страу обрнесе удова Княгиня, као пробудившисе изъ смртногa сна, къ околостоявшимъ, и

рекне имъ: „Я самь смислила планъ єданъ . . . и не сумнямсе . . . самъ Богъ уліо ми га . . коликогодъ су ови непріятельи имена христянскогъ жедни крви, толико су и сребролюбиви; дайте да скупимо све што имамо блага, я ћу дати све моє драго каменѣ, даћу све што имамъ, и полетимо однети све то, као данакъ нѣкій, къ ногама Баязитовымъ; не има другогъ средства, одбити овай громъ, до тогъ єдиногъ.“

На ове рѣчи стану жительи утицатисе, ко ће брже донети Княгиньи што найдрагоцѣнніє има у кући. Тако снабдѣна овымъ богатствомъ, она позове Дон' Жуана, да остане у граду; сама пакъ заєдно съ кћерю своіомъ поити у станъ Баязитовъ.

Међу тимъ граћани стану молитисе Богу по свимъ црквама, и призивати Свевышнѣга Творца, да окрене срце свирѣпога Баязита, да бди надъ коракляима княгинѣ, и да ій врати побѣдоносне одъ грозны оны прѣправа; Донъ Жуанъ међу тымъ тресаосе као лавъ бѣсниломъ зараженъ, и видећій, да ће ловъ да му се отме; разлютисе на мекость своіи сограћана, и почне оплакивати судбину, коя му може Туделинду ограбити у самый часъ, гди су любовь и бракъ ню у нѣгово наручіє поставляла.

Како найодабранііи жительи са зидова градски опазе, гди се Княгиня враћа къ граду, а они поите къ

ньой у срѣтанѣ; први већъ докуче врсте нѣны пратіоца, и устрашесе, видећи обще смућеніе на лицама свію; майка држаше у колима, коя полагано њау, умирућу ћерку свою у своимъ наручію, и говораше іой нѣшто, но она и не слушаше. Кадкадъ бы се Туделинда као иза сна своѓъ будила, и врискала бы и плакала, сама своє дане хотећи да прекрати. Нико ніе знао причине овако тронутельногъ смућенія. „Да ніе Султанъ, говорау єдни, одбаціо дарове? и да неће да исцрпи све своє бѣснило надъ градомъ, кои ніе могућанъ одбити га? Зашто ли є, веляу други, Туделинда найсмућенія одъ свію осталы?“

На сва ова пытаня, ишавша єдно за другимъ, ни-су граћани другогъ одговора получавали до єдиногъ уздисаня и до суза. Донъ Жуанъ притрчи, и падне предъ Туделиндомъ, пытаюћи: „Заръ ніе . . заръ се ніе дао умекшати Баязитъ? Та и нѣму є требало погледъ Вашъ да буде погледомъ покровительногъ божества . . . Но шта є то? . . Туделинда и не слуша ме, и не чує ме . . на лицу нѣномъ стоє сѣньке смртне . . Госпоћо! — окренесе къ майцы нѣной — каква нечувена штета бацыла є Туделинду у ово страшно положеніе? . . О любезна, о єдина Туделинде! та отвори очи . . . отвори ій, и погледай твоѓъ найнѣжнієгъ любезника . . . Шта? іошгъ ме не чуєшъ? . . Ты умирешъ? . . Госпоћо, притрчи опетъ къ майцы — за име човечества, и Бога ради молимъ

Васъ, истргните ме изъ ове пропасти! . . . кажите ми, да ніе непреклонимый деспотъ рѣшіо нашу погибель? . . И Вы ми неодговарате ништа, плачъ Васъ загушує сву . . А за име Бога, смилуйтесе, и изясните ми се.“ „Донъ Жуану! вриснe майка, не пытайте ме, не пытайте, ударъ, коимъ Васъ морамъ садъ поразити, єстъ и свирѣпіи и страшніи одъ саме смрти.“ „Тако ће Делфи преданъ быти бѣснилу чудовишта свирѣпости?“ . . „Неће, држава є избавлѣна“ . . „Држава избавлѣна! благодаримъ Те свевышныій Судіо судбина!“ . . — „Но садъ ћете се стрести Донъ Жуану! . . Да, да, Делфи не има боятисе Баязита! Но знате ли, по кою цѣну? . . Вы, Вы сами, и особито Вы быћете прва жертва.“ — Тако заръ се заклео моіой пропасти! Ахъ та садъ идемъ жертвоватисе за моє соотечественике.“ — Іоштъ єданпутъ сыне мой! Несрећа, кою Вамъ я имамъ обявити, быће за Васъ већа одъ свію страшила и найгрозніе смрти! . . при овымъ рѣчма бѣдна княгиня клоне сва, разстроисе, и преда жалости; сви ућуте и загледесе у ню, сви са страомъ очекиваy, шта ће садъ казати. Донъ Жуанъ выше одъ све скупштине жедніо є дознати, шта є то, за што се княгиня толико мучи, исказати. И, хотя да га є желя жестоко мучила, чути одъ майке, шта ће рећи, но опетъ є непрестанно гледао на Туделинду, коя бы часъ по часъ вриснула, пакъ опетъ клонула у изнеможеніе.

Єдва се майка охрабри, и проговори: „Благородни граћани! подданицы, кои заслужуєте сву любовь и свако пожертвованіє одъ Ваши господара, и Вы несрећный Донъ Жуану! безъ сумнѣ найвећегъ сожалѣнія достойный мужу, послушайте, шта Баязитъ захтѣва, пакъ да задржи мишцу свою, и да насъ не обрати у пра и пепео. Ніє ми выше одъ двадесетъ четири сата оставіо времена, да изберемъ, или да удовлетворимъ нѣговой вольи, или да видимъ, да мачъ и пламенъ прождру плачевну ову државу; онъ ште, да сутра . . сутра . . . сутра да одведемъ кћерь мою, кою є Небо Вама за супругу опредѣлило, надалеко одавде, да ю одведемъ у нѣговъ станъ, да ю удамъ за нѣга . . или сви колицы да паднемо одъ разорительногъ нѣговогъ мача. . . . — „Шта, онъ супругъ да буде Туделиндинъ?“ врисне Донъ Жуанъ, као громомъ пораженъ . . — „Да, Донъ Жуану! Баязитъ оће да ю узме за супругу предъ своимъ своіомъ войскомъ, и или я да му ю дадемъ, или одрицанѣ моє уништожиће Делфи, Делфи, и све житељ Делфійске. То є пріятельи мои, то є Донъ Жуану! вѣсть, кою Вамъ имамъ сообщити.“

Сви се окамене, и смету; но ко ће описати положеніє Княза? потрчи сирома къ Туделиндi, загрли ю, и врисне: „Любезна Туделиндо! Ты да ми будешъ отета, и да постанешъ супругомъ найсвирѣпіегъ нашегъ непріятеля? “ Истргне мачъ, и оће самъ себе

да прободе, но склептаюсе граћани, извуку му мачъ изъ руке, и почну га избавляти одъ самога себе; више дворяна стану кодъ нћга, и неодступаю ни точке єдне одъ нћга; а онъ савъ поцрвени, као рисъ, смртно ранћнъ, и викне: „Та гди ми є оружіє? Гди є? вратите ми га, да прободемъ срце моє, тисућамъ удара да га прободемъ! . . Дайте ми га, да идемъ, да убіємъ Баязита у среди войске нћгове, да ободемъ у прси нћгове мой мачъ, и да се окупамъ у крви нћговой, да се нћ напіємъ!“ — „Ахъ Господару! рекну му, помислите, да є судба Делфійска скопчана съ овымъ супружествомъ! Заръ вы не бы жертвовали своегъ живота за отечество своє?“ — „За моє отечество . . тисућу живота да имамъ, сви тисућу бы ій дао . . Но . . Туделинда да буде у наручію другогъ, и у наручію чудовишта! . . Свирћпи! Шта оћете! шта оћете! Смилуйтесе, молимъ Васъ, и будите ми убійце, удрите, и бодите, ево вамъ мога срца . . Шта? я плачемъ? Я, и да плачемъ? . Тако остав'те ме, кадъ сте толико безчовечни, те оћете да живимъ, а оно пустите ме, да самъ себи оно учинимъ, што Вы нећете да ми учините. . . Ове руке нек' ме расцћпе, оне нек' ме опросте живота, и несносногъ существованія.“

Никадъ ніє човечество у свирћпимъ своимъ искушеніяма видило нћжніегъ позорія одъ овога. Нико ніє могао одъ суза задржатисе, кадъ Туделинда, кле-

цаюћи колѣнима, и не сматраюћи на уздисаня и усиловенія майке своє, задржати ю, падне на издишуће тѣло Дон' Жуана, кои се съ душомъ боріо, и плачући проговори му: „Донъ Жуану! драгій любезниче! и драгій супруже! . . тако већъ знашъ грозну судбу, коя ми є предписана . . знашъ већъ и жертву, кою ми дужность моя налаже, устани, и знай, ко зна любити те, неће млого ни мучитисе, опроститисе живота: но, ако одбацымъ я ово мрско бреме, . . майка моя, отечество моє, сви ови ревностни и усердни подданицы, ты самъ, и ты самъ Донъ Жуану! быћете добитъ риса оногъ, кои само за нашомъ пропастю дише . . . Моя смрть бацыла бы и све васъ у гробъ! . . О Боже! о єдиный Боже! каква є ова судба, коя ме очекує?“ При овымъ рѣчма падне Княгиня у наручіе майке своє, коя є тако исто на смрти была, као и ћерка.

Околостоявши гледательи, разнѣжени при овымъ позоріяма, у очаянію викну: „Та болѣ намъ є свима поумирати, нег' да овако скупо одкупимо нашъ животъ, и животъ жена наши, и дѣце наше! Поумиримо сви до єдногъ!“ — „Не пріятельи, одговори имъ на то стара Княгиня, нашъ є редъ, умрети, а не Вашъ, колико Вамъ морамъ признательна быти за ове Ваше рѣчи? Но заръ бы пристойно было за господаре Ваше, да се они неблагороднііимъ, и нечувствительнііимъ покажу одъ Васъ? Заръ намъ нису дужности

наше исто онако свете, као што су Вама Ваше? Кћи моя . . кћи моя нека буде жертва, кою Вама приносимъ; не пытайте, оћемо ли и я и Донъ Жуанъ преживити ово грозно приключеніе; мои дани дошлису къ концу своме, я ћу ій безъ жалости вратити у руке мога Творца, одъ кога самь ій и примила.“

Садъ се сви разиђу, и Донъ Жуанъ и Туделинда остану сами; и онъ єдва живльіимъ гласомъ могаше проговорити: „Тако Туделинда да буде супруга тирана, и варварскогъ непріятеля отечества, народа, и Бога нћна! Олтари се диме іоште одъ тамяна, чекалису само, да имъ мы дођемо, и да се саставимо узима освећенымъ! Найгрознія смрть пакъ поражава ме сада, и я издишемъ, оставляюћи све што смртно любимъ, у рукама“. . Немогаше да доврши, очаяніе пресћче му бесћду. „Донъ Жуану, одговори му Туделинда, моя несрећа грозна є; садъ бы найрадія была, да последныій издисай овай часъ изданемъ! Но треба ми толико мужества имати, и живити; съ моіомъ судбомъ скопчана є судба мога дома, мое државе, и оноликн бћдны жертва, коима є ножъ подъ грломъ, ако се я не жертвуємъ! Ахъ! да чудна существованія мога! Пламтити любвомъ къ Вама, любезный княже! кою є небо пошло было да освети, и видитисе грабежомъ наймрскіегъ човека! О можешъ ли Отечество выше што одъ мене захтћвати?“

Баязитъ, нестрпѣливъ добити Туделинду, пошлѣ єдногъ одъ бегова своіи, да ю ише одъ майке; ако ли одрекне, послати ю, а оно уништожительно гвожђе дињиесе онай часъ. И тако несрећна майка буде принуђена, заниматисе приготовлѣніяма къ разстанку, кои ће іой на вѣки єдиницу одвуђи.

Куцне часъ и томъ разстанку, и Туделинда мора већъ на вѣки да остави мѣста, у коима се родила, да отета буде одъ найдражієгъ любезника. Майка є све покрай нѣ стояла, и представляла услуге, коє ће држави учинити. — „О мати моя, мати моя! шта є то умрети? но видити прекинуте свезе, коє сте Вы сами око мене везали, живити, и быти супругомъ и рабиньомъ Баязитовомъ! . . Дайте ми, іошъ єданъ путъ Дон' Жуана да видимъ!“ — „Не можешъ га ћерко моя! выше видити, не можешъ га видити! Тимъ бы само болѣтицу свою умложила, а ніе ли мѣра већъ и превршена? Старайсе, усилисе свакоякимъ начиномъ, заборавити га, заборави му и име, и изгладди га изъ твогъ срца; майку свою, отечество своє, и све, чега бы се и найманѣ могла опоминяти, избриши изъ памтеня свога! мисли, да ниси выше сама о себи, мисли, да треба, да се жертвуєшъ за срећу народа, кои ће ти дужанъ быти за избавлѣніе своє. . . Ништа друго не гледай любезна Туделиндо! ништа друго, но ово превысоко дѣло; господари земальски

нису сами за себе; судбе њине, и животи њини принадлеже подданицыма њинымъ сасвимъ, и само за ову цѣну ѣерко моя! уживамо мы найвыше величество.“

Найпосле спремисе Туделинда, и пође изъ града, не смѣвши ни запытати, дал' є Донъ Жуанъ іоште живъ; погледа майку свою, и овымъ погледомъ упыта ю, као, неима ли какве вѣсти одъ любезника нѣна; Майка чиняшесе и невѣшта томе, и обрне одъ нѣ очи; у истый ма дође єдна одъ слушкиня нѣны, и преда іой у тайности писмо нѣко; она позна рукописъ любезника свога, и, видѣвши, гди є писмо крвлю писано, сва претрне, но опетъ толико є имала мужества, те га прочита: “Туделиндо! гласаше писмо, крвлю моіомъ пишемъ Вамъ, Вы одлазите, а я умиремъ. То є єдно, што ми є іошть остало да учинимъ. Васъ губимъ, и зато или ми є требало, да отрчимъ, и Баязита са сто удара да прободемъ, или самомъ себи животъ да прекратимъ, и остатакъ существованія да прекинемъ. Я Вашимъ стопама слѣдуємъ; разораваюћи ово чудовиште, кога се гнушавамъ, я самъ причиніо паденіе отечества мога. Тога ради и раздиремъ ово срце, срце, преиспунѣно самымъ Вама. Вы, кою самъ я обожавао, Вы у туђемъ наручію, у наручію свирѣпога! . . предана чувствованіяма . . . Ова помисао ускорава мою кончину . . . Но нисмо ли мы безсмртни? Нећемо ли се опетъ састати и видити у блаже-

нымъ онымъ мѣстима, гди добродѣтель, и чиста любовь мораю награду свою да получе, и у коима неће быти срећны тирана? Немогу Васъ видити при поласку Вашемъ Туделиндо! перо пада ми изъ руке . . Смрть . . . Примите последньій издисай несрећника . . . кои є Вама животъ свой посветіо“ . . .

Туделинда врисне страшно, и Майка іой дозна причину новогъ очаянія; и она се разстрои съ ньомъ заедно; но време є къ разстанку, мрскій Баязитовъ посланикъ чека, жертва му буде вручена. Полумртва буде одвучена она подъ шаторъ грабителя: разстроєніє жене єдне, предане жалости, разплетена нѣна коса, прси нѣне наводнѣне сузама, и срце непрестано куцаюће требало бы да су желанія и найраспуштеніє любови утолила, но у Султану іоште су ій већма распалила; онъ є подобанъ быо ричућемъ рису, кои є нестрпѣльивъ већъ дочепати єданпутъ ловъ свой.

Баязитъ узме Туделинду за супругу, и одъ дана на данъ све се више залюбльивао у ню. Но на ню нападне полагано и сува болесть. У сладкимъ пастирскимъ часовима съ Баязитомъ нашла є средство довести га до тога, да іой зада рѣчь, да ће домъ нѣнъ и државу нѣну одржати у цѣлости, и почемъ бы она очи затворила; и зато ніє више имала боятисе ни за майку свою ни за мѣста, у коима се родила.

Онда узме отровъ, и отруєсе, пакъ наручи єдной одъ найвѣрніи своіи слушкиня, да отиде майцы нѣной, и да іой каже, да є она све навршила, што є дужна была матерньой любови, и любови къ отечеству, а садъ да є расположила сама съ своіомъ судбомъ, и да иде, да се састане съ Дон' Жуаномъ.

Баязитъ є мало времена за ньомъ жаліо, и узме за супругу Милеву, кѣерь кнеза Лазара и Милице. Но не одржи рѣчи, кою є задао био Туделинди, вечъ оглоби государство Делфійско, и присоедини га къ осталымъ своимъ ограблѣніяма.

ПРИЛОЗИ.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

СПОМЕНИКЪ

ВСЕОБЩЕ РАДОСТИ СРБСКЕ

НА ПРЕСРЕЋНЫЙ ДОГАДЬАЙ,

КАДЪ СУ

ВЫСОЧАЙШИМЪ ХОДАТАЙСТВОМЪ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕГЪ ДВОРА РУССІЙСКОГЪ,

А ИМЕННО БДИТЕЛНЫМЪ НАСТОЯНІЕМЪ ПРИСУТСТВУЮЋИ САДЪ У ЦАРИГРАДУ ОПОЛНОМОЋЕНЫ РУССІЙСКИ ПОСЛАНИКА:

ТЪ ПРЕВОСХОДИТЕЛСТВА

ГРАФА ОРЛОВА И ГОСП[illegible] БУТЕНЕВА,

ОТДѢЛЕНИ БЫВШИМ ПРЕДЕЛИ СЪ СЕРБІОМЪ НА НОВО СОЄДИНЕНИ, И ПРЕЋАШЊЕ ГРАНИЦЕ [illegible]СТЕ З[illegible], СУЛТАНОМЪ ТУРСКИМЪ МАХМУДОМЪ II. ОПЕТЪ ПОТВРЂЕНЕ.

Какви зрацы сву Сербію красе,
Каква сяйность свудъ се просипа!
Какве слушамъ превеселе гласе,
Каквый восторгъ Сербе обима!

Што с' от' свуда на молитву спѣши,
Тиха жертва Богу приноси!
Благодарность на лицам' се смѣши,
Вопный оум'ямъ къ небу с' возноси!

Што се славе села и градови,
Гостбу чине, торжественный пиръ!
Поля, њиве, лѣси и садови,
Божій храмъ и светый Манастиръ!

Срећный пастиръ стадо чуваюћи,
У двойнице свира радосно;
Тежакъ чисту пшеницу сѣюћи,
Вольномъ срцу пѣва удесно!

Майка чедо съ песмомъ успавлюе,
Отацъ сына рабри съ утѣхомъ;
Старо, младо, веселость чувствуе,
Питаћ'се сладкомъ надеждомъ!

Веселисе богатъ и сирома,
Малењ, големъ, селякъ, граћанинъ!
Нит' є тога у Сербіи дома,
Гди не пѣва свакій полъ и чинъ!

Шта є томе причина веселю?
Кои узрокъ обще радости? —
Єръ КНЯЗЪ СВѢТЛЫЙ садъ испуни желю,
Найсилнію іоштъ одъ младости!

Срећно Србство ніе выше Рая,
Земля добы старе границе!
Моћнымъ средствомъ ЦАРА НИКОЛАЯ,
Роду Србскомъ сяйне Данице!

Посланике Онъ къ Султану шаље,
Да с' испуни светый уговоръ;
Царъ праведный не отлаже дале,
Што закгева СВѢТЛЫЙ РУССКІЙ Дворъ!

Благо теби, Сербіо пресрећна,
Кадъ те храни снажный Ходатай!
Къ Богу некъ є молитва ти вѣчна:
„ЦАРЪ да живи дуго НИКОЛАЙ"!

И Посольство дуго некъ поживи:
Бистрый ОРЛОВЪ, мудрый БУТЕНЕВЪ!
Конъ с' уму сва Европа диви,
Врази ужасъ чувствуютъ и гнѣвъ!

Нека живи дуго іоштъ и срећно,
КНЯЗЪ Ти МИЛОШЪ, Возлюблѣный твой!
Хвално Име нек' Му с' слави вѣчно,
Єръ Онъ срећнымъ Родъ учини Свой!

Димитрій Исаиловићъ, Администраторъ Типографіе.

STIMME
DER FREUDE

AM TAGE

Der herangelangten frohen Nachricht

VON DER ERNENNUNG

SEINER EXCELLENZ

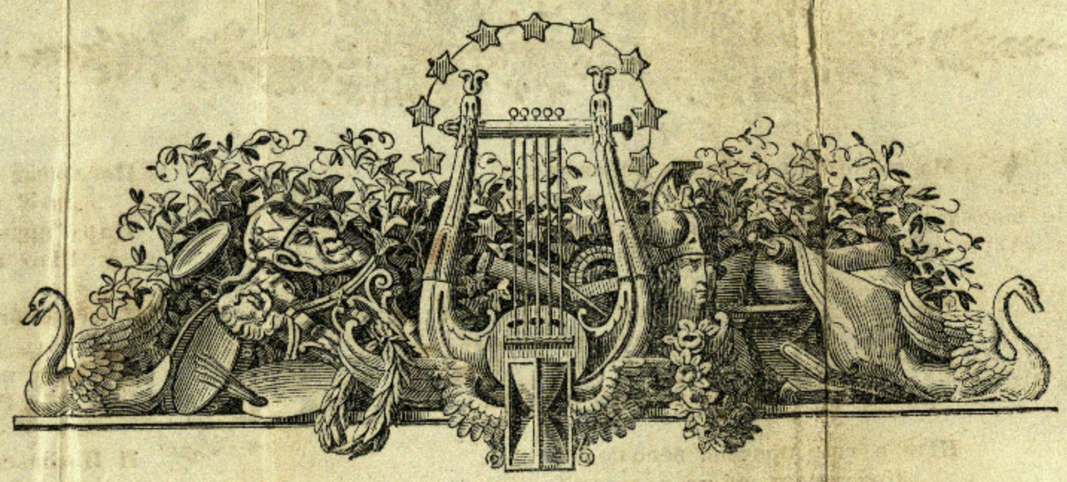
DES

HERRN RITTER VON FOITH,

Kaiserlich-Königlichen Generals, Militär-Commandanten zu Semlin, Ritter des Kaiserl. Königl. österreichischen Leopold-, dann

Ihres Ordens zweiter Classe,

GENERAL - FELDMARSCHALL - LIEUTENANTS - RANGE.



An der Gränze Seiner weiten Staaten
Nie vergisst der gute Kaiser FRANZ,
Wohlverdienten, tapferen Soldaten
Stets zu winden hehren Lorber-Kranz.

So auch DEINE Thaten und Verdienste
Konnten SEINEM Auge nicht entgeh'n!
FOITH'S, des Helden, Thätigkeit im Dienste
Durfte jedem Lohn entgegen seh'n!

Heil DIR, wackrer, ehrenvoller Krieger,
Zu dem neuen, hochverdienten Rang'!
Vor dem Laster, wie vor'm Feinde Sieger,
War DIR Tugend stets DEIN stärkster Hang!

Heil auch DEINEM Ritterlichen Hause!
Hoher Ruhm und stetes Wohlergeh'n,
Lust und Frohsinn, beim Geschäft und Schmause
Ist's, was täglich wir für DICH erfleh'n!

IN TIEFSTER EHRFURCHT GEWEIHET

von

ADOLPH BERMANN,

Director der Fürstlich-Serbischen Buchdruckerey in Belgrad.

ФЕОДОРА.

ПОЗОРИЩНА ИГРА СЪ ПѢВАНѢМЪ

У

ЄДНОМЪ ДѢЙСТВІЮ.

(Поводъ є къ тому истинитый догађай дао.)

ИЗЪ

ДѢЛА КОЦЕБУЕВЫ

ПРЕВЕДЕНО

ДИМИТРІЄМЪ ІСАИЛОВИЋЕМЪ.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ ОРПСКЕ 5833

ДѢЙСТВУЮЋА ЛИЦА:

Царъ.
Маіоръ Вилликофъ, богатый землѣдержацъ.
Марія, сестра нѣгова.
Іванъ Петровиѣъ, Уякъ ныовъ.
Феодора.

Позориште є соба на земальскомъ (польскомъ) добру Маіора, на друму међу Москвомъ и Петербургомъ.

ПЕРВО ЯВЛЕНІЄ.

МАРІЯ сама.

Пролеће се красно указало,
Зеленило брезе подмладило,
Любичица мирисъ просиплѣ;
Одъ запада землѣ шилю вруће
Сладкогласне госте пѣваюће,
Ластавица у гнѣзду цвркуће,
Кукавица већъ се одзивлѣ.

Съ дѣтскимъ духомъ я чувствуємъ рѣдку
Радость, гледећ' у свакоме цветку
Живогъ Бога видъ и образъ самъ;
Гди црвићи тамо амо гмижу,
Гди се сунца неброєна движу,
Тамо теби ствари све подижу
Велелѣпанъ о природо, храмъ!

ДРУГО ЯВЛЕНІЄ.

МАРІЯ. МАІОРЪ.

Маіоръ. Добро ютро, сестро. Ты већь тако весело певашъ?

Марія. Шеве знаду болѣ.

Маіоръ. Доиста, шеве су срећна створеня.

Марія. А знашъ ли зашто?

Маіоръ. Єръ се свободи своіой пѣваюћи радую.

Марія. Ніє зато. Шеве свободне? Кудъ си се ты део? — Пролећа вѣстницы, любови пѣвачи — два важна званія; Одъ ра'не зоре па до мркла мрака єднако сотимъ посла имаю. Не, я шеве за срећне почитуємъ, због удовольствія ньовогъ. Одма у Априлу месецу, кадъ є кодъ насъ све іошть снегомъ покривено, кадъ се текъ гдикои в'ръ брежулька, или высоко каково мѣсто у полю єдва голо укаже, ето ти милы гостію овы већь, па се задоволѣ съ местанцемъ онымъ, и поздраве га изъ воздуха съ трубогласнымъ пѣванѣмъ своимъ. А напротивъ тога познаємъ дикоє люде, коима се брда и долине на неколико миля унаоколо зелене, па опетъ найлепша ютра пролећня съ уздисанѣмъ поздравляю.

Маіоръ. Ты мене сотимъ разумѣвашъ?

Марія. Да кога иначе? Ніє те стидъ заръ? Човекъ одъ 30 година, Маіоръ по срећи и заслуги, притяжатель красногъ добра польскогъ, братъ любови пуне сестре, и при свемъ томъ некій родъ човекомрзца!

Маіоръ. Оћешъ да знашъ?

Марія. Доста зло, да о томъ топрвъ пытати морамъ.

Маіоръ. Е добро, знай дакле. — Ахъ сестро! Я любимъ.

Марія. О, да грдне несреће! Не любишъ ли Прінцезу Турандотъ?

Маіоръ. Стидимсе избора мога.

Марія. То онда и не любишъ.

Маіоръ. Тай стидъ є мука моя.

Марія. А моя, любопытство.

Маіоръ. Феодора —

Марія. Наша красна Незнаница?

Маіоръ. Три су месеца већ ево протекла, како самъ сандпутъ у вече у помрчини покрай меане наше прошао. Лепа, полу смрзнута девойчица, сеђаше плачући у снегу. „Што плачешъ?“ запытамъ є. Она се ужасне, и ућути. „Теби є зима, дете мое. Зашт' не идешъ у нутра?“ Погледи ме сузнимъ очима, тресући главомъ. „Немашъ мож' быти новаца?“ запытамъ є опетъ, и машимсе у џепъ. Она ми на то покаже край мараме свое, у кои є неколико копћека завила была.

Марія. Накратко рећи, ніе тела унутра да уђе, єръ су піяни солдати у меани были. Ту си ми Исторію већ сто пута приповедао.

Маіоръ. Я іой покажемъ прстомъ близу лежећій домъ нашъ. „Ако стреє и прибѣжища неимашъ,“ рекнемъ іой, „а ты пођи замномъ.“

Марія. Оклевала є, докъ ніе разумела, да честну сестру имашъ; после дође за тобомъ, и падне у моя наручія.

Маіоръ. Одъ тогъ є времена свакій данъ све нове дражести тѣла и душе на себи развіяла.

Марія. Па су те дражести Господина брата могъ обаяле и свезале.

Маіоръ. Навекъ!

Марія. Гле гле! Истина, и мени се у почетку тако учинило, канда се є допала очима твоима; но одъ неколико неделя већь чини ми се као да є избѣгавашъ?

Маіоръ. Са стидомъ и неповольностію признаємъ ти: У почетку самь мысліо, да право имамъ —

Марія. Сматрати є као протуву неку?

Маіоръ. Умилна честность и благонравіе нѣно одъ тога ме є удржало.

Марія. О томе самь те я одма, прво ютро іоштъ, болѣ известити и уверити могла. Я самь є искушавала, душа є нѣна чиста.

Маіоръ.

Чиста іой є као етеръ душа,
Тежку бригу подноси іой грудъ.

Марія.

Но шта брижно утаит' намъ куша?
Дознат' бяше сустанъ намъ трудъ.

Маіоръ.

Тайно трпи нит' се кадъ жалує,
Нитъ се узрокъ тихой туги зна.

Марія.

Смешећисе крозъ плачъ ответствує,
Свакогъ уста молећ' затвора.

Обоє.

Хтет' помоћи, а не моћи —
Ахъ дал' тежка стварь!
Не смет' гди се мож' помоћи,
Већій іоштъ ударъ!

Марія. Алъ зашто све нешто таи и крије одъ насъ? — От' кудъ є дошла? Зашто сама? Пешице? Куда є тежила? Тежко да є къ нама, и опетъ се овде задржава — при томъ кан'да неку немирну брижльивость на себи показує, као да не жели овде остати, но да се съ другомъ некомъ намеромъ занима. Съ великимъ любопытствомъ брзо прегледа прве вѣсти Петербургски Новина. Шта то значи? — Одпре негди истрча іой речь изъ уста: да се нада скоро насъ оставити.

Маіоръ. Оставити? — Томе се надала заръ? — Єлъ заиста ту речь надатисе употребила?

Марія. Єсть єсть, брате любезный, я ти помоћи не могу.

Маіоръ. Ахъ сестро! Я безъ нѣ живити не могу.

Марія. Рѣава утѣха за ме. Она одлази, ты за ньомъ; а я остаємъ сама.

Маіоръ. А заръ башъ мора она одлазити? — Марія! нашло бы се може быти средство задржати є —

Марія. Истина, кадъ бы ты —

Маіоръ. Я іой ево даємъ руку мою, моє срце, мой степенъ, моє иманѣ —

Марія. Непознатой девойки?

Маіоръ. Име іой, и судбе нѣне не знамъ, но срце ми є нѣно познато.

Марія. Девойки кою си на сокаку нашао? Єдной просіячки?

Маіоръ. Во истину она ніе на то роћена. Но несрећна дѣвица, коя є своіомъ нуждомъ наше сожалѣніе, а добродѣтелію почитаніе наше себи заслужила.

Марія. А изъ тогъ двога постала є любовь.

Маіоръ. Найчистія, найпламенитія любовь!

Марія. Но пре бы требало знати —

Маіоръ. Што є пріятелю утаила, то ће супругу открити.

Марія. Ако ли оно што се откріе, не буде повольно? Онда ће се супругъ каяти, алъ доцканъ. Требало бы баръ да чекашъ, докъ се Уйко нашъ на-

трагъ врати. Ты знашъ, како се силно и онъ за Феодору інтересирао, силніє скоро, него што се годинама нѣговима пристои; ты знашъ, да є онъ не пазећи на свою костоболю, путъ у Москву предузео, да іой тамо у трагъ уђе; єрбо се єданпутъ у разговору издала, да ю є путъ нѣнъ изъ Москве къ нама довео. Тако га свакій данъ и часъ очекуємо.

Маіоръ. Я га доиста не очекуємъ, єрбо бы се стидіо, кадъ бы и найманю сумню и подозреніе о невиности Феодоре имао. Молимъ те сестро, приуготови є; єръ видимъ, да самь готовъ, данасъ іоштъ срце іой моє откriти. Кадъ то чує, кадъ у благодѣтелницы своіой сестру опази, онда ће може быти любовь моя повѣреніе у ньой возбудити. Ако ли не, то ћу я съ моимъ повѣреніємъ да є застидимъ. „Феодоро", рећи ћу іой, „я те за благородну дѣвицу држимъ, нећешъ мыслимъ благородногъ човека преварити. Нећу да знамъ, тко си; оћу бистромъ погледу невиности да веруємъ, кои ти є срце моє придобыо.

Марія. Тако ли є съ тобомъ? Е добро, покуша' ћу іоштъ єданпутъ, да тайну нѣну испытамъ. Може быти да ће ми любовь твоя ключъ къ тому позаймити. Но поставимо случай, ако признаніе нѣно нашимъ желаніяма не соотвѣтствуе, ако текъ само породъ нѣнъ, нѣно станѣ грдну пропасть међу ньомъ и тобомъ отворе — оћешъ ли ты онда свакій предразсудакъ над'ячати?

Маіоръ. Среħа любови све ħе ми накнадити!

Марія. Да л' и саму милость доброгъ Монарха твогъ? Онъ, кои се за любовь Отца нашегъ тако отечески на теби показао, оħе ли Онъ такавъ корачай одобрити?

Маіоръ. Кадъ є види и позна.

Марія. Но пытанħ є: оħе ли є видити? оħе ли є познати?

Маіоръ. Може быти! мож' быти данасъ іоштъ. Заборавіо самь ти казати — куриръ є єданъ садъ управо овуда итно прошао; Монархъ, враħаюħисе у државе своє, овде є близу, на неколико миля само одъ насъ преноħіо. Проħи ħе управо овуда, покрай польскогъ дома нашегъ; надамсе, да ħе ме се опоменути, съ кола сиħи, и мало се кодъ насъ задржати. Тада ħу му представити Феодору. Све што є красно, лако налази путъ къ благородномъ срцу нħговомъ. Онъ ħе одобрити изборъ мой, и я ħу му съ тимъ већу ревность у служби показивати.

Марія. Заиста, налазисе іоштъ дигди зрно горушично вѣре; и то се понайвыше кодъ залюблħны наħи може. Ньима никаква гора одвеħь высока ніє; за єданъ часъ ю преместе, пакъ по равномъ друму весело путую.

Маіоръ.

Чисте любве сила волшебна
Дерзко ħе ме у высъ подиħи,

Єръ ће нова сладость небесна
Радостанъ ми животъ постиѣи!
Къ блага свакомъ роду
Духъ ми є клонутъ,
Крозъ ватру и воду
Любовь крчи путъ!

Гди Херой оклева
На крвавый бой,
Ту любовь воспѣва
Гласъ побѣде свой!

Чисте любве сила волшебна и т. д. (оде)

Марія. Добрый брате мой! Твой є часакъ избіо већь; кадъ се є юнакъ у Прайзской и Фінландіи онако храбро противъ непріятеля држао, онда іоштъ ни саняо о томъ ніє, да ће на явномъ друму, предъ собственомъ меаномъ своіомъ, одъ Руске девойчице єдне зароблѣнъ быти.

ТРЕЋЕ ЯВЛЕНІЄ.

ФЕОДОРА. МАРІА.

Феодора. Молимъ да ми дате лана, мила Господично. Онай, што сте ми юче дали, већь є опредењъ.

Марія. Шта Феодоро? Та на три дана самь ти посао дала. Ты си одвећь прилѣжна.

Феодора. Вы се шалите. Богъ бы дао, да Вамъ благодѣтелность Вашу прилѣжанiемъ моимъ накнадити могу. Вы сте ме тако любовно прiнмили, тако нѣжно самномъ поступате, а я тужна ништа немамъ, ништа не разумемъ! само Вамъ съ речма, само са сузама благодарити могу.

Марiя. Ако доиста желишъ, iоштъ выше благодарна се показати — ?

Феодора. Можете ли се сумняти о томъ?

Марiя. Е добро, у твоiой власти стои, богато накнадити, мени и брату момъ.

Феодора. Съ чимъ?

Марiя. Съ повѣренiемъ.

Феодора. Ахъ!

Марiя. Ты потайну неку тугу у срцу носишъ —

Феодора. Истина.

Марiя. Мож' да бы мы помоћи могли?

Феодора. О, не можете!

Марiя. А то бы намъ тако мило было!

Феодора. Знамъ доиста, но то не стои у Вашой власти.

Марiя. А оно баръ сообщенiе сваку тугу олакшава.

Феодора. Не смемъ.

Марiя. Шта ти не допушта?

Феодора. Строга забрана, светый завѣтъ

Само се єдномъ човеку на свету жаловати смемъ, и тугу мою исказати.

Марія. Тко е тай? Зашто га не тражишъ?

Феодора. Одавно га већь тражимъ; Богъ ће дати, те ћу га заръ наћи!

Марія. Гди?

Феодора. У Петербургу.

Марія. Па зашт' не идешъ тамо?

Феодора. Іоштъ ніе часъ къ тому приспѣо.

Марія. Да немашъ може быти — у совѣсти гријеху какову? Младость лако погрѣши, покаяніе изглађує. На молчальивимъ прсима пріятельице можешъ слободно безъ сваке опасности облакшати срце твоє.

Феодора. О не, любезна Господична, нисамь я недостойна доброте Ваше.

Жалость ме є залюляла
Могъ живота првый часъ,
Тужна майка докъ є чула
Ядногъ чеда плачанъ гласъ;
Мутна, ладна моя младость
У сузама прође сва;
Но чистоту и невиность
Грудъ ми свагда задржа.

Марія. Сердечно ти веруємъ, и Богъ бы дао, да скоро награду прећашньи страданія твои получишъ! Судбина те є чудеснымъ начиномъ къ нама довела; о кадъ бы кодъ насъ срећу и миръ наћи могла!

Феодора. Ніє овде цѣль завѣтногъ путованя могъ.

Марія. Тко зна! Мой те братъ люби — онъ є богатъ, у чети, красногъ стаса, и, што є найвыше, поштенъ човекъ. Учини'ће ти предложенія, одъ кои не треба да се застидишъ. Я 'ћу те съ радосћу сестромъ именовати, и може быти да'ће сестра оно повѣреніе добыти, коє си пріятельицы тако упорно отрицала.

Феодора. Братъ Вашъ има найсветія права на моє почитаніе, мою благодарность, и — защт' не бы признала? такоћеръ на любовь мою; но — я слободна нисамь, нити сама себи принадлежимъ. Удаляйте сваку прилику любезна Господично, да братъ Вашъ самномъ говорити може, баръ за садъ іоштъ не. За садъ єдной само жельи, єдномъ само чувствованію у срцу момъ места дати смемъ. Морала бы га опечалити, а то бы ми превеликій болъ срцу задало!

Марія.

Онъ се нада — па просто му! — выше не зактева,
Любовъ ти є исто дете, у радости пѣва;
Куће гради по воздуху, и по песку пише,
Играчка є надежда іой, съ ньомъ живи и дише,
Изъ нѣ себи златанъ кончићь извлачи и преде;
Некъ слободно сви є руже, и попреко гледе,
Само некъ іой ту играчку ни съ чимъ не повреде. (отиде)

ЧЕТВРТО ЯВЛЕНІЄ.

ФЕОДОРА сама.

И то іошть! — Заръ ніє већь довольно муке срцу моме, што ме совѣсть изобличава, да одъ оногъ времена, како се у дому овомъ налазимъ, више пута такови сни на ме нападаю, кои мож' быти нигда — или баръ пре небы требало да ме обузимаю, докъ велико, завѣтно намѣреніе моє не постигнемъ? — Ніє ли већь неколико пута образъ младогъ човѣка овога почитаєме оне черте у души моіой ослабіо, коє светымъ дерзновеніємъ треба да ме одушевляваю? — О опрости! опрости! — Оћу постояна да останемъ — нитћу игда заборавити, тко є последню надежду свою на мене положіо. Никаква сладка примама нећe ми више изрядну цѣль испредъ очію уклонити! — Брзо, Феодора, укрѣписе ужасномъ пѣсмомъ, коє су гласи толико те пута внутреннѣйше возбудили. (Счепа гитару коя на асталу лежи, и удешава є къ певаню)

У Іртиша бистру рѣку
Ронимъ горке сузе я,
Гди ватренне струє теку,
Кадъ ми сѣверъ крвлю с'я!
Већь подъ овымъ вѣчнымъ ледомъ
Вѣрно срце почива,
Но у старцу ахъ погнутомъ
Вѣчна туга іошть тиня!

Већь ме сузны по степены
Мрачногъ гроба чека ноћь —
Но смрть грозна не сме къ мени,
Чеду с' иште іоштъ помоћь!

(Испусти гитару и плаче.)

ПЕТО ЯВЛЕНІЄ.

МАІОРЪ. ФЕОДОРА.

Маіоръ. Феодоро, ты плачешъ?

Феодора. Певала самь єдну песму, кою самь као дете често слушала. Старе просте песме одвећь су трогателне.

Маіоръ. Єлъ сестра моя съ тобомъ говорила?

Феодора. (забунћена.) Была є задовольна съ моимъ прилћжаніємъ.

Маіоръ. О томе ніе речь. Заръ ніе о мени говорила?

Феодора. О Вама?

Маіоръ. О мени, съ тобомъ?

Феодора. Єсть доиста, то свакій данъ быва. Добра сестра радо говори о любимомъ брату своемъ, благодарна сирота слуша радо.

Маіоръ. Ты избѣгавашъ одговоръ — нећешъ заръ да ме разумешъ?

Феодора. Молимъ Васъ за име Божіе! поштедите ме!

Маіоръ. Поштедити? — Да честанъ човекъ найчистія чувствованія своя премолчати мора, то ты називашъ поштедити?

Феодора. Немойте къ срцу пріимати — сматрайте ме као болестницу, коіой се ни пріятно што сообщити несме, докъ лѣкаръ не дозволи.

Маіоръ. Гди ћу да нађемъ лѣкара тогъ? Именуй ми га, да га пытамъ о томъ.

Феодора. Ахъ! я га чекамъ съ ономъ жельомъ, съ коіомъ се Родитель очекуе!

Маіоръ. Па ако доће — ?

Феодора. Онда се уздамъ у Бога, да ће ми помоћи! Онда ми се будућность осмеуе на ме!

Маіоръ. А мени?

Феодора. Ваша ће срећа моя свакданя молитва быти.

Маіоръ. Непостижима дѣвойко! нисамь заръ заслужіо повѣреніе твое?

Феодора. А може ли се дати свагда оно. што е заслужено?

Маіоръ.

О кадъ ће та мила уста
Ћутанѣ окончати!

Ф е о д о р а.

О кадъ ће ми конацъ пуста
Надежда указати?

О б о є.

Срцє непризнано
Затворасе безъ волѣ,
Горко, но потайно
Сноси своє неволѣ.

М а і о р ъ.

Но ако га с'круши жалость,
Самъ Богъ некъ ти опрости!

Ф е о д о р а.

Силу 'ће ми света дужность
Къ довершеню подати!

О б о є.

Постоянство с'дружено
Кадъ є съ добродѣтельи,
Сваку цѣль є возможно
Достигнути любови.

М а р і я. (отвори врата.) **Уякъ намъ є дошао!** (исчезне.)

М а і о р ъ. Ха! Да л' є баръ онъ у своимъ изслѣдованіяма срећанъ био!

ШЕСТО ЯВЛЕНІЄ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЋЬ, ПРЕЋАШНЬІИ.

М а і о р ъ (на сусретъ му изишавши.) **Добро дош'о, милый Уяче!**

Иванъ Петровићь. Ево ме, ево! — Могао самь слободно и кодъ куће остати, исто бы толико знао, као и садъ што знамъ. Добаръ данъ, милый мой Нећаче! Ако ћешъ да знашъ, кости су ми по неравномъ путу и незгоднимъ ћупріяма до зла Бога стрешене. Но и право ми є; шта самь имао по Москви тражити? (гледи попреко и неотице на Феодору.) Добаръ данъ, Феодоро.

Феодора (поклонисе съ почитаніемъ.)

Иванъ Петровићь (на страни.) Притворница! Ко бы то мысліо, гледаюћи на ню? — Тако ми вѣре! не изгледа ли као анђео, кои є садъ управо праведну душу у нѣдро (лоно) Авраамово однео?

Маіоръ. Одвећь самь любопытанъ, любезный Уяче, догађає путованя Вашегъ разумети.

Иванъ Петровићь. Нису башъ тако изъ далека.

Незгодно самь путовао узъ брдо низъ брдо,
Проко чачка и каменя, прескоро и грдо!
Праа се овде у высъ диже, онде искре кресну,
Онде звонце оглашрє на веселу пѣсну;
Доста пута и Извошчикъ беше се опіо,
Овда руда пребієна, онда с' клинъ сломіо.

Овде пси ме окупили, па реже и лаю,
Онде люди съ преварама муку ми задаю;
Часъ принужденъ молити іи, часъ грдити ружно,
Къ терпѣнію часъ прибѣћи, и тѣшитсе тужно;
Докъ найпосле, на претрудной путованя стази,
Око моє златне куле из' далека спази.

Маіоръ (одвуче га на страну.) **Єсте л' у Москви ушли у трагъ?**

Иванъ Петровићь. **Мыслимъ да єсамь.**

Маіоръ. **О казуйте брзо!**

Иванъ Петровићь. **Вѣсти моє нису најповольніє. Наличина** (ларфа) **невиности преварила насъ є.**

Маіоръ. **Невозможно.**

Иванъ Петровићь. **Кадъ є я овако гледимъ, и мени се чини невозможно. Но нећу выше сасвимъ да є гледамъ, лукаву Притворницу.**

Маіоръ. **Стоимъ као на жеравицы, приповедите ми —** (међу овымъ разговоромъ стои Феодора учтиво подалеко, и занимасе пристойнымъ начиномъ.)

Иванъ Петровићь. **Но, познато ти є, да є верховный Поліцаймайстеръ у Москви старый мой пріятель. Најпре и најпре отидемъ къ нѣму. Приповедимъ му нашъ чрезвычайный догађај, да си ты залюблѣнъ; да по готову и я тако рекавши беса у себи имамъ; да се ни речца изъ нѣ извући ни измамити не може; и да бы при свемъ томъ одвећь ради были знати, у кога смо се управо залюбили и залудили? — Ето гле, рекне ми, а заръ є нисте пытали, гди іой є пасошъ? — Безъ сумнѣ, одговоримъ му, ал' є пасошъ свой изгубила. — То є подозрително, придода онъ. — Но она є изъ Москве къ нама дошла, рекнемъ я, и опишемъ ти є одъ главе до пете, дошавши при томъ мало у ватру. На то се осмене**

мой старый пріятель, и примѣти, да залюблѣнъ човекъ найболѣ може лично описаніе за случай какве потребе сочинити. Даде одма єдногъ одъ найвештиіи свои служителя дозвати, и овай ти за неколико дана ствaрь срећно пронаће.

Маіоръ. Заръ тко є, и како є?

Иванъ Петровићь. То не, но от' кудъ є дошла.

Маіоръ. Ио?

Иванъ Петровићь. Изъ Сібиріе.

Маіоръ (ужаснувшисе.) Изъ Сібиріе! ?

Иванъ Петровићь. Да како. Покажесе са страомъ на капіи. Єдномъ простодушномъ поліціе Чиновнику почне казивати ону исту мзмышлѣну басну о изгублѣномъ пасошу своmъ; а кадъ ти овай постояно и строго стане испытывати, откудъ иде? онда ти она муцаюћи и запинюћи призна: изъ Тоболска.- Наравно зажели онъ ствaрь іошть точніе истражити, одведе є мећутимъ съ найвећомъ учтивостію у своє обиталиште, не подозреваюћи никаква зла одъ овако честногъ, благогъ лица; хтедне у итошти само іошть мало неко дѣло окончати, а кадъ ти до єдногъ часа натрагъ доће, а нѣ ни одъ корова.

Маіоръ. Хм! чрезвычайно и непостижимо!

Иванъ Петровићь. Непостижимо? Ни найманѣ. Я мыслимъ, девойчица, коя изъ Сібиріе иде, тако сама самцата, тако брижльива и страшльива, безъ

пасоша — млада лепа ацинница, коя поліцію тако вешто избѣгава — та є мыслимъ лакомысленой девойки тако исто подобна, као што є у рѣки Неви єдна капь другой.

Маіоръ. Не осуждавайте тако брзо, любезный Уяче.

Иванъ Петровићь. Брзо? До беса! Целе четири неделѣ дана самь се я точковима трти дао, да истини у трагъ уђемъ.

Маіоръ. Теретъ овогъ подозренія не могу више сносити. — Како бы было? да іой я све то изненада у очи кажемъ?

Иванъ Петровићь. Чини што ти драго. Я руку мою одъ нѣ сасвимъ одпирамъ.

Маіоръ. Ахъ! я срце мое одъ нѣ оттергнути не могу, докле годъ сама не призна — (по нѣкомъ боренію.) Феодоро!

Феодора. Шта заповедате?

Маіоръ. Дођи ближе — гледай у мене —

Феодора. Зашто ме мотрите тако снуждено?

Маіоръ. (управо іой у очи гледаюћи.) Ты си дошла изъ Сібиріе?

Феодора. (обезекнесе. По некомъ ћутаню рекне тихо.) Єсамь.

Маіоръ. Єсил' рођена онде?

Феодора. Нисамь.

Маіоръ. Дакле тамо послана?

Феодора. Єсть.

Маіоръ. Зашто?

Феодора. Поштедите ме съ тимъ вопросомъ.

Иванъ Петровићь. Ал' ту є башъ чворъ.

Маіоръ. Феодоро! Шта ћу да мыслимъ о томъ?

Феодора. Никаково зло, ако можете.

Иванъ Петровићь. Єсть, ако може. Кои бесъ може добро што о томъ мыслити? Честне девойке не шилю се у Сібирію.

Маіоръ. Могуће є, да ти се особита какова несрећа догодила?

Феодора. Тако є заиста.

Маіоръ. Пакъ ты зато опетъ можешъ невинна быти.

Феодора. То єсамь.

Маіоръ. Но у овомъ бы случаю ты говорила, изяснилосе —

Феодора. Не смемъ.

Маіоръ. Вовћрила бы се добримъ людма, кои су те чистосердечно и любовно пріимили.

Феодора. Єсте то чинили, доиста!

Маіоръ. Кои те любе, — кои бы тайну твою верно сохранили —

Феодора. Я никакве тайне неймамъ.

Иванъ Петровићь. Каково упорство!

Феодора. То ми є найтежій болъ на срцу, што се неблагодарна чинити морамъ.

Маіоръ. (горестно.) Чинити? ты єси неблагодарна.

Феодора. Ахъ!

Иванъ Петровићь. И сама ћешъ већъ увидити, да, при оваковимъ обстоятелствама, овде у кући дуже остати не можешъ?

Феодора. Ићи ћу дакле.

Иванъ Петровићь. О ніе тога доста. Мы ћемо дужностъ нашу чинити. Ты неймашъ пасоша, тако ћемо те предати поліціи.

Феодора. Чините, што годъ Вамъ се право види.

Иванъ Петровићь. Каково проклето внутреннѣ спокойство!

Маіоръ. Немойте, любезный Уяче, нећемо іой судбину нѣну іоштъ тежу чинити, ма да и заслужує. — Изъ могъ дома нека безъ свакогъ препятствія отиде. (пружи іой пуну кесу) Ево на, па одлази.

Феодора. (отискуюћи.) Ніе потребно последнѣ то благодѣяніе къ тому, да ми домъ Вашъ незаборављенъ остане. Богъ ће благодарну молитву невиногъ детета услышати, и Вама накнадити.

Маіоръ. (съ огорченіемъ.) Иди само, иди — я ћу изгубљеный покой мой опетъ наћи. Данасъ ћу іоштъ Цара за отпустъ молити, и у дальне землѣ путовати.

Иванъ Петровићь. (лютито.) И я ћу съ тобомъ да путуємъ.

Феодора (полакъ за себе.) Данасъ іоштъ? За отпустъ молити?

Маіоръ. Двонномъ садъ срећанъ овай благосилямъ случай, кои данасъ управо Монарха овуда доводи.

Феодора (скоро изванъ себе.) Данасъ? овуда?

Иванъ Петровићь. А, уплашила си се, єли? Да, да, уклонисе само зарана, єръ овде ће се коньи изменути, овде ће онъ сићи, и мало се опоравити.

Феодора. Ха!

Иванъ Петровићь. Курієри су већь покрай мои кола пролетили; Царъ већь ніє далеко одавде.

Феодора. (посрће и придржавасе о столицу.)

Маіоръ. (скочи къ ньой.) Што ти є Феодоро?

Феодора. Ништа — о милостивый Господине! — укажите ми то последнће благодћяніє — дозволите ми іоштъ єданъ сатъ у дому Вашемъ, — да срећу ту уживати могу, и Монарха видити.

Маіоръ. Не боишсе заръ погледа нћгова?

Феодора. Мени ће онъ као милостиво Божество засіяти!

Иванъ Петровићь. Конће є бесъ разумети!

Маіоръ. (на страни.) Ніє могуће, она не може виновна (крива) быти.

Марія. (отвори брзо врата.) **Уяче! Брате! Царъ иде! брже доле, да га дочекате!** (оде.)

Иванъ Петровићъ. **Айде, поскоро, Нећаче! то є данъ почести! ту се све остало заборавля!** (отиде.)

Маіоръ. **Ахъ! у каквомъ расположенію милогъ Госта садъ да дочекамъ!** (отиде.)

СЕДМО ЯВЛЕНІЄ.

ФЕОДОРА сама.

(падне у најжесточіємъ подвиженію на колена.)

Боже благій! ты кои си одъ леденогъ мора
Преко шума, грдны рѣка, пустиня и гора,
Дете єдно съ анђелима допратіо довде!
Дай ми силу садъ у овомъ рѣшителномъ часу,
Дай и живость дрктаюћемъ уста мои гласу,
Дѣтске речи Владѣтеля силногъ да возбуде!

Ты си сузе туги нашой видіо ди теку,
Ты си любовь къ Родителѣмъ, и преданость дѣтску
Пренебеснымъ наградити обећао даромъ!
Ты осуши осто тако сузе тугованя,
Да с' изврше блага слѣдства твоєгъ обећаня,
Съ постоянствомъ досадашньимъ, смиренымъ ми жаромъ!

(скочи горе.) **Чуємъ ди иду! — Часъ є приспѣо — Боже! кромѣ тебе никога неймамъ. — Боже на тебе надежду полажемъ!** (дрктаюћи ступи на страну.)

ОСМО ЯВЛЕНІЄ.

ЦАРЪ. ИВАНЪ ПЕТРОВИЋЬ. МАІОРЪ. МАРІЯ.

Последнѣ троє пѣваюћи у хору.

Благо дому! благо овогъ свѣта,
Куда ступи добрый Владѣтель!
Безъ оруж'я, и безъ грозны чета,
Благословъ є ту спроводитель!
Радостно га дѣца поздравляю,
Срећногъ дома златанъ ту є прагъ!
Праунуцы место показую,
Возлюбленогъ гди остаде трагъ!

Царъ. Благодаримъ Вамъ, пріятельи мон! Добро ми є мећ' Вама, єръ знамъ, да ме любите.

Иванъ Петровиħъ. О ако то чувство Ваше Величество срећнымъ чини, то Вамъ мора свуда добро быти, єръ гди є то место, гди Вы небы любљни были?

Феодора. (припадне безъ дисаня къ Царевимъ ногама.)

Царъ. Ко є то? Шта то значи?

Марія. Феодоро! шта чинишъ?

Феодора. Милостивѣйшій Імператоръ! —

Иванъ Петровиħъ. То є незнаница нека. Иди съ Богомъ! не пристоисе.

Царъ. Оставите є. Свакій кои є несрећанъ, има право на Цара. Говори, дете моє!

Феодора. Не — не могу —

Царъ. Приберисе. Имай дерзновеніе. Мысли, да говоришъ къ Отцу твомъ.

Феодора. Отцу! — Та речь дає ми дерзновеніе. Я самь кћи Генерала Чуликоффа —

Царъ. У заточеніе посланогъ?

Феодора. Пуны четрнайсть година чами у Сібиріи — погрешіо є, но и строгу є казнь претрпіо — на обали рћке Иртиша закопао є супругу свою и двоє деце — убила ін є туга и сиротиня — я самь му іоштъ єдна жива остала. — Ахъ! растла самь му не на радость — єръ престарћо будући, єдну є само скорашню смрть очекивао — сматрао ме є као пуку, одъ свегъ свћта оставлћну сиротицу; удый онай залогай леба, кои самь сузама нћговима омоченъ, изъ руке му пріимала. — Ахъ! често бы уздануо, доћи ће време, кадъ ћешъ морати и тай залогай леба просити! — Тугу и жалость очину нисамь могла подносити выше, — зарана є духъ мой у школи страданя већь сазрео быо — гласъ милости Ваше пробіє скоримъ временомъ и до саме ужасне пустинћ наше — луча надежде намъ сине — вознамеримъ све, што бы найдерзновеніе было, предузети, да милость ову и момъ Отцу испросимъ. — Съ благословомъ нћговымъ оставила самь га, са страомъ и надеждомъ обимамъ колћна Ваша — Милостивый Царе и Государу! Милость и опроштенћ Отцу момъ!

Царъ. Устаните. Како? Сами сте заръ, посве сами изъ Сібиріе дошли!

Феодора. Посве сама.

Царъ. Ал' како?

Феодора. Пѣшице.

Царъ. Пѣшице?

Маіоръ. Ха!

Царъ. Шта Вамъ є дерзновеніе дало?

Феодора. Упованіе на Бога!

Царъ. А снагу?

Феодора. Дѣтска любовь.

Царъ. Какву сте обрану на толикомъ и таковомъ путу имали?

Феодора. Мою невиность.

Царъ. Какова средства?

Феодора. Благодѣянія одъ странны.

Царъ. Морали сте просити?

Феодора. За родителья могъ.

Царъ. Юначка девойко! Родитель є твой освобођенъ.

Феодора (изъ гласа вичући.) Освобођенъ родитель мой! (оће да се простре къ ногама Царевима, но онесвешћена падне Маріи у наручія.)

Царъ. Сваку тугу, сваку нужду є снажна дѣвица ова поднела, а радость є ево над'яча. — Я видимъ, мы смо сви дубоко тронути.

Иванъ Петровићъ. Истина, Богъ є Свидѣтель!

Царъ. Будите іой у помоћи, любезни мой. Не идите замномъ. Радъ самь првый жестокій истокъ благодарности нѣне да избѣгнемъ, и съ места ћу курієра у Сібирію да оправимъ, па онда ми доведите мило дете то. Нећу домъ овай пре оставити, докъ срећу нѣну са свимъ не утвердимъ. (Пође.)

(Иванъ Петровићь и Маіоръ оћею да га прате.)

Царъ. Останите! (отиде.)

ДЕВЕТО ЯВЛЕНІЄ.

ПРЕЋАШНЬІИ безъ ЦАРА.

Маіоръ (падне предъ Феодоромъ.) Светительнице моя!

Иванъ Петровићь. Плакао бы одъ стида и внутренѣ теготе.

Марія. Феодоро! Мила Феодоро!

Феодора (пробудившисе.) Шта се догодило са мномъ?

Марія. Родитель є Вашъ у слободи.

Феодора (у найвышемъ восхищенію.) У слободи, чрезъ мене! — (на єданпутъ къ смиреной побожности прелазећи.) Не не, чрезъ тебе! (очи и руке къ небу подижући.) И я ти іоштъ ни благодарила нисамь!

Марія. Ћутите, молисе.

Маіоръ. А я се ньой молити морамъ! Простите ми, Господично моя!

Иванъ Петровићъ. И мени старомъ, застиђеномъ Дедаку, милость на место правице укажите.

Феодора. Шта 'ће то рећи! мои Благодѣтельи — (подигне Маіора.)

Иванъ Петровићъ. Скареднымъ подозреніємъ увредили смо Васъ.

Феодора. Како сте могли другоячіє?

Иванъ Петровићъ. Истина, да и Вы неку часть кривице на себи носите. Зашто намъ нисте повѣрили —

Феодора. Строго опоминаніє Родителя мога — завѣтъ, кои самь при растанку дрктаюћой руцы нѣговой учинила, да ћу єдномъ єдиномъ Цару само себе открити — къ тому отсутствіє Монарха —

Маіоръ. Како то, моя Господично? Вы се іоштъ къ извиненіяма понижавате? Ніє ли найчистія невиность у целомъ существу Вашемъ лежала? — О моє срце нигда се колебало ніє! а садъ, Феодоро, никаква ме сила земна выше одъ тебе разлучити неће!

Марія. (молећи.) Сестро!

Феодора. Я отца имамъ — онъ є слободанъ, доћи ће, нѣму принадлежимъ.

Маіоръ. Смемъ ли му на сусретъ поитити?

Феодора. Доведите га срећно у обятія моя, будите му Ангелъ хранитель на далекомъ, теготномъ путу, па онда будите уверени о благодарномъ срцу момъ.

Маіоръ. Царъ шиљ курієра своґъ; оћу да га пратимъ.

Иванъ Петровиħъ. Садъ ти завидимъ твою младость.

Феодора. О кадъ бы Вамъ моя молитва крила позаймити могла!

Маіоръ.

Да снлна су чувства юпошеска
Младости намъ прве ватренне;
Но силнія іошт є любовь дѣтска
У прсима ћери смирене.

Хоръ.

Кано трска ветромъ колебана,
Тужно срце витко постає;
Но дѣтска є любовь постояна,
Свакой бури противо- стає.

Марія.

Чиста ли су чувства она света,
Вѣрный супругъ коима горе;
Но чистія любовь є детета,
Отцу коя цвеће простире.

Хоръ.

По шареной землѣ површини
Сладострастно она прелазе;
Ова с' віе неба по высини,
Плоди чисти одъ нѣ излазе.

Иванъ Петровићь.

Благо ономъ, кои себ' на радость
Друга нађе вѣрна, честита;
Но іошть већу мира дае сладость
Вѣрна рука милогъ детета.

Хоръ.

Вѣрна друга у нужди добыти,
У свету є редко щастіе;
Но род'телску любовь одузети
Милой децы, смрть текъ кадра є.

Феодора.

Богати су міра Владѣтельи,
Управляюћ' силномъ державомъ;
Ал' богат'я деца съ Родителыи,
Добро чинећ' по могућству своимъ.

Хоръ.

Єръ на мрачной живота намъ стази
Сія чаду свѣтлость пріятна,
Кадъ му съ неба благословъ силази
Чрезъ блажена уста отчина!

ЕЛЕОНОРА ШЕВРЕЙКА.

(Повѣсть изъ тринаестога века.)

Елеонора Шеврейка, кћи силногъ и богатогъ Францускогъ Графа, ступила є о пролећу у петнаесту годину свога возраста. Она є била милокрвна, и као майскій цветакъ лепа; плаве власи умилно украшавау нћнъ снегобелый вратъ, дуге трепавице ублажавау блистанћ нћны плавы очію, а найблагороднія скромность величествено узвышаваше нћнъ виткій и прекрасный стасъ. Она є свою матерь, іош' кадъ се родила, изгубила, и

ПРИМѢЧАНІЄ. За преводе: „Елеонору Шеврейку, и Огледало супружеске любови и вѣрности“ имамо благодарити Господични А. Є. О*********, младой Србкиньи, и роћеной и воспитаной у среди Сербіе. Скромность нћна ніе намъ хтћла цћлогъ нћногъ имена обявити. Међу тимъ не може намъ забранити, да явно не признамо, да и изборъ и начинъ писаня превода самы довольно свћдоче о высокимъ даровима ума и о характеру нћномъ. Ако Гчна А. Є. О*********, коя сада топрвъ дванайсту свою годину навршує, и у напредакъ занималасе буде књижевнымъ забавама, и ако перо своє и у напредакъ забавляла буде у преводима, то се тврдо уздамо, да ће не само срећно достигнути, но и престигнути оне две три србске списательице, коє су досадъ браћи нашой у Австріи понћшто писале; престингуће ій, ако и имаю оне млого више и больи средства къ удеснома изражаваню мислій своій, него што ій наша Преводчица има.

ИЗДАТЕЛЬ.

са своимъ предрагимъ Родителѣмъ и милимъ Братомъ пребывала є у надалекочувеномъ градиѣу Шеврейскомъ, кои є у увеселителномъ и предивномъ предѣлу лежао. Близу дворца ньіовогъ была є башча, коя є съ плодоноснымъ дрвима и свакоякимъ усевима богато украшена и земномъ раю уподобљена была, и у овой є Елеонора често свое време задовольно проводила, начинъ и средства измишљяваюћи, како ће сиротиньи помоћи; зашт' она є была добра и добродѣтельна, нити є кад-годъ изъ ове башче и очина дворца излазила, а да пре ніе какво добро учинила, зато су є сви добримъ Анђеломъ и називали. Єданъ данъ пратила є она у ловъ свога оца и свога брата, кои су у ближньой шуми єдногъ ужасногъ дивљегъ вепра гонили. Разярена животиня, коя є коплѣ искусны ловаца избегла, устремисе на Елеонору, кою є єданъ момакъ како є то опазіо, брзиномъ мунѣ крозъ шуму носіо. До єдне пропасти приспѣвши, обрне се момакъ съ ньомъ, и дивльій вепаръ бяше у намѣренію достићи є. Сви се садъ смуте и поплаше, да ово ужасно чудовиште прекрасну и добродѣтельну Елеонору не растргне, и на тако жалостный начинъ живота не лиши, кадъ а на єданпутъ и изненада прне стрела изъ сред' шуме, и пружи ужасногъ овогъ дивљегъ вепра къ нѣзинимъ ногама. Тиболтъ, нѣнъ избавитель, дотрчавши, узме ю у своя наручія. Она є одъ стра већъ сва пребледила и у несвесть пала была, и текъ онда є къ себи дошла, кадъ су іой отацъ и братъ дошли. Тиболтъ, младый племићъ изъ саседства, био є подчињенъ Графу Шеврейскомъ, кои му чувствително за избављеніе своє кћери благодари, и допусти, да може у дворацъ пратити ону, кою є изъ тако велике опасности избавіо.

Овай избавитель быо є лепъ, а срце Елеоворино милокрвно и благодарно, ласно су се єдно у друго и залюбити могли. — Тиболтъ єдномъ прекрасну ову девойку къ своимъ прсима притисне, и на скоро жестока страсть съ њиовимъ срцама обвлада. Синъ Графа Рояла примети то, и учини му се поругательно, што се само пукій племићъ за нѣгову сестру заплам-тіо, и зато му забрани, да у дворацъ више не долази.

Неправда и препятствія увекъ већма любовь успалюю, а никада є уталожити немогу. — Страшћу забунѣный Тиболтъ, зажели наймилій предметъ свога живота опетъ видити; и покушаваше ноћу крозъ стару нѣку кулу, на кою се већь попео быо, къ дворцу приближити се, а на єданпутъ Роялъ съ голимъ мачемъ изъ єднога углића скочи, и на нѣга, као лютый рисъ разяренъ, нападне. Тиболтъ морао се бранити, и неотице убивши младога Господара, у найвећемъ очанію прибегне у манастиръ Светога Данила. Побожный Игуманъ тога Манастира, кои се Сугертомъ именовао, заповеди му, да одма ради ослобођеня смртне казни у Римъ иде, где му наложено буде, да у обћтованой земльи петъ година дана съ невћрницыма бію-ћи се опроштенћ греова тражи.

Надаюћи се, да ће се съ Графомъ Шеврейскимъ помирити, и одъ нѣга опроштенћ добити, увенчао се Тиболтъ славомъ побѣда, и приуготовлявао се, да се у Француску, у милу свою постойбину, опетъ врати, кадъ на єданпутъ добіе гласъ, да Елеонора више не живи, и да є нѣнъ отацъ никако прежалити неможе.

Несрећный Тиболтъ, бадава смрть у найрешителніимъ предпріятіяма тражећи, падне у дубоко црнокажучіе, и найпосле за спасеніе свое избере ризу пока-

нія; но ни уєдиненіє ни благоговѣніє немогау нѣгове туге и нѣговы страданія умирити.

Непрестано одъ жалости венуѣи, одброди натрагъ преко синѣга мора, и доѣе близу градиѣа Шеврейскога, кои є іошъ єданпутъ у своме животу видити желіо. Но старога дворца не быяше више онде. Норманни и Енглези, при послѣднемъ свомъ нападеніію, изгорилису га са свимъ. Єданъ пастиръ сеѣаше на нѣговима развалинама, и певаше песму, коя є садржавала жалостна приключенія дворне Господичне. Тиболтъ приступи къ нѣму, и одъ нѣга се извѣсти, да є Елеонора одъ жалости и туге умрла, и да є она у дворной црквицы саранѣна. Сводови црквице были су вечъ срушени, но опетъ зато Тиболтъ не хтѣде више одатле вратитисе. Съ помоѣу овога пастира очистіо є онъ развалѣне зидове, и по дугомъ усиляваню изнашао є и надгробну плочу, коя є тело оне покривала, кою є онъ обожавао.

Тиболтъ є нѣко време у овомъ усамлѣномъ месту живіо. Онъ є свакій данъ надгробный каменъ са своима сузама поливао, и смерно се миломе Творцу моліо, своє желѣ измеѣу Неба делеѣи, где га Елеонорина душа очекиваше, и гроба, кои нѣно тело покриваше. Іошъ надгробнымъ каменомъ одъ нѣ раставлѣнъ будуѣи, мучіо се, и подигие га. Садъ уѣе у гробницу, у коіой є нѣгова Любезница саранѣна, и покушаваше, премда бадава, небы ли могао нѣнъ мраморный сандукъ отворитн. Доѣе опетъ, да сваку ноѣь на овомъ жалостномъ месту своє време проведе, и најпосле заключи одатле више и не отиѣи, него ту, кодъ своє Елеоноре, умрети. Єдно ютро наѣе га

пастиръ мртвогъ, сандукъ Елеоноринъ загрлившегъ, и одма овай жалостный случай яви калуђерима манастира, близу тога места лежећега. Тиболтъ имађаше исподъ своє ризе єдну часть оружія свога, на коима є грбъ нђговъ изрезанъ быо, и по грбу овомъ познаваше сви тогъ злополучногъ, кога є неотице учинђно убиство къ бегству принудило. Нђгово су тело потомъ положили близу сандука Елеонориногъ: и тако се после смрти торжествено саєдниле две залюблђне душе, кое су заиста срећнію судбину заслужиле быле.

А. Є. О*********.

ОГЛЕДАЛО
СУПРУЖЕСКЕ ЛЮБОВИ и ВЪРНОСТИ.

Робертъ, сынъ краля Енглескогъ Вилхелма, было человекъ врло самоволянъ, и толикій любитель слободе, да ніе ктео ни одъ оца своегъ да зависи. Зато га є отацъ и мрзіо и гоніо. Зато є презрѣо и круну очину, коя є, по старешинству, нѣму припадала, и отиде у Палестину, те умножи число юнака, кое є прва крстоносна война навела на ослобођеніе Єрусалима изъ руку Сарацински. Юначство нѣгово было є толико, да є наскоро славна дѣла починіо, и да су га Сердари поглаваромъ своимъ прогласили. Но ніе се само овымъ дѣлма прославіо, већъ є и толико благородногъ чувства быо, те се одрекао и кралѣвине Єрусалимске, коя є по правди ньимъ освоена была, и уступіо ю своме пріятелю Годофреду Бульонскомъ, а самъ задовольіо се съ похвалама.

Сяйно име нѣгово разнело се по свой Италіи. Сибила, кћи єдногъ одъ владѣтеля Апулски, чуе за нѣга. Юначство побѣђуе женскій полъ, кой велико воображеніе заражуе; Величество ніе млого одвоено одъ добродѣтельи, и ова се залюблюе у оно у душама, кое найблагороднія чувства заражую. Сибила, чувши преповедке о оноликомъ юнашству Робертову, залюби се у нѣга; сажали сердечно што га родитель нѣговъ о-

ГРАДСКА БИБЛИОТЕКА У НОВОМ САДУ

нако неумолимо мрзи; а удивляваше се онако постоянномъ нѣговомъ самовольству, коимъ є безъ нужде тражіо битке и беде; и сама себи описиваше тогъ юнака, кои є гомилу Сарацина поубіяо, утркивавши се, кои ће одъ ньи пре нѣга на жертву принети. Єдномъ речію, Сибила є у себи мислила: ако икадъ срце и руку мою смртномъ коме треба да поклонимъ, то треба тай смртный подобанъ да буде Роберту. — Сибила была є тронителне красоте; а у исто време и узвишеногъ характера; све на ньой и у ньой дисало є печатомъ выше душе и правогъ величества. Донде одбила є она толике просіоце, ил' што нису знали, да побѣде равнодушіє нѣно, ил' што нису сусти нѣной довольно поласкали; требало имъ знати, да суєта срцу женскомъ близу любови стои. Но Робертъ дође у дворъ отца Снбилина — и залюби се у ню смртно. И Сибила не остане равнодушна къ нѣму. Онъ исповеди іой страсть свою, и она га послуша. Бракосочетаніє свриши се, и довршe желанія и нѣгова и нѣна. Као супругъ, Робертъ покаже се іошъ већма плѣненимъ, него што є као любезникъ био; а Сибила са своє стране показиваше му и више жара и више постояне любови и верности. Робертъ заборави при Сибили мрзость отца свога и претежность, кою є овай млађемъ сину давао; и презре скиптаръ правленія, кои му є припадао; нитъ є кога другогъ виђао, ни любіо, ни обожавао, до супруге своє. Тако любовь мора быти и найпрва и найчаятелнія страсть на свету!

Ни слава, ни честолюбіє, ни само величество нису ништа спроћу чувства, коє любовь улива, любовь и знанѣ, да насъ супруга люби! И тако су, оба ова супруга живила єданъ съ другимъ, опієна сладкимъ пі-

янствомъ, и мислећи, да срећа њина никадъ неће краја имати ни конца, већъ да мора быти вѣковѣчна!

По некомъ времену пође Робертъ са Сибиломъ у Енглеску. Єданъ одъ подайника нѣговы побуни се противъ нѣга, и затвори се у свой замакъ. Садъ изненада букне и опетъ юнашство Робертово, садъ се сети славе, коюе у Асіи пожнѣо, пакъ обколи замакъ подайника оногъ. Сибилина нѣжность стане смућавати се, и она почне бояти се, да супругу нѣномъ што небуде у борбама войнимъ, а кадшто проклиняше и оружіе и славолюбіе, ако су ю и она найпре и свезала са Робертомъ. И она е ктела, съ њимъ да иде на юришъ, но онъ заповѣди, те е задрже, а самъ полети на замакъ.

У каквомъ е положенію бѣдна Сибила остала? Ніе ни єданъ войникъ прошао мимо нѣ, да га ніе пытала: а гди е Робертъ? . . . да ніе у опасности? да ніе ранѣнъ? . . . да ніе погинуо?

Замакъ буде освоєнъ; Сибила пойти къ нѣму да види Роберта; но место нѣга смотри єдногъ одъ сердара, и стане му гледати у очи, да бы изъ њи прочитати могла, шта ли Робертъ ради. „Гди е Князъ, викие Сердару овомъ, гди е? шта ради? Што ми неодговоришъ? гди е? да ніе погинуо? — При овымъ речма падне у несвесть и у наручіе своіой служкиньи. Сердаръ іой одговори: „Не бой се Госпо! за княза, онъ е побѣдитель, савъ увенчанъ славомъ: Но! . . . — „Говори, изясниse“ . . . . — Но ранѣнъ е . . . . — Ранѣнъ? ранѣянъ? ахъ погинуо е, погинуо“ . . . . — Рана ніе велика, неће князъ умрети, стрела єдна“ . . . Сибила не ктеде выше ни слушати га, већъ отме се изъ руку служкинѣ своє, и

полети къ месту, на коме є мислила, да ће наћи свогъ супруга. Види, гди га носе войницы на носилама, и падне на нѣга „Ранѣнъ си ми, вриснe, ранѣнъ, єли рана смртоносна? Робертъ ю увери, да ніє, и сакріє одъ нѣ болъ свой. Сибила ніє стопе єдне одступила одъ нѣга, и само му є давала лекове, кои су къ излеченю нѣговоме были употреблявани.

Но у какву бездну падне Сибила, кадъ Лекари кажу, да є стрела, коя є Роберта нѣногъ изнадъ десне сисе устрелила, отрована была? Онесвештена падне у наручіє свогъ супруга; мало за тимъ дође къ себи, дигне очи, и погледи на супруга, уздркће се сва, и падне опетъ нѣму у наручія, вриснувши срцепараюћимъ гласомъ. Робертъ укори Лекаре, што су жалостну нѣгову судбину предъ женомъ нѣговомъ изрекли. „Знате ли, веляше онъ, да самь я наученъ умирати; но зашто нисте поштедили чувствителность овакове супруге? Та знате, колико ю любимъ. Нећу таити одъ Васъ, знайте, да ми є мучно и вообразити само онай страшный часъ, кои бы насъ двоє морао раздвоити. Єли икадъ іошъ кой одъ Васъ любіо? Треба ми употребити сву тврдость и све постоянство моє, да свирѣпо ово искушеніє одржимъ. Вы сте ме, Господо! окренувши се Сердарима, кои су около нѣга стояли, виђали у биткама, выше пута быо самь вамъ огледало неустрашимости, данасъ треба, вы мене да подржите, и да ме окрепите. . . . Тако о Боже! оћешъ да ме раставишъ одъ Сибиле! Сибила падне у очаяніє, и вриснe: та видишъ, гди ћешъ кой часъ да изданешъ! како, да преживимъ я твою смрть? Дай ми о Господи! да пре нѣга изданемъ! .. Не, не, одговори онъ, ты треба да живишъ, ты треба

да овековечишъ паметь мою; Ты ме садъ укрепи у страшномъ овомъ часу, часъ овай одузима ми сву твр-дость мою, задржи ми Сибило! нѣжность твою. Нека самномъ у гробъ иде утѣшителна мисао, да ћу живити кодъ тебе, и у твоме срцу. Съ Богомъ! па на вѣки съ Богомъ! Но што реко? Одведите Сибилу са страшнога овогъ позоришта, одведите ю одавде, садъ чувствуемъ, колико губимъ у ньой. Да си ме смртію посетіо Боже! у равницама Азіатскимъ, небы садъ о-вакове слабости показао! Сибила клекне предъ ле-карма на колена, и закука: заръ већь незна наука ва-ша никакве помоћи выше? заръ нема му выше лека? заръ ни зраке ваше надежде? . . . Єданъ одъ чинов-ника Робертовы каже, да зна єдно средство, коє бы му животъ одержало. . . . Ахъ, вриснe она, та кажи ми то средство, и шшти, шта оћешъ да ти дамъ, и све ћу ти дати, и самъ животъ мой жертвоваћу, само да бы одржала Роберта. Но чиновникъ нектеде ка-зати лека предъ другима, већъ зажели, да остане самъ са Робертомъ. И тако сви изиђу на полѣ, и са-ма Сибила покори се зактеваню чиновникову. И овай каже онда Роберту, да є то єдиный лекъ, коимъ бы онъ мого живъ остати, кадъ бы се ко нашао, да изсиса о-тровъ изъ ране, но да ће онай кой то учини, одъ и-стога отрова умрети; а онъ зна да є Робертъ и човекъ и Христянинъ, те неће ктети, да се другій за нѣга жер-твуе. Робертъ прекине му беседу: нитъ тако, и чо-векъ самь и Христянинъ; я обожавамъ Сибилу, и знамъ, колико є свирѣпо, растати се съ ньомъ! Но ни као човекъ ни као Христянинъ не могу употребя-ти лека твога и те мрске твое тайне. Не казуй ій никоме, а особито не казуй ій моіой жени; волимъ самъ умрети.

Сибила неможе дочекати края разговора њина, улети у собу, и запыта: „тако кой є тай єдиный лекъ, кои ты знашъ у овоме случаю? „Робертъ одговори іой, нема лека до єдине смрти, мы ћемо се растати . . . . непротивимо се решенію Божію . . . . већъ є све было, па и прошло. Сибило! учисе немати супруга.“

Лекари кажу, да ће Робертъ два три дана живити. Сибила є была непрестано кодъ нћга. И Робертъ заспи, и проспава позадуго.

А кадъ се пробуди, осети, да му є станћ нћгово сасвимъ друго, и зачуди се, коя бы причина овако изненада и срећне промене была! Као да се наново родіо, и да є на ново оживіо! Лекари стану му гледати рану, и нађу ново месо подрасло; сви се зачуде и нису знали, одъ куда се и како се то догодило. Онда викне Робертъ, да зову Сибилу, да види, како є само небо услишало нћне топле молитве, и како є тронуто нћнимъ сузама, пакъ решило, да се іошъ продуже сладке свезе, кое су ньи двоє нћжно везале.

Сибила долети, и дознавши одъ лекара, да ће Робертъ живъ остати, викне одъ радости, и купаюћи се у сузама:„ Тако ће Робертъ живити! О Боже! Боже! прими данакъ моє признателности! О кадъ бы довольно могла наплатити оваково благодћяніе!„

Међу тимъ Сибила є была успланрена и изнемогла. Робертъ, топећисе у радости, говораше іой непрестано:„ Тако хвала буди Богу єдиному! кои ме враћа опетъ у животъ, те ћемосе одсадъ іошъ већма любити; обоє ћемо живити.“ Сибила пресече му беседу:„ Живићемо, живити.“ Но не може довршити речій свои, већъ почне гушити се сузама. Робертъ

стане пытати ю, шта іой є, те садъ у исто време плаче, гди є Богъ овако чуднимъ начиномъ на ново свезао свезе, коє су ій везале.„ Ахъ, одговори му она, свезе те, драгіи Робертe!.... неће, неће дуго трајати.“ Робертъ почне навальивати на нію, да му каже, како неће свезе оне дуго трајати, и пође да ю загрли, но она пружи му само руку, и стане изговарати се предъ ньимъ избѣгателнимъ изговорима. Здравлѣ Робертово поврати се. Више пута ктела бы Сибила да му падне у наручія, пакъ опетъ бы се задржала; єднако бы се гушила сузама, и Робертъ никако ніє могао да разуме причине суза нѣны; и рѣши се дознати іой тайну, и да бы га Богъ зна шта стало.— Сибила была є непрестано око нѣга; но на єданпутъ небуде є на обично време у нѣговой соби; и Робертъ стане распытивати, гди є; млађи почну затезати се да му одговоре; найпосле дозна, да є Сибила пала у жестоку и непредвиђену болесть, за коју и незнаю, каква є. Робертъ пође одма клецаюћи, къ ньойзи. Има шта и видити. Сва є већъ побледила, и изнемогла, и готова изданути! Полети къ ньой, но она га и садъ одтури одъ себе. Онъ почне ю укоравати зато любвомъ своіомъ и нѣжностію, коіой нема равне подъ небомъ, и пытати на ново, зашто є толико свирѣпа, те не прима излитія нѣговы чувствованія, или заръ се сумня о ньима.„ Не сумнямъ се, одговори она, него сумнямъ.... То и єсть, зашто положеніе мое бива свирѣпіимъ. Ты любишъ мене силно, заръ мислишъ да и я незнамъ, и исто тако любити! Мало часъ, и знаћешъ, колико си ми быо міо; іоштъ кой часъ, и несрећна моя судбина.... Ты ћешъ живити, и уверена самъ, да ћешъ ме оплакивати.“....

Робертъ усугуби просбу свою, да му каже, шта іой є; Сибила пакъ одговори му само плачући и єцаюћи. Найпосле упыта Робертъ лекаре, да му кажу, шта є супруги нћговой, и они єдва нађу, да є она отрована, и да ће одъ отрова умрети. Кагодъ громъ што поражава смртне, тако се Робертъ окамени одъ ове речи; а лекари почну употребљавати лекове противъ отрова. Но Сибила рекне имъ, да ће они сви быти безполезни; пакъ онда се обрне къ своимъ супругу, и рекне му: „ако си радъ знати Роберте! одъ куда є дошао отровъ овай у мое жилице, а оно пытай любовь, шта самь учинила, и нисамъ ли морала то учинити! Та заръ незнашъ, да те выше любимъ одъ саме себе? Єданъ одъ чиновника твои сообштіо є єдной одъ мои слушкиня єдиный онай лекъ, кой бы могао тебе излечити, я самь се прекрала, и лекъ онай употребила, остало све знашъ и самъ.“ .... Да ко є другій могао, ко ли другій морао жертвовати свой животъ, да бы теби твой спасао? да ко другій, но я, коя самь ти се предъ олтаромъ Божінмъ и любови заклела и верности. Зато и нисамь ктела, да грлимъ и любимъ боєћи се, да отровъ не пређе опетъ на тебе. Живи Роберте! Живи супруже! и люби и милуй паметь мою, и опоминай се непрестано найнћжніе, найнесрећніе супруге.... Обожавамъ те, и уми.... умиремъ.“

Ко ће изразити очаяніе, у коє є Робертъ пао? То могу само душе чувствовати, коє знаю любити. Робертъ є оплакивао супругу свою, достойну и любови и жалости нћгове.

А. Є. О*********

СТИХОТВОРЕНІЯ

Пауна Янковића.

ПОДРАЖАНІЄ ПСАЛМА 5̄а. I.

Докле ћешъ ме гологлава
Ты, Господи, гледати?
И на брегу бодљикава
Заборава држати?

Ахъ, докле ћешъ сѣнку твою
Бацати ми съ камена?
И поити душу мою
Горкимъ єдомъ пелена?

Докле ли ћешъ твою помоћь
Съ могъ рамена дизати?
Рукомъ болести данъ и ноћь
Срдце моє кидати?

И непріятелю моме
Ты крозъ прсте вирити;
Да ме може онъ по своме,
Како оће киньити?

О, прекини уздисанѣ
Моє, Боже, Спасе мой!
И на црно моє станѣ
Бацы яркій погледъ твой!

Ногу мою, ахъ, клечећу
Исправи на путу твомъ;
И будноће твоє свѣћу
У оку запали момъ!

Да ме небы на спаваню
Сабля смрти смакнула;
Злобна уста, при даваню
За душу ми, рекнула:

„Тако моя рука шиша
Соперника свакога!
Трупи садъ подъ слотомъ киша
„И съ надеждомъ на Бога!"

Сви су мои сви злодѣи
Ради да ме потисну;
Да на жизни моє'леи
Шеваръ гроба подигну!

Но ты, Боже, непосрами,
Мой у тебе поуздай;
Скрпа ньіовы у тами
Све свежляѣ покидай!

Да те отъ ютра до мрака,
И отъ мрака до ютра,
До найманѣгъ жизни знака
Славимъ Спаса премудра.

II.

ПСАЛМА к̑д.

Славићу те о Владыко!
На живота могъ стогу;
И возносити — колико
Више игда узмогу.

На свакоме мѣсту свѣта
Пѣваћу те Єднога.
Као славуй съ гране цвѣта,
Мога Спаса и Бога!

Крозъ болести ты ме врата
На брегъ здравля изведе;
И тму тема сопостата
Моіомъ славомъ прободе.

Твои прсти ме изнеше
Чакъ изъ урвине Пакла;
Гди се вечь у гвожђе беше
Моя нога замакла.

Ахъ, ахъ! Ты да не услыша
Сузне молбе мое гласъ;
Досадъ бы ме буйна киша
Била, као труо класъ.

Него ты се милосрдо
Нада миоме сажали;
И тегобе кршно брдо
Съ мои леђа обали.

Ты ме опрости отъ рита,
Сузу са ока стера;
Опра водомъ изъ корита,
Чисћа низна бисера;

И у свилу и у злато
Преобуче ме часомъ;
И опаса умилято
Веселости поясомъ.

Яо! када се обрнемъ
На безчинства мога путъ,
Црномъ мыслю се огрнемъ
И задрктимъ, као прутъ!

Опоминѣмъ се кадъ реко
Єдномъ снажанъ тобоже:
„Мени раванъ ніе нико,
„Нитъ ми и ко шта може!“

Но ты, Боже, леђа твоя
Текъ што къ мени обрну; —
Сва се смути душа моя,
Тѣло моє — претрну;

И съ трепетомъ я познадо
Да самь предъ тобомъ шта? трунъ;
Или пливаюћи радо
У безбрежномъ мору чунъ.

Но текъ што се я покая,
Душа ми се усмѣну,
Као ружа ютру Мая
У шатору румену;

Прогледи ми опетъ око,
Опруже ми се силе,
Као, кадъ грѣе одозго
Сунце, дрвета жиле.

О славите Всевышнѣга,
Люди, сынови смрти!
Животъ вашъ є, ахъ, безъ нѣга
Сува шибка, прутъ — кртый.

У нѣму є снага ваша,
Кадъ се съ ньиме дружите;
И веселя пуна чаша,
Кадъ му волю вршите.

Онъ праведне превозноси,
Зле — до землѣ сатире;
Траву злу чупа и коси,
Добру — треби и бере.

III.

ПСАЛМА пѧ.

Устаде Богъ, да раскрпи
Судъ земальски Богова;
Све ій предасе искупи
И повикну съ громова:

„Докле ћете неправедно
„Судити, Безбожницы!
„Лице, кесу и заедно
„Пазити на порницы?

„Докле л' ћете сиротиню,
„Као лику, гулити?
„Нћну црну голотиню
„У вашъ законъ ставити?

„И цвћлити, вы, слабіе,
„Мирне, клясте, убоге?
„Тежка робства букагіе
„Турати имъ на ноге?

„Ко є вама право дао,
„Да вы ньима дрмате!
„И у шта се, у шта — као,
„Несрећньицы! уздате?

„Очи ваше отворите,
„Пуне праа слћпила;
„И у нћдра завирите —
„Шта сте? Смрти носила!

„Како — годъ и рабъ презрћный
„И вы ћете измрети;
„Изъ столова позлаћены
Стрмоглавце слетети.

„Но мыслите, вы безумни!
„Да сте свћта стубови;
„Вы цареви да сте шумни,
„Люди — ваши робови.

„Да сте вы . . . но станте мало,
„Изчупаћу я вамъ рогъ;
„Преко свію васъ цртало
Превућу, ахъ, гнћва могъ!“

Суди, суди, о Господи!
Удри зликовце съ неба;
По заслуги имъ разгоди
Коме колико треба;

И у десницу смирена
Стави твою палицу;
Некъ те знаю сва племена,
Као правде зѣницу.

IV.

ПѢСН. СТЕПЕН. р҃кг.

„Да не беше съ нама Бога,
Некъ Израилъ рекне садъ,
„Преко главе зла премнога
„Претуріо бы нашъ градъ.

Да не беше онъ устао,
Како окупи насъ врагъ;
„Живе бы насъ поватао,
„Као звѣзде ведрый мракъ.

„Или не бы нама нѣга
„Како притиште онъ насъ:
„Изчезосмо безъ белѣга,
„Ка' у пустомъ полю гласъ.

„Него благій Творацъ свѣта
„Беше щитъ и панциръ нашъ;
„Те прећосмо мы безъ вреда
„Воде лютите кумашъ.

„Душа наша, као птица
„Исподъ ловачке мреже,
„Изтржесе изъ узица
„И на волю побеже.

„Благословенъ и до вѣка
„Некъ є Господъ нашъ и Спасъ;
„Онъ недає своґъ човѣка
„Злу у зубе ни на часъ!

V.

ПѢСН. СТЕПЕН. р̄ке.

Колико смо радостни мы были,
Кадъ Богъ наше изъ плѣна исхити,
И поврати на Сіонъ нашъ милый,
Іорданъ може нама свѣдокъ быти!

Ахъ! онда намъ беше наводніо
Уста наша потокъ пѣсме звучне;
И быстриномъ обале роніо
Жизни наше прве, злополучне.

Онда Истокъ и Западъ гледаше,
Чудећисе нашемъ дивномъ ору;
Као вино у чашу изъ чаше,
Преливаше насъ у разговору.

Сви народи онда су вѣћали,
Зашто Господъ родъ нашъ да прослави;
И имена наша премећали,
Као вѣтаръ лисће по дубрави.

Као южнымъ вѣтромъ потокъ рѣке,
Браћу, Боже, намъ допрати плѣнну!
Нека свакій сынъ майке Ревеке
Отпочине на срдашцу нѣну!

После кише и бурнога дана
Игра сунце на листу невена;
И сузама њива засѣяна
Радосћу ће быти пожнѣвена.

Ахъ! И наши, што се потуцаше,
Сѣме плача свудъ забадаюћи, —
Вратићесе на поляне наше
Съ снопомъ жетве своє, пѣваюћи.

VI.

МАРШЪ

Србa, полазећій првы чисала Маія мѣсеца 1833 год. у Краину и Тимокъ на обраненіє браће своє, притѣснене у истимъ предѣлима-

Некъ немысле зулумћари
Радити и сада,
Што су њини Ихтіари
Радили нѣкада!

Минуло є време оно,
Сада друго звони звоно,
Садъ се другій листъ чита,
Другій разлогъ цилита.

Онда нисмо мы имали
МИЛОША юнака;
Да имъ кости све извали,
Сюривъ ій съ чардака.

Л садъ нѣга мы имамо,
Слушати га треба само;
Пакъ нашъ быти и Тимокъ,
Ньинъ дуката вреданъ скокъ.

Душмани су доста крви
Тамъ наши попили;
Да се єдномъ тамо врви!
Отпоръ даде сили!

Айте! Браћо и ратницы,
Да се туку ти крвницы;
Да и тамо ньима рогъ
Сломіємо, съ нами Богъ!

VII.

СОЧИНИТЕЛЬ,

као очевидацъ, бывшій онда у Цариграду, описуюћи вооруженія, изготовлѣна противъ бунтовнога Скадарскогъ Паше, говори:

Дижесе Сѣверъ,
Єжисе море,
Гонсе парусъ,
Крећусе лађе
На тебе, Скадаръ!

Кукавче! Удри
О землю челомъ;
Ліюћи сузе,
Опроштай ишти
Отъ Падишаха!

Куда си наг'о?
У шта се уздашъ?
Погледай съ кимъ се
Ваташъ у коштацъ,
Имашъ ли очи?

Ако невидишъ,
Допусти вѣтру,
Да ти прочачка
Парлогъ ушію
И слухъ отвори.

Та земля єчи
Отъ войске царске,
Коя по суву,
Као — но гора,
На тебе иде;

И море пишти
Подъ ребромъ лађа
Съ тужбомъ на челу,
Да ій неможе
Да носи тежке.

Изъ Руменліе
И Анадола
Съ царомъ по изборъ

Сви су юнацы,
Шта мыслишъ ты?

Съ Гогомъ и Тоскомъ,
Лисцемъ и зецомъ,
Ты ли се уздашъ
Ньи дочекати?
Прсну кудъ кои!

Него іоштъ сада,
Као што реко,
Клечећи, падни
Султану на скутъ,
Опроштай ишти.

Кривицу признай
И вѣроломство,
Коимъ си кратко
Био ослѣплѣнъ
И прогледао.

Султанъ є добаръ,
Опростиће ти,
И примиће те
У нѣдра своє
Милости прве.

VIII.

СОЧИНИТЕЛЬ,

кao сынъ Отечества, изванъ коегъ се онда наодіо, боећисе, да небы пламенъ побуне, свирѣпствующе у прилежећимъ къ Сербіи областима, проникнуо и у нію, и неимающи съ начала изъ Отечества свога извѣстія каквогъ му таквогъ, и потомъ, получивши га, восклицава:

Вѣни, вѣтре милый!
И на златни крили
Ты довѣй ми гласакъ
И мио и сладакъ:
Да на моме краю
Миръ и слога траю.

Вѣе вѣтаръ, вѣе,
И желю ми грѣе,
Као сунце майско,
Былѣ красно, райско,
Кадъ пролѣће дія
И цвѣће избія.

О, вѣй, вѣтре сладакъ!
И, вѣюћи, натрагъ
Отлети презнатно
У Стигъ, полѣ златно;
Некъ барякъ твой само
Трепера онамо.

Нека на Морави
До вѣка борави,
Као жуборъ класа,
Зиждитель твогъ гласа,
И росомъ окива
Злато нѣны ньива.

А мене, ахъ, молимъ,
За то, што те волимъ,
Ты по ласти гласкай,
И душу ми ласкай:
Да є све на миру
И на любве пиру! —

Да и я удалѣнъ
Небудемъ придавлѣнъ
Каменомъ незнаня
Отечества станя;
Вѣкъ да знамъ, мируємъ,
Пѣвамъ и ликуємъ.

ПѢСМА. IX.

Онда весела я бывамъ
И мой рокъ боготворимъ;
Свѣтъ моимъ я савъ називамъ,
Кадъ самъ съ драгимъ я моимъ.

Куѣи чекамъ ли га када,
Све на прагу я стоимъ;
И некріємъ, што самъ рада,
Быти съ драгимъ я моимъ,

Што є другой на тегобу,
То я забавомъ држимъ;
Радъ нашъ, као — но узъ мобу
Дѣлимъ съ драгимъ я моимъ,

Свака свирка ми є мила,
За звукомъ іой я летимъ;
Но быстрія стечемъ крила,
Кадъ самъ съ драгимъ я моимъ.

Цвѣће мене раскопава
Райскимъ мирисомъ своимъ;
Алъ ме већма обаява,
Кадъ самь съ драгимъ я моимъ.

Обалюю птице гору
Пѣсмама, природнимъ имъ;
Незавидимъ њиномъ ору,
Кадъ самь съ драгимъ я моимъ.

Вароши мене некъ немами,
Я самь овде чимъ му тимъ;
Красно ми є и на слами,
Кадъ самь съ драгимъ я моимъ.

Нетражимъ я славе, злата,
То є у момъ оку дымъ;
Я самь срећна и богата,
Кадъ самь съ драгимъ я моимъ.

X.

Већъ ми куца смрти часъ,
Изгледа ме другъ мой — гробъ;
Пуштай, Роксо, пѣсме гласъ —
Мре лѣпоте твое робъ!

Молбу, сузе и мой плачъ
Съ презрѣнiемъ отби ты;
Крви моє, као мачъ,
Жеднила си — ево пiй!

Испій съ крвлю, ахъ, и мой,
Дышућій іоштъ тобомъ духъ;
Но и сада, видимъ, твой
Запечаћенъ стои слухъ.

„Айде, айде! Ты путуй!“
Видимъ — ликъ говори твой;
Я умиремъ — торжествуй
И до вѣка тако пой:

„Любіо ме тай и тай
„Тѣломъ — душомъ, као робъ;
„Награда му бы подъ край —
„Мѣсто срца мога — гробъ.“

XI.

ПОДСКОЧИЦА.

Нитъ є равань, нити брегъ,
Нити киша, нити снѣгъ;
Нити стрѣле ни пушке
Ни деснице ту мужке —
Лети єленъ съ кошутомъ,
Покуцкує копитомъ.

Ніє єленъ, я слага,
Ни кошута, за Бога!
Већъ дѣвойка и момакъ
Дигли тутань у облакъ:
Игра она, игра онъ,
Крилашићи чине: тронъ!

Подвикує Момчило:
„Добро, лѣпо, ахъ, мило!“
А дѣвойка Милица
Ногомъ ногу колица;
Чини ти се кита є,
И на землю нестає.

Гледа вила съ Авале
На играче — ђаволе,
Пакъ се чуди лакости,
А и ньиной лѣпоти:
„Оно ми є, вели садъ —
Єдно сестра, друго братъ!“

А и Лада пришива:
„Рука руку умива!
Тако може быти свакъ
И весео и юнакъ;
Вѣнацъ онде се прави,
Гди є любовь на слави.

XII.

Я се мучимъ,
Илъ стостручимъ
Тежку болю
И неволю,
Коя скруши
И осуши
Моє лице,
Ахъ! и срце,
Коє пуца,
А не куца,
Отъ слабости
И жалости; —
Нити могу,
Слава Богу!
Отъ овога
Отровнога
Жилна пића
Или быћа,
Да отмакнемъ
И радакнемъ:

Све залуду
Ми на труду —
Кудгодъ одимъ
Ненаодимъ
Одлакшаня
И найманя —
Замномъ туга,
Као слуга,
Доцнелъ, рано,
Полагано,
Теке слѣди,
Или гледи
Изъ прекрайка,
Као майка,
Коя мѣри
Поступъ кѣери,
Да да завѣтъ,
Нѣну паметь
Момакъ кои
Неосвои,
И окрене
Мысли нѣне,
Ди заплеће,
Како оће;
Пакъ є учи,
Или мучи,
Кара, псуе,
Да нечуе
Речи єдне
За ню вредне,
На кою бы
Свѣтски зубы
Гласъ острили,
Боже милый!
Пружи руку,
Тежку муку,
Нека свисне!
Да отисне
Съ моє груди
И пробуди
Душу злачну
И облачну
Рукомъ лека,
Кою чека
Срдце болно,
И у оно
Ты насади
Све, што слади
Пищу міра
Безъ кондира,
Или гледай
Те ме сѣрдай
Съ овогъ свѣта,
Ахъ! проклета,
Макаръ знао —
У пакао:
Болѣ ми є
И ту быти,
Него зміе
Овде злити
Моимъ духомъ,
Ахъ! и слухомъ.

ПЕСМЕ I.

ЗА ДОЧЕКЪ

НЬИОВЕ СВЄТЛОСТИ ГОСУДАРА КНЯЗА НАШЕГЪ

у Крайны 1833 год.

Сербскій Господаре!
Намъ си неба даре,
Сретно свуда ишо,
Къ нама добро дошо;

Млога ти лѣта!
Любовь те срета!
Слава ти цвѣта!

Милошъ Божидарче,
Своегъ народа Владче,
Общій нашъ спаситель,
Робства одклонитель.

Млога ти лѣта! и прч.

Све жалости наше
Садъ се утишаше,
Све престаше боолѣ,
Туге и неволѣ;

Млога ти лѣта! и проч.

Краине є страна
Тобомъ распѣвана,
Звона огласкую
Срца да ликую.
Млога ти лѣта! и прч.

Стада у пригорку
И птице у хладку,
Съ нама радуюсе
Болѣмъ надаюсе;
Млога ти лѣта! и прч.

Стѣнѣ и травице
Сунца и звѣздице,
Данъ данашньій красе,
Намъ слободу гласе.
Млога ти лѣта! и прч.

Дѣчица и Майке
Момчадъ и дѣвойке,
Старцы и Старыце
Слажу сви Пѣснице.
Млога ти лѣта! и прч.

Спѣвао Чубро Чойковиħь.

ПЕСМА 2.

Ой Данице, сяйна звездо, преоднице мила!
Гдѣ си досадъ любке твоє низпуштала зраке?
Насъ у тами тако дуго кадъ си оставила,
Одъ Варвара те сносимо люте муке сваке?

Ой МИЛОШЕ! Сербска Дико, обрано и срдце,
Главо светла! одавна Те обшта жеља чека,
Да намъ синешъ к'оно сяйно съ хорізонта Сунце,
Да озаришъ веће таму и нашега века.

Како да ТИ предстанемо? изразимо волю?
Са радости превеликомъ Тебе дочекамо?
Ко дошлицу, Сунце наше! зна одъ просте болю?
„Добро дошо! болѣ дошо!“ тимъ Те мы чекамо.

Све єстество, сви предмети Теби се радую,
И у њима Сербскогъ Рода превесела чада,
Мушко, Женско, плетуѣ' вѣнце, радость заслаѣую,
Светла Круно, прси Твоє да украсе сада.

Већь се сретни и пресретни назвати можемо,
Кадъ смо Тебе Дико наша мећ' нама видили;
Славно Име Обреновићь сви садъ разлежемо
По свимъ горамъ и долинамъ, єръ се свакомъ мили.

Богъ преблагій дарово' Ти Несторова лѣта!
Светломъ Дому и Твомъ роду свакога напредка;
Ваши труди умложили разновидѣ цвета,
Да Васъ Сербскій Родъ прославля, овако до века!

Спевао Глиша И. Павићевићь.

ПЕСМА 3.

Просте Србкинѣ Раде Веселинове, дѣвойке изъ Салачке у Нахій Гургусовачкой, пѣвана при случаю доласка кнеза Милоша Обреновића у предѣлс Видинске, коіи присоєдинѣніє къ Сербіи предстояло є, а Порта ій не уступлявала, вакъ се князъ Милошъ дигао, те ій и самъ заузео.

Кньигу пише Вуіо Булюбаша,
Па ю праћа Милошу Юнаку,
Да му сбере три иляде войске,
Да заварди Тимочку Паланку,

Да искара Турцы Видинліє.
Што є рекалъ Вуіо Булюбаша,
Све створіе Милошъ добаръ юнакъ.
Сабралъ му є петъ иляда войске,
Завардилъ є Тимочку Паланку,
И искаралъ Турцы Видинліє.
Ласно Милошъ те граде узима,
Ни се біє нити пушка пуче.
Лако иде войска Милошева,
Лако иде, далеко се чує.
Чули су га Турцы Видинліе,
Па се одъ гласъ они поплашили.
Сви си Турцы изъ градъ излегоше,
Све се полѣ Видинско поцрни,
Да гледаю Милошеву войску.
Найнапредъ є Милошъ добрый юнакъ,
По нѣга су коньи Деветацы.
По нѣгъ иду на одборъ юнацы,
Конь до коня, юнакъ до юнака;
Баряцы имъ кано и облацы,
А Миздрацы кано танка гора,
Танке пушке, шарене арбіе,
Ситне кньиге цареве беседе,
Што сѣ Милошъ съ цара додумуе.
Па говори Милошъ добрый юнакъ;
„Лако лако, моя тешка войска,
Лако лако, и Видинъ ћу узетъ;
Искараћу Турцы Видинліе.
Проюрићу ата крозъ Видина,
Пободћу си царевъ барякъ у Видина.

ПЕСМА.

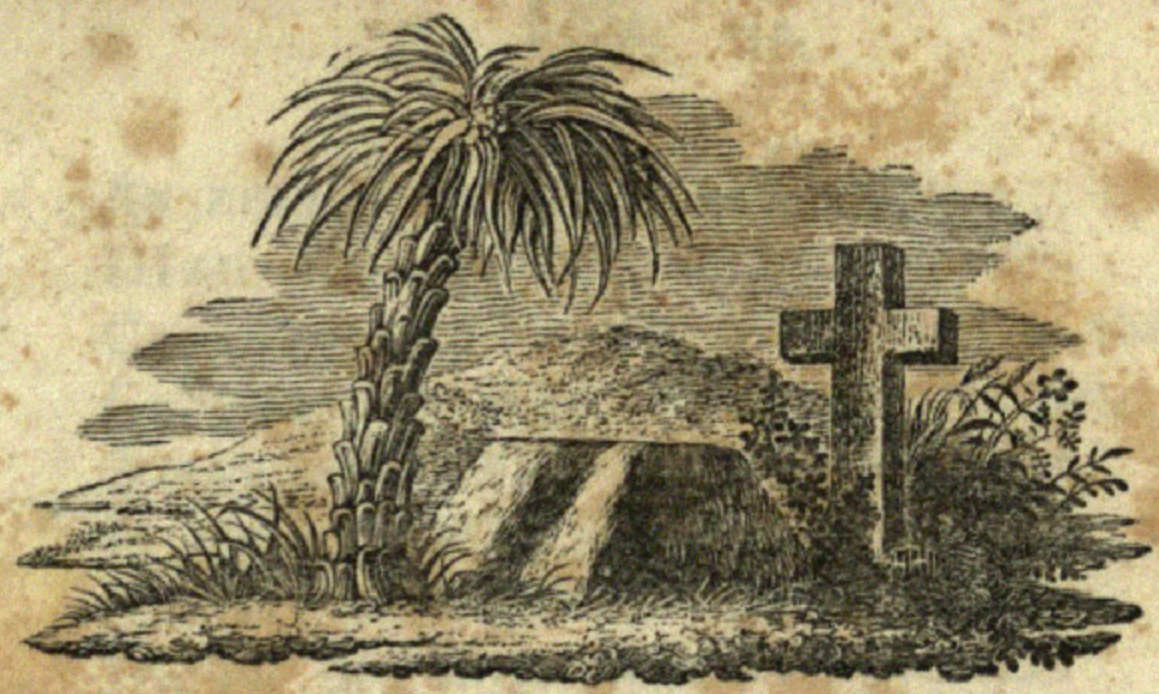
Шта я любимъ?
Знамъ я самъ,
Нити мало, ни големо,
Къ тому бело и румено.
Име само казатъ нећу,
Шта я любимъ, знамъ я самъ.

Гди я любимъ?
Знамъ я самъ,
Ни у стану, ни у граду,
Ни у двору, ни у саду,
Место никомъ казатъ нећу,
Гди я любимъ, знамъ я самъ.

Кадъ я любимъ?
Знамъ я самъ,
Даню сунце осіява,
Ноћъ насъ двоє разлучава;
Време кадъ є казат' нећу,
Кадъ я любимъ, знамъ я самъ.

Како любимъ?
Знамъ я самъ,
Или лажно, ил' искрено,
Или чисто, ил' притворно,
Чувствованя явит' нећу,
Како любимъ, знамъ я самъ.

Глигоріе Поповићъ.



NACHRUF

an

Michael Dimitriewitsch,

gewes. Protokollist der Fürstl. Serb. Finanzkammer,

welcher

im 21. Lebensjahre in Kragojewatz starb.

Ihr Alle, die Ihr hier im düstern Kreise
Vor der entseelten Hülle traurend steht,
Empfindet ernst, dass kurz das Erdenleben
Und schnell der Tod den Jugendglanz verweht.
Der Jüngling macht sich hoffnungsvolle Pläne,
Sein Auge schaut kaum in die Welt hinaus,
So tritt der Todesengel ihm entgegen,
Und löscht ihm seine Lebensfackel aus!
Was ist der Mensch? — Er kann mit heiterm Sinne,
Mit Männerkraft die Lebensstrasse gehn,
Und ach! — im Laufe weniger Sekunden
Vor jenem grossen Thron der Allmacht stehn!

Auch Dich, o Freund, umzog ein Hoffnungsschimmer,
Das irrd'sche Glück hat Dir so schön gelacht;
Doch ernst zerriss in deiner Jugendfülle
Den schönen Traum — die düstere Grabesnacht! —
Wir haben viel mit dir, o Freund, verloren,
Ja, diess bezeugt der namenlose Schmerz;
Denn wehmuthsvoll seufzt jede Freundesstimme:
„Hier schläft ein treues, gutes, biedres Herz!“ —

O lebe wohl, Geliebter, göttlich ist dein Schlummer;
Denn ruhig schläft sich's in dem engen Raum,
Kurz war dein Aufenthalt in diesem Thale —
Und ach — dein Leben nur ein Frühlingstraum! —
Du bist befreit von bangen Erdensorgen,
Frei von dem Müh'n der stets bewegten Zeit;
Dein Geist, er schwinge sich mit Kraft hinüber,
In jenes grosse Land der Herrlichkeit! —
Von dort herab schaust du auf uns hernieder
Nach der bedrängten harten Erdenwelt,
Bis einst das Schicksal deine treuen Brüder
Dir neu vereinet in dem Sternenzelt! —
Doch lebe wohl, du früh gepflückte Blume,
Von deinen Freunden, ach — so sehr beweint,
Und weile dort in jenem Heiligthume,
Bis einst der Tag des Wiedersehens erscheint;
Noch einmal werfen wir vor unserm Scheiden,
Dir sanft den Kuss der Bruderliebe zu! —
Jetzt schwing' den Geist hinauf zu höhern Freuden,
Und schlumm're sanft in deine Friedensruh'! —

Адолфъ Берманнъ.

ОТМѢНЕ РАЗНОГЪ РОДА

ДОСТОПАМЕТНОСТИ.

Султановъ Сераилъ у Цариграду, потврђава єданъ самовидацъ, заузима толико простора, колико и савъ великолѣпный Бечъ; но безъ сумнѣ безъ предградія свои. Ко є на тороню цркве Св. Стефана био, и одатле Бечке куће — градъ има око 1,500 домова — гледао, тай себи лако величину Султановогъ Сераила представити може.

Недавно у Хидрабаду, у Англіи, нашао є єданъ сиромашакъ єданъ діамантъ, кои се сада за найвећій на свету држи. Ювелири цене овай діамантъ на два миліона форинт. и веле, да га є круна узела.

У Глослугу (у Шотландіи) живи єдна жена, коя є 130 година стара; она ніє никадъ медицину узимала, ниє никадъ крвь пуштала, и у свомъ животу ніє никадъ болестна была. Нѣнъ дедъ живіо є 129 година, а нѣнъ отацъ 120!

У Лондону печатала се прошавше године найвећа на свѣту књига, подъ заглавіємъ:„ Паметникъ Енглезски юнака.“ Она є съ полакъ стопе великимъ позлаћенымъ словима средствомъ єдне дамфмашине пе-

чатана, и има 24 стопа дугачке, а 12 стопа широке листове. Ово грдно дѣло опредѣлено є на украшеніе найзнатніи Енглески Библіотека, и зато нису выше одъ 100 Ексемплара печатали. — Тиролъ.

ДОСЕТКЕ.

Уєдной одъ новодобієны србски областій, у Сврльикъ Баньи, имао є Турскій субаша стара и готова црѣи хата. Незнаюћи, како бы другогъ млађегъ и здравієгъ добіо, науми глобити Баньце, и рекне имъ: „Кои годъ ми првый каже, да ми є хатъ цркао, да знате, да ћете ми морати иляду гроша глобе платити.“ Све общество, предвиђаюћи, да ће хатъ да цркне, узмутисе, и забрине, шта да ради. Ковачъ Сврльичкій, Цыганинъ, видећи, како су се Сврльичани забринули, доће, и запыта ій, шта имъ є. Они пакъ одговоре му: „одлази цыганине! докъ си читавъ, заръ ћешъ намъ ты помоћи? Цыганинъ пакъ нехтѣне да престане одъ своегъ запыткиваня, и обштество буде найпосле принуђено, казати му, шта му є. „Е! пакъ то є найлакше, дайте вы мени 10 гроша, да се я наєдемъ и напіємъ, я ћу вамъ помоћи.“ Сви обећаю ту сумму новаца драговольно, не бы ли се само како иляде гроша глобе опростили. И цыганинъ дигнесе, те къ Турчину, и рекне му: „Помози Богъ Ага!“ а Турчинъ га упыта: „да не идешъ одъ могъ хата? како є? Цыганинъ одговори му: „Лѣпо лежи Ага, али ружно гледи.“ „Шта? викне Турчинъ, да ніе цркао?“ — „Ха! ты да платишъ Ага! тако є!“

Шаљивчина (чаушъ) княжескій, радъ измамити коју пару одъ єднога одъ господе, рекне му: „я самъ Ти

и оца познавао, бьо є човекъ поштенъ, и паметанъ, и правый господаръ, не има сиромаа, коме ніє што удѣліо, а Ты си нѣговъ сынъ, не треба ни ты другчіе да радишъ.“ Но кадъ види, да сынъ съ паромъ и не помигує, а онъ му онда рекао: „Та знамъ ти и оца, и онъ ти є бьо унцвутъ и угурсузъ.“

Господинъ Л. . . свадисе са лѣкаремъ С. . . . , и овай му рекне: „Шта булазнишъ Бога ти, ако іоште тако будешъ умствовао, то ћешъ найпосле и у домъ луды доћи“ . . „Ништа зато, одговори му Л. . . увѣренъ самь, да ћемо и я и ты тако срећни быти, те се тамо наћи“ . . .

Селякъ нѣкій доће съ пунымъ своимъ колима на врата градска, и мытаръ (ћумрукція) упыта га: „а шта ти є на колима?“ „— Зобь,“ пришапће му селякъ на уво. „Пакъ што ми тако полагано шапућешъ, као да є зобь нѣка тайна?“ рекне му мытаръ. Єстъ, рекне му селякъ, да одъ Бога нађешъ, што вичешъ тако? зато шапућемъ, да ми коньи не чую, да є зобь у колима, зашто, ако чуше, ту ће быти триста чуда одъ ньи.“

Мужъ нѣкій, кои є подъ папучомъ жене своє стояо, доће адвокату на тужбу и рекне му: „Єл' то право Господине! да ме жена моя свакій боговетный данъ біє и пребія? та све кажу, да є мужъ глава жене?“ „И єстъ, одговори му Адвокатъ, мужъ є свагда глава и господаръ жене своє, но у гдикоимъ случайма само — име господара женскогъ носи.“ —

Мужъ нѣкій почне укоравати жену свою, што ни у єдномъ своме писму, коя му у отсутствію нѣгову пише, не ставля и данъ кадъ є писмо писала. „Пакъ и на што ти дани у писму, одговори му она, та не стоє ли вечъ єданъ путъ у календару?“

Членъ нѣкій парламента енглескогъ почне другогъ члена укоравати, да га ни єданъ путъ ніє видіо, да бѣла зуба помоли, и уста отвори у парламенту. „Како, одговори му другій, та колико самь пута само зенуо, кадгодъ бы ты што предлагао у парламенту?“

Старцу нѣкомъ одъ 65 година падне на умъ, оженити се, и узме младу и у цвѣтаюћой младости налазећусе дѣвойку за жену. На сватби шане єданъ одъ сватова другомъ на уво: „Неверуємъ, да ће се и нашъ младоженя моћи надати потомству.“ „И я не вѣруємъ, да ће се моћи надати, одговори другій, но може быти, бояти.“

Єданъ одъ граћана упыта пріятеля своегъ:„ Шта бы нашемъ лѣкару, те награди кућу до самога гробля?“ „Ай, одговори му другій, заръ не знашъ, да сви рукодѣлцы (занатчіє) найвећу радость у томъ налазе, да у дѣла своіи руку гледе?“

У дружству нѣкомъ стану се посмѣвати лѣкарима, што млоги одъ ныій доводе болестнике своє злымъ леченѣмъ у гробъ. Лѣкаръ нѣкій, кои є ту быо, викне имъ:„ Но хвала Богу! млого є болестника преко моіи руку прошло, но надамсе, да се ни єданъ неће на ме потужити:“ „Неће, одговори нѣко изъ дружства, неће, зашто сте уверени, да мртвацы не могу противу васъ свѣдочити.

АДВОКАТИМА.

На части кодъ нѣкога Адвоката био є разговоръ и о правама кривичнымъ, и грађанскимъ, и господскимъ, и каноническимъ, и о свимъ другимъ правама; свакій є своє право браніо, како є кои могао „ Та не заборавите, рекне млада домаћица, и права папучнога, то є наше право.“

ЮНАЧСТВО.

И послѣдня капля моє крви
Отечеству до дна нек' истече;
Но юначко срце — ситно крви,
Прва за то капля да потече.

НАДГРОБІЄ.

Овде лежи Адвокатъ,
О дајте му ту часть:
Мѣсто другогъ опѣла
На гробу му тѣла:

Чупајтесе, опите,
Крвав'тесе, побите,
Да васъ равна, молите,
Кесе — помолите!

ШАРАДА и ЗАГОНЕТКЕ.

ВОПРОСЪ ШАРАДИ 1.

Речь самь странна, Србину не нова,
Одъ три слога, по два свакій слова.
Два ми предня (слога) кадъ по себи стоє,
Тадъ ми по свой Турской име броє.
Ал' немысли да ми є ту станакъ,
Свуда самь я — свуда плаћамъ данакъ:
Земля, вертепъ, престолъ ми є Небо
Было смутно, было оно ведро.
Кадъ ми име у глаголу стои,
Онда самь я, гдѣ се што годь двои (дѣли);
Одсѣцы ми єдно слово с' преда,
Онда бывамъ, што ти законъ неда
Учинити црквеный, ни царскій,
Само кадь кадъ вели мілітарскій!
Садъ ми съ друге стране узмій слово,
Да добіємъ друго име новѣ,
Своє мѣсто коє онда има,
Кадъ существо єдно друго пріима.
Два последня казую ти слога
Србско име, а рода мужкога.
Два ти иста безъ првогъ писмена,
Стварь нарычу другога имена:
Леня ніє, алъ є редкоходна,
Назвати се може земноводна.
Редко своє мѣсто она меня,
Премъ да вѣка, кадкадъ бъива маня.

Быва цѣла, быва половина,
Дає кадкадъ и доброга вїна.
Два ти иста безъ крайнѣгъ писмена
Стварь нарычу другога имена;
Похвална є, алъ грозна обликомъ,
Дѣло іой пакъ называю дыкомъ;
Свы несгода быва побѣдитель,
Али сама свой ти є мучитель.
Садъ іой прво ты избриши слово,
Измышлѣнно имаћешъ, не ново (мѣсто)
У комъ Волтеръ Софоклу поспѣши,
Ил' с' Теспідомъ хтеде да се тѣши.
Любителю милый загонетке,
Извуцы се изъ те любке плетке!
Састави ми те слогове крайнѣ,
Пакъ несумняй онда ни найманѣ,
Да званія име ніє женско,
И таково не быва витежко,
Пакъ ти много у глаголу страда,
И приноси газди много яда.
Желишъ, да ме видишъ у одѣлу,
нуарія иди на Неву,
И гдѣгодъ є текъ новаца доста,
Там' одъ мене неимаю поста,
Мілітарска дыка самъ ти єдна,
Нити самъ я кодъ войника бѣдна.

Како ти се допадамъ Шарадо?

ЗАГОНЕТКА 2.

Речь самъ мала, али снажна,
Премъ три слога да броимъ:
Отправлямъ ти дѣла важна,
Ал' по указу кроимъ.
Изванъ царства мой э станакъ,
Време радо проводимъ —
Пакъ неплаћамъ ником' данакъ,
Пріятеля находимъ.

Слогъ ми првый одъ имена
Італію проходи;
Носи знатна и бремена,
Одкудъ многій доходи!
У найвећой слави кадъ є,
Велико име губи,
Похвала му тадъ престає,
Чимъ Адрію полюби.
Другій степенъ растѣнія
Теби каже трећій слогъ
Осмословна названія —
Илъ имена, рѣћи, могъ.
Два последня слога моя
Ствaрь бездушну нарычу
Єло вкусно чини коя (метонумія),
Да намъ гости невичу,
Садъ имену томъ избриши,
С' преда єдно, са страгъ два, (писмена)
Растѣніє увидиши,
Одѣвати коє зна.

Лазаръ Бошћь.

ЗАГОНЕТКА 3.

Я самъ роде одъ твогъ рода,
Живіо ми, е да Богъ да!
Првый ми те слогъ представля,
Кой се изъ два текъ саставля: (слова)
Съ другимъ кажешъ шта ти радимъ,
А у време башъ кадъ седимъ;
Првый си ми слогъ видіо,
Другій већъ си погодіо,
Или 'ћешъ га да погодишъ,
Чимъ га изъ три слова сложишъ.

Іованъ Крстићь.

РАЗРЕШЕНІЄ ЗАГОНЕТКІЙ

У

ЗАБАВНИКУ ЗА 1833. ГОД.

ШАРАДА 1. И 2.

Да є мени на Космаю,
Гди умилно Косъ зviждука,
У месецу быти Маю,
Срцу бы ми с'нашло лека.
Єръ онда бы могъ живота
Шарада се разрешила,
Пакъ бы лепо Сфинксъ проклета —
У оцеанъ погодила.
А овако коя файда,
Што цветъ польскій дичи шара,
Одъ менъ Рада — кадъ к'о ада,
Одъ обале стои мора?

ЛОГОГРІФЪ.

Босно земльо проглашена!
Босъ бы тебе полазіо
Чупићъ Стоянъ, значина,
Осъ — Мехмеда, кадъ є зи'ю.
Ал' се нѣму куняше:
Вера тврђа одъ камена,
Нећу робит' снае ваше:
На заклетву одъ Турчина!

ЗАГОНЕТКА 1.

Ко ће людма угодити?
Робъ Станоє ено ништи,
Да му ланацъ ноге тишти,
Пакъ што може маньій жели;
А Госпа се Перса єди,
Свога мужа исує грди:
Кукавицо! кадъ ћешъ стећи,
Да ми купишъ Ланацъ већій?

ЗАГОНЕТКА 2.

До последнѣ све погоди,
Алъ кодъ ове чворъ се роди,
Пакъ отрчимъ Домишљяну,
Комъ по кньиги загонену.
Чувши Знара ста с' крстити:
Буд' Богъ съ нама, ћаво чити!
Иди — рече — не будали,
Гди б' жебраку круну дали?
Ко бы данасъ мртавъ быо,
А сутра се веселіо?!!
Вєћъ му почо веровати
Даръ — ябуку жаловати,
Алъ се мало после сети,
Пакъ му с' стадо Богомъ клети,
Да самь вид'іо у Театру...
Онъ дочека: Актеръ — Андру!

☞ Има и выше Срба, кои су у прози погађали ланьске загонетке Забавника, но мы само разрѣшеніе Г. Исидора Стояновића зато ставлямо, што є у стиховима, и што є све загонетке онако погодіо, као што ій є сочинитель разумѣвао, а разрѣшенія у прози нису ій све онако разрѣшила, као што ій є овай мыслію.

Д. І. Загонетчаръ.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

СОДРЖАНІЄ.

	Стр.
Календаръ.	
Астрономическо предсказаніє .	I.
Родословіє Султаново . . .	III.
Главни Владѣтельи Европейски	IV.
Родословіє Княза Милоша . .	VII.
Списакъ Чиновника Србскій .	IX.
Преповѣдке изъ разны Ауктора преведене:	
Одржано слово	1.
И судія и човекъ	7.
Великій човекъ	16.
Єдна одъ дужностій човека у высокомъ чину	45.
Єдинственый човекъ	52.
Чистосрдечный Бретаняцъ . .	59.
Заблуђеніє доброгъ оца . . .	106.
Любовь, жертва дужности . .	146.

ПРИЛОЗИ.

	Стр.
Различни Споменицы	
Феодора	163.
Елеонора Шеврейка	196.
Огледало супружеске любови и вѣрности	201.
Стихотворенія Пауна Янковића	209.
Песме за дочекъ Свѣтлогъ Княза нашегъ у Крайны 1833. .	227.
Песма любовна	231.
Сѣтованѣ на гробу Міхайла Димитрієвића	232.
Отмѣне разногъ рода достопаметности	234.
Досетке	235.
Шарада и Загонетке . . .	239.
Разрешеніє Загонеткій . . .	242.

Трошкомъ Глигорія Возаровића у Београду.

Г.Г. ПОДПИСНИЦЫ

НА ЗАБАВНИКЪ.

СВА СВѢТЛѢЙША ФАМІЛІЯ ГОСПОДАРА И КНЯЗА СРБСКОГЪ.

СВА СІЯТЕЛНѢЙША ФАМІЛІЯ БРАЋЕ КНЯЗА СРБСКОГЪ.

СВА ГОСПОДА ЧИНОВНИЦЫ СРБСКИ, НАЗНАЧЕНИ У СПИСКУ ЧИНОВНИЧКОМЪ, СВЕ ВЫШЕ ДУХОВЕНСТВО, СВИ ПРОТОПРЕСВИТЕРИ, ИГУМНИ, И НАМѢСТНИЦЫ ПРОТОПОПІЯТА У СЕРБІЙ, НАЗНАЧЕНИ У СПИСКУ ВЫШЕГЪ ДУХОВЕНСТВА.

ГОСПОДА ПОДПИСНИЦЫ ОДЪ ОСТАЛЫ РЕДОВА: СВЕШТЕНИЧЕСКОГЪ, КМЕТОВСКОГЪ, ТРГОВАЧКОГЪ, И ЗЕМЛѢДѢЛСКОГЪ:

Београдъ Србскій.

Благородный и Высокоученый Г. Димитріє Панта Тиролъ, воспитатель Сіятелнѣйше фамиліє Г. Єфрем' Обреновићеве. Благородный Г. Лаза Пповићъ, у Княжескомъ двору у Београду писаръ. Мата Івановићъ, Апотекаръ Београдскій.

Поштенородна Господа Трговцы. Петаръ Милойковићъ, купецъ, житель и членъ благоизбранногъ общества Беог. рожд: у Соколъ Баньи. Милутинъ Радовановићъ. куп. Емануилъ Стефановићъ, рожд: у Соколъ Баньи. Дука Бешика, рожд: у Клисури у Мацедоніи. Димитріє Станоєвићъ. Никола Хаџи-Селаковићъ. Лазаръ Мильковићъ, за сына свога Свѣтозара. Милоє Радоє Божићъ. великокупацъ марвен: Стоянъ Павловићъ, куп: и жит. Земунскій. Панта Георгіє, каснаръ. Димитріє Лазаревићъ. Янићіє Ђерманъ. Янићіє Міовићъ, рожд. у беломъ полю у Албаніи. Анастасъ Хрістодуловићъ, рожд: у Өесалонику. Ілія Милосавлѣвићъ. Михайлъ Загла, рожд: у вароши Гладцу у Мацед: Анастасъ Ілія Трояновићъ. Наумъ Анастасъ Микаруша. Стоянъ Хаџи Гроздићъ, жит: Пазарџискій. Іованъ Коста Поповићъ, рожд. у Селу Любанцу у Нахіи Скоплянской. Вукашинъ Обреновићъ. Ђорђе Іовановићъ Белка, Абаџія рож. у селу Ритопеку. Михаилъ Зисићъ, винопродавецъ, рожд. у Сачисти у Мацедоніи. Никола Антоновићъ, винопродацъ. Гаврилъ Кнежевићъ, ковачъ и членъ избранаго Руфета Ковач. рож. у Срему. Михаилъ Атанасковићъ, Ковачъ Беог. Димитріє Н. Ичко. 53.

Нахія Валѣвска.

Честн. ГГ. Райко Антонієвићъ, пар. Вукан. Владимиръ Поповићъ, пар. Тулар, Янко Маловићъ, пар. Памбуков, Іованъ Юришићъ, пар. Радош. Ашко Марковићъ, пар Голи-Глава Матей Ђурђевићъ, пар. Блигон. Сима Павићъ, пар. Бранковине. Софроніє Марковићъ, пар. Бабине Луке. Іованъ Поповићъ, пар. Папучкій, Викентій Поповићъ, пар. Диваца. Дамнянъ Ђелмашъ, пар. у Гвозденовцу. Дамнянъ Поповићъ, пар. у Звечкой. Стефанъ Вилотићъ, пар. Грабовца. Живко Поповићъ, пар. Стублина. Добривой Єремићъ, пар. у Орашцу. Павле Поповићъ, пар. у Іошеви. Груица Михайловићъ, пар у Іошеви. Марко Поповићъ, пар. Бргуланіе. Дамянъ Радосавлѣвићъ, пар. Ябучя. Милія Павловићъ,

пар. Палюсима. Петаръ Єремићъ, пар. у Убу. Гаврило Поповићъ, пар. у Баєвцу. Никола Ивановићъ, пар. у Баєвцу. Добривой Урошевићъ, пар. Валѣвскій. Прока Сайћъ, пар, Кадине - Луке. Милованъ Поповићъ, пар. Брзя. Вићентіє Николићъ, пар. Лайковца. Илія Стефановићъ, пар. Райковице. Алемпіє Іовановићъ, пар. Петньице. Василіє Поповићъ, пар. Петньице. Викентіє Поповићъ, пар. Мрчића. Михаилъ Поповићъ, пар. у Вртиглавама. Сретенъ Радосавлѣвићъ, пар. Врачевића. Сава Поповић, пар. Врачевића. Миланъ Митровићъ, пар. Врачевића. Тома Іоксимовићъ, пар. Врачевића. Радойца Стефановићъ, пар. Ключа. Стефанф Іовановићъ, пар. Драгића. Іованъ Поповићъ, пар. у Планиницы. Іованъ Шаиловићъ, пар. Горнѣ Буковице. Никола Протићъ, пар. Гор. Буковице. Ђорђе Поповићъ, пар. Миличинаца. Спасое Васићъ, пар. Плужца. Рада Велесићъ, пар. Лопатне. Іованъ Радићъ, пар. Лопатне. Іованъ Миловановићъ, пар. Каменице. Петаръ Николићъ, пар. у Причевићу. Павле Илићъ, пар. у Іованьи. Неделько Живановићъ, пар. Пустинѣ. Никола Давидовићъ, пар. Пустинѣ. Неделько Ранисавлѣвићъ, пар. Грачаньце. Петаръ Томићъ, пар. Ћелія.

Поштенородна Господа Трговцы: Бошко Тадићъ. Танасіє Даниловићъ. Дамянъ Радлѣвацъ, Стево Тешићъ, Іоцо Араповићъ, кметови Валѣвскіи. Янко Николићъ, кметъ Уба. Іово Стойковићъ, трг. Илія Римъ-папа. Радивой Стефановићъ, кметъ Палежа. Станойло Радосавлѣвићъ, трг. Іово Узунъ. Іовица Милутиновићъ у Санковићи.

Поштенор. Г. Петаръ Х. Алимпићъ, трговацъ изъ Шабца.

Заєчаръ.

Честн. ГГ. Марко Милошевъ, пар. Роготскій. Ђорђе Елиновићъ, пар. Злотскій. Іованъ Маринковићъ, пар. Луковскій. Петаръ Радосавлѣвићъ, пар. Планиничкій. Милисавъ Іовановићъ, пар. Леновачкій. Сима Николићъ, бывшій Оберъ - Кнезъ подъ Турцыма. Лазаръ Бошковићъ, и Ника Бошковъ, Болтаціє у Заєчару.

Капетанія Млавска.

Честтѣйшій. ГГ. Ђорђе Аћимовићъ, Парохъ Божевачкій. Спасоє Міяиловићъ, пар. Шетоньскій. Марко Поповићъ, пар.

Буровачкій. Іосифъ Янковићъ, пар. Лаолскій. Тривунъ Максімовићъ, пар. изъ Свине. Арсеній Поповићъ, пар. у Каменови. Никола Поповићъ, пар. Кулянскій. Теодосій, Монахъ Горнячкій. Миаило Стевановићъ, Дућанція изъ Свине. Ђорђе Катићъ, Дућанція изъ Свине. Андрей Стефановићъ, Учитель Рашаначкій.

Капетанія Моравска.

Честнѣйшіи. ГГ. Іосифъ Стефановићъ, Парохъ Пожаревачкій. Ілія Протићъ, пар. Пожаревачкій. Кирилъ Єфтићъ, пар. Лучичкій. Спиридонъ Євтићъ, пар. Влашкодолскій. Стоянъ Радивоєвићъ, пар. Проовскій. Живко Николићъ, пар. Ореовичкій. Снефанъ Міхаиловићъ, пар. Породинскій. Миаило Радивоєвићъ, пар. Кушилѣвачкій. Петаръ Поповићъ, пар. Кушилѣвачкій. Павле Поповићъ, пар. Кушилѣвачкій. Димитрій Живановићъ, пар. Брзоодскій. Матей Ивановићъ, пар. Брзоодскій. Николай Поповићъ, пар. Црничкій. Огнянъ Поповићъ, пар. Заовачкій. Николай Живковићъ, пар. Дубравичкій. Марко Марићъ, кметъ изъ Ореовице. Ђорђе Дмитровићъ, кметъ изъ Ореовице. Николай Урошевићъ, Кметъ изъ Кушилѣва. Милойко Филиповъ. изъ Кушилѣва. Станко Игнятовъ, изъ Кушилѣва. Милованъ Цукићъ, изъ Кушилѣва. Тома Іаићъ изъ Добрнѣ. Іованъ Радойчићъ, изъ Добрнѣ. Стоянъ Іовановъ изъ Добрнѣ. Мита Стевановъ, трг. изъ Ореовице. Станко Данићъ, кметъ изъ Полатне. Филипъ Павловъ, кметъ изъ Сибнице. Лазаръ Поповићъ, изъ Брзова.

Капетанія Мачванска.

Честнѣйшій Г. Іованъ Стевановићъ, пар. изъ Ноћая Поштенородный Г. Єремія Живковићъ, кметъ за сына свога Исаака изъ Ноћая.

У Нахіи Новопазарской.

Поштен. Г. Атанаско Видаковићъ, Булюкбаша.

Честн. ГГ. Свта Петрушићъ пар. Брячкій. Милинко Шућуровићъ, пар. Куриловскій. Симо Шућуровићъ, пар. Куриловскій. Радованъ Шућуровићъ, пар. Куриловскій. Аћимъ Частинацъ, кметъ изъ Дубля. Лазаръ Пешићъ изъ

Новасела. Ђоко Раденковичъ изъ Курилова. Іованъ Никовићъ, изъ Гоча.

Капетанія Омольска.

Честнѣйшіи. ГГ. Димитрій Миловановићъ, пар. Жагубичкій. Павле Іовановићъ, пар. Изворачкій. Панта Стоядиновъ, трг. изъ Велико-Градишта. Стеванъ Нешићъ, трг. изъ Велико-Градишта. Лаларъ Обрадовићъ, трг. изъ Велико-Градишта. Марко Милинъ, Абація изъ Велико-Градишта.

У Нахіи Пожешкой.

Поштонород. ГГ. Кметови Капетаніе Трнавске: Гойко Костићъ, Стоянъ Танасковићъ, Радованъ Поповићъ, Арсеніе Раићъ, Радисавъ Вилотіевићъ, Іованъ Бугаринъ, Іованъ Лукићъ, Димитріе Мацаревићъ, Булюкбаша, Іованъ Милошевићъ, Илія Шошићъ, Гаврило Стефановићъ, Миша Михаиловићъ, Петроніе Вельовићъ, Миленко Штавляникъ, Милія Міятовићъ,

Поштеннород. ГГ. Трговцы Вароши Карановца: Іованче Стаићъ, Паіо Српчанинъ, и Миланъ Терзія.

Нахія Пожаревачка.

Поштенородніи ГГ. Кметови: Марко Марићъ, изъ Ореовице. Ђорђе Дмитровићъ, изъ Ореовице. Николай Урошевићъ, изъ Кушилѣва. Милойко Живановъ, изъ Кушилѣва. Стойко Игнятовъ, изъ Кушилѣва. Милованъ Цукићъ, изъ Кушилѣва. Тома Гаићъ, изъ Добрнѣ. Іованъ Радоичићъ, изъ Добрнѣ. Стоянъ Іовановићъ, изъ Добрнѣ. Мита Стефановићъ, изъ Ореовице трговацъ. Станко Данићъ, изъ Палатне. Вилипъ Павловићъ, изъ Сыбнице. Лазаръ Поповићъ, изъ Брзоода. Стойко Ђорићъ, изъ Смольинца писаръ. Миленко Ћирићъ, изъ Смольинца терговацъ. Миляйло Стефановићъ, изъ Свина Дућанція. Ђорђе Катићъ, изъ Свина Дућанція.

Капетанія Поцерска.

Честнѣйшій Г. Янко Ђукановићъ, парохъ изъ Букора. Поштеиородн. ГГ. Миланъ Гавриловићъ, трговацъ изъ Румске. Живанъ Тадићъ, кметъ изъ Маова. Никола Поповићъ, кметъ изъ Ссношевића. Павле Ћелићъ, за сына Марка изъ Синошевића.

— ● —

Капетанія Посавска.

Честнѣйшій Г. Тривунъ Новаковићъ, парохъ изъ Мрѣеновца.
Поштенородный Г. Васа Враштанићъ, кметъ изъ Міокуса.

Капетанія Рамска.

Честнѣйшіи. ГГ. Вићентій Протићъ, Пресвутеръ и парохъ Смольиначкій. Тимотей Протићъ, пар. Смольилачкій. Стойко Ђорићъ, писаръ изъ Смольинца. Миленко Ђорићъ, трг. изъ Смольинца. Стойко Лазићъ, трг. изъ Смольинца. Стока Живковићъ, Ђурчія изъ Смольинца. Панта Катићъ, изъ Бара. Пантелія Лазићъ, изъ Бара. Бога Вилиповићъ, изъ Сиракова. Никола Лазићъ, изъ Сиракова. Яковъ Петровићъ, пар. Маріанскій. Стефанъ Поповићъ, пар. Кличевачкій. Никола Родићъ, кметъ изъ Кличевца. Живоинъ Н. парохъ. Настасъ Петровићъ, изъ Кисилѣва. Ђока Ранинъ, изъ Кисилѣва. Живко Среинъ, изъ Кисилѣва. Стоићъ Стокинъ изъ Кисилѣва. Пая Янковићъ, изъ Кисилѣва. Алекса Стоймировићъ, изъ Кисилѣва. Урошъ Степансвъ изъ Кисилѣва. Стоядивъ Терзићъ, изъ Кисилѣва. Васа Іовановићъ изъ Кисилѣва. Васілъ Симуновъ, изъ Тополовника Янко Ілканъ, пар. Тополовничкій Бранко Димитрієвићъ, пар. Рамскій. Ђорђе Протићъ, трг. изъ Рама. Ђорђе Николићъ, изъ Рама. Петаръ Стойковъ, изъ Рама. Іованъ Іовановићъ, изъ Рама. Димитрій Николићъ, пар. Костолачкій. Антоніи Нешићъ, пар. Брадарачкій.

Капетанія Рађевска.

Честнѣйшіи Г Г. Тома Марковићъ, парохъ изъ Беле Цркве. Петаръ Протопоповићъ, парохъ изъ Беле Цркве. Марко Іовановићъ, парохъ изъ Комарића. Сава Филиповићъ, парохъ изъ Комарића. Авакумъ Вићановићъ, парохъ изъ Ликодре. Симеонъ Савићъ, парохъ изъ Брестице. Кирилъ Тадићъ, парохъ изъ Липеновића. Іованъ Васићъ, пар. изъ Брасине. Станимиръ Груичићъ, пар. изъ Шльивове. Гаврилъ Живановићъ, пар. изъ Врбића. Веселинъ Милићевићъ, пар. изъ Моћойвика.

Свилайница.

Преподоб. Г. Єромон. Самуило Янковићъ, у М. Раваницы.
Поштен. Г. Добросавъ Здравковићъ, и Іованъ Здравковићъ, трг.

— • —

Капетанія Тамнавска.

Честнѣйшіи. ГГ. Аксентіє Филиповићь, парохъ изъ Лютица. Константинъ Бабовићь, парохъ изъ Коцелѣве. Георгій Лазаревићь, парохъ изъ Мровске. Іованъ Поповићь, парохъ изъ Црнулѣва. Ранко Теодоровићь, парохъ изъ Белотића.

Поштенород. ГГ. Андрія Милосавлѣвићь, кметъ изъ Лютица. Живань Младеновићь, кметъ изъ Црнилѣва. Василъ Стевановићь, кметъ изъ Мурастовца. Сава Теодоровићь, кметъ изъ Ђуковина. Боя Недељковићь, кметъ изъ Мровске. Михаило Глигорићь, кметъ изъ Пеиновића. Илія Ненадовићь, кметъ изъ М. Бошњака. Никола Зарiићь, кметъ изъ Каменице. Никола Ранковићь, кметъ изъ Брдарице. Милошъ Павловићь, кметъ изъ Козарице. Никола Марiнковићь, зе-
ѣдѣлацъ изъ Брдарице. Илія Баићъ, землѣдѣлецъ изъ В.
шняка. Пантеліа Глигорићь, землѣдѣлецъ изъ Муратов-
Станойло Пуретићь, землѣдѣлецъ изъ Свилеуве. Гли-
Коићь, землѣдѣлецъ изъ Свилеуве. Гача Радосавлѣвићь,
млѣдѣлецъ изъ Свилеуве Глиша Ранисавлѣвићь, землѣ-
лецъ изъ Свилеуве. Павле Ристивойчевићь, землѣдѣлецъ
Свилеуве. Іованъ Митровићь, землѣдѣлецъ изъ Брда-
це. Никола Маркићевићь, землѣдѣлецъ изъ Свилеуве.
иша Милићевићь, землѣдѣлецъ изъ м. Бошняка. Андрія
Антићь, землѣдѣлацъ изъ Каменице. Ђука Милићевићь, зе-
млѣдѣлацъ изъ Каменице. Никола Лукићь, землѣдѣлацъ изъ Суботице. Сава Ивановићь. земледѣлацъ изъ Белотића. Тома Павловићь, земледѣлацъ изъ Каоне. Пурешъ Стевановићъ, земледѣлацъ изъ Пеиновића. Манойло Милошевићъ, земледѣлацъ изъ Свилеуве. Іованъ Марковићь, за сына Андрію изъ Свилеуве.

Капетанія Ядранска.

Поштенородный Г. Іованъ Мићићь, трговацъ изъ Лознице.
Честнѣйшіи ГГ. Лаза Филиповићь, пар. изъ Брадића. Станко Протићь, пар. изъ Руняна. Петаръ Степановићь, изъ Грнчара. Ћира Панићь, изъ Яребице.

Цариградъ.

Н. Превосходителство, Господинъ дѣйствит. Статскій Совѣтникъ, полномощный министеръ Н. В. Императора Всероссійскогъ при Порти Оттоманской, кавалѣръ крста свете Анне првогъ степена, свет. Владимира трећегъ степена, и имаюћій медалю за Турскій ратъ, и медалю за безпорочну двадесеттрегодишню службу, Аполлинарій Петровићъ Бутеневъ.

Н. Высок. Павелъ Владимировићъ Титовъ, Надворный Совѣтникъ, Секретаръ Посланичества, и разны ордена Кавалѣръ.

Н. Святость, Вселенскій Патріярхъ Константіє.

Поштен. ГГ. Лазаръ Сортанъ, трг. Капетанъ Крста Видовићъ, и Капетанъ Никола Маловићъ.

ГГ. Пренумеранти Аустрійски.

Бечъ.

Поштен. Г. Тодоръ Тирка, и Димитріє Тирка, тргов[illegible]

Земунъ.

Г. Ц. К. Толмачъ Игнятій Василісвићъ. Г. Іован[illegible] вићъ, Ковачъ.

Пешт[illegible]

Поштенородный Г. Іосифъ Миловукъ [illegible] и грађанинъ [illegible]танскій и Будимскій, Образа Славны Србаля, и књига наши издаватель, снабдѣватель художествены наручбина, како у бакру сечены образа, портрѣта, вигнета, адреса и свакояки писанія, и у камену, како фигуралны, тако писаны надписа, надгробія, свакояки билѣга и ікона, такође и у свима познатимъ єзицыма, по найновіємъ вкусу маланы и писаны словы табла.

Прагъ.

Высокоуч. Г. Павелъ Іосифъ Шафарикъ, выше учены друшства членъ.

Печатано Адолфомъ Берманомъ, Директоромъ Типографіє.

Библиотека Матице Вровске у Новом Саду

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
РПСрI 28
1834.1